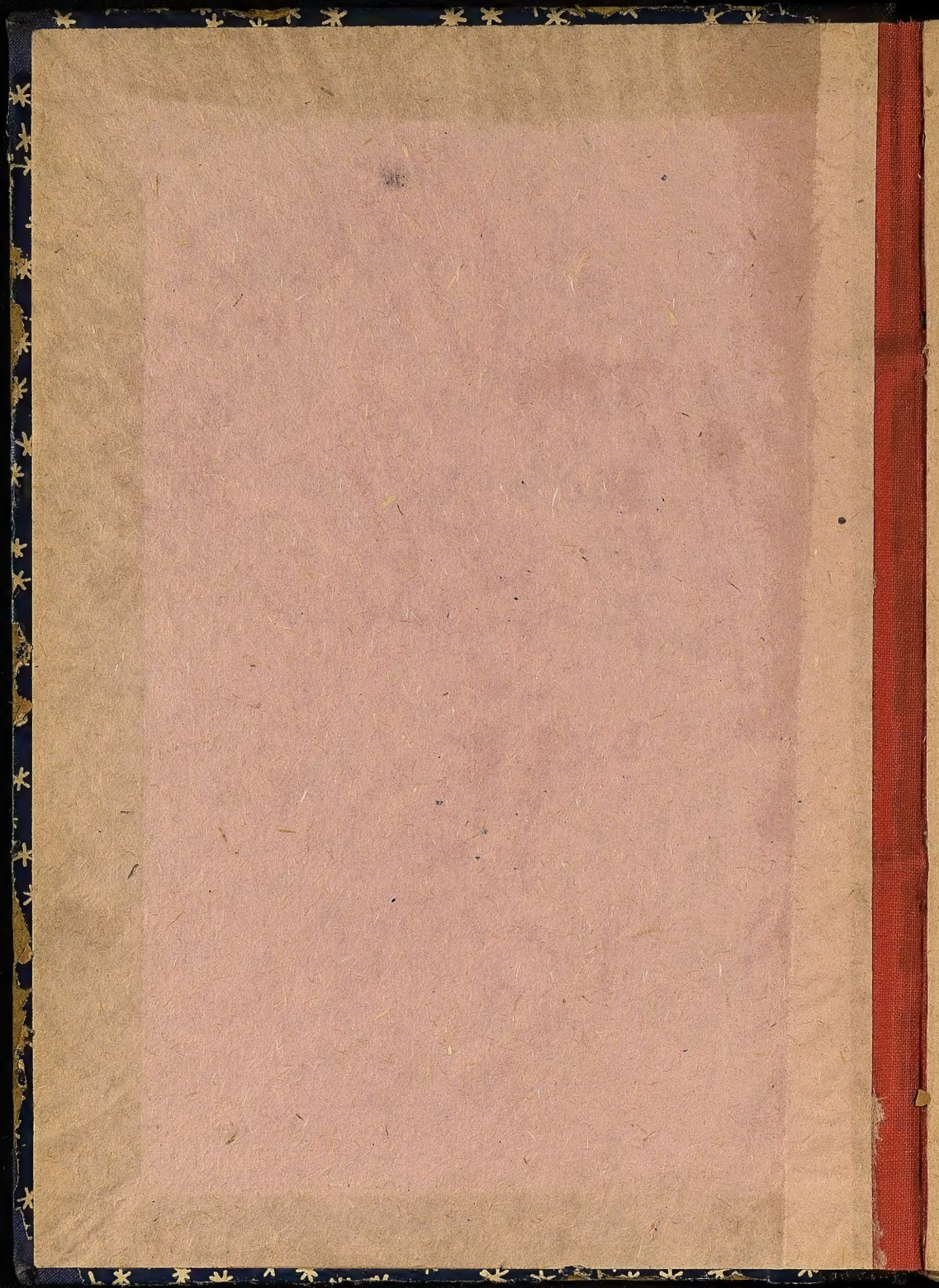
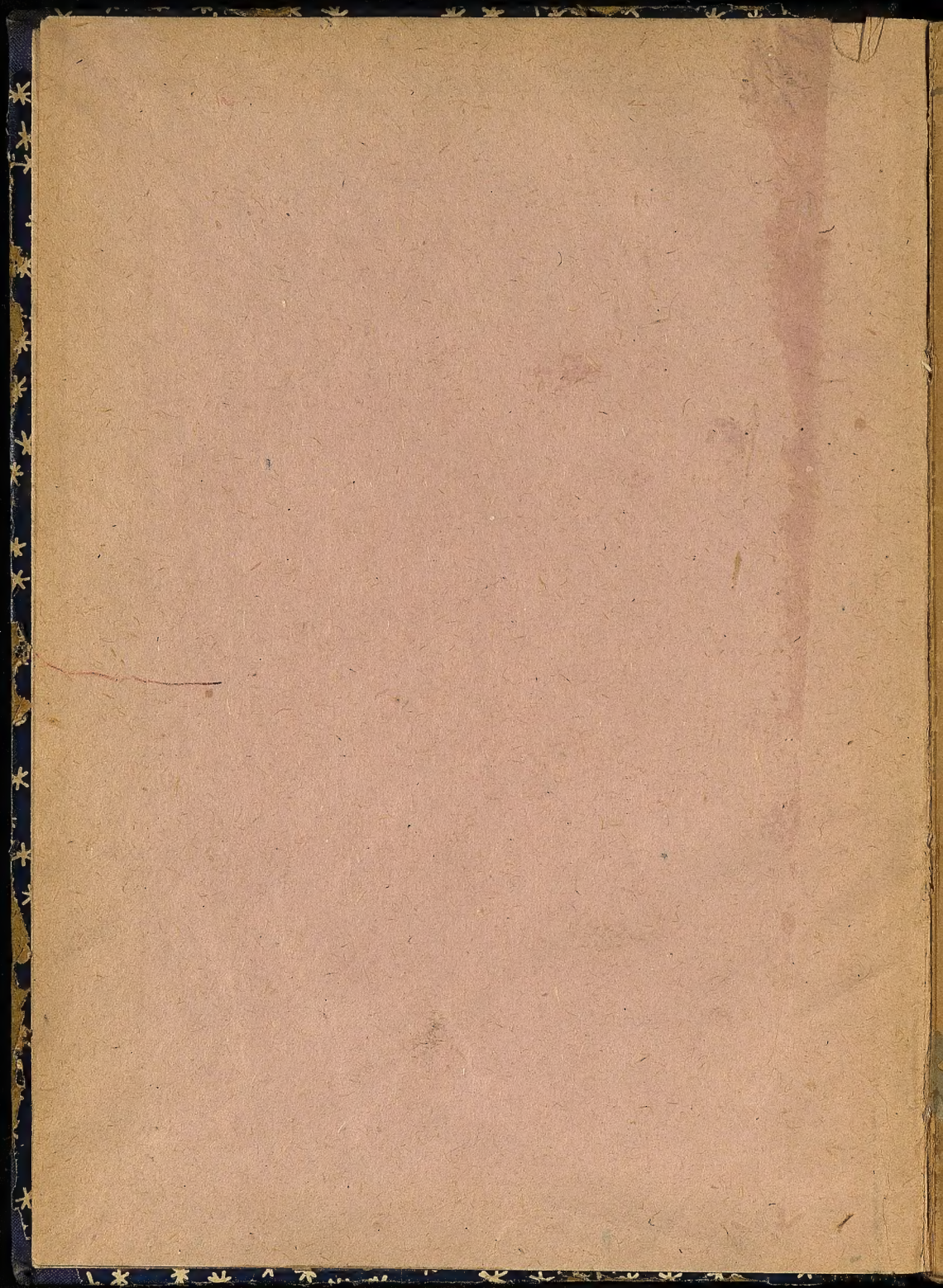

P1 ³/₃₁₇

Р 1312
Е. БУДДЕ

КЪ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ВЕЛИКОРУССКИХЪ НАРѢЧІЙ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

особенностей Рязанскаго говора.

(Отдѣльный оттискъ изъ „Рус. Фил. Вѣстн.“)

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МАРИИ ЗЕМКЕВИЧЪ.

Б. КРАКОВСКОЕ-ПРЕДМѢСТІЕ Б.

—
1892.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 10 Сентября 1892 г.

101 $\frac{3}{317}$

449

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Настоящая жизнь языка заключается
въ низшихъ слояхъ народной рѣчи“.
(Стоюнинъ. Высшій курсъ р. грам. 3).

Въ настоящее время мы уже не чувствуемъ себя поставленными въ необходимость разбяснять и доказывать значеніе специальныхъ работъ по изслѣдованію отдѣльных живыхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ для науки о русскомъ языкѣ вообще: общее направленіе современной научной мысли въ русской филологіи, а равно и возрастающее, можно сказать, съ каждымъ днемъ количество специальныхъ статей, посвященныхъ разработкѣ мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ, служатъ одновременно и выраженіемъ и доказательствами всеобщаго сознанія важности вопроса.

Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ В. И. Даль высказалъ мнѣніе, что „простонародный языкъ — корень и основаніе образованнаго языка“ (Словарь Ж. В. Я. 2-е изд. Статья „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Стр. XXXII), и самъ всей своей дѣятельностью доказалъ важность его изученія, представивъ громаднй матеріалъ для научной обработки. Черезъ девять лѣтъ послѣ этого вышедшая „Историческая грамматика“ Ѳ. И. Буслаева представляетъ еще до сихъ поръ неисчерпанный источникъ свѣдѣній и мыслей благодаря, именно, тому, что въ нее внесены

элементъ живого русскаго просторѣчія, скрывающаго въ себѣ нерѣдко тѣ звуковыя и этимологическія формы, которыя представляются намъ посредствующими звеньями между отжившими и живущими теперь фактами русскаго книжнаго языка. Несомнѣнно, что О. И. Буслаевъ, глубокомысленно воспользовавшись данными живого народнаго языка, завѣщалъ намъ много интересныхъ и важныхъ вопросовъ.

Дальнѣйшая разработка русскаго языка подѣ перомъ отдѣльных ученыхъ выясняетъ болѣе опредѣленные задачи русскоѣ филологіи и конечную цѣль — построеніе полной и ясной исторіи русскаго языка, какъ лѣтописи духовной жизни русскаго народа. Для достиженія этой цѣли ставится внѣ всякаго сомнѣнія необходимость изслѣдованія отдѣльных живыхъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка, какъ подготовительной работы, и вотъ труды Потебни, Колосова, Огоновскаго, Житецкаго, Недешева, Карскаго и друг., обнимающіе собой главныя нарѣчія русскаго языка, получаютъ важное значеніе въ связи съ спеціальными трудами по разработкѣ отдѣльных поднарѣчій и говоровъ и находятъ для себя необходимое дополненіе въ безчисленныхъ спеціальныхъ статьяхъ Халанскаго, Бѣлоруссова, Соболевскаго, Тихвинскаго, Карпинскаго, Александрова, того-же самаго Карскаго и друг., разсѣянныхъ на пространствѣ многихъ годовъ изданія Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Какъ показываютъ перечисленные и подобныя работы по русскому языку, изслѣдованія въ его области имѣютъ исходною точкою и основаніемъ или записанныя и изданныя произведенія народнаго творчества, или непосредственно живой народный говоръ, наблюденія надъ которымъ дѣлаетъ самъ слышащій его звуки. Работы перваго рода предполагаютъ готовыми надежныя и многочисленные источники, а въ таковыхъ, какъ извѣстно, ощущается большой недостатокъ, ибо существующіе сборники произведеній народнаго творчества, какъ-то: Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга, Кирѣевскаго, Афанасьева,

Барсова, Безсонова, Варенцова, Шейна, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова и др. даютъ болѣе матеріала для историко-литературныхъ изслѣдованій, чѣмъ для лингвистическихъ, а потому и цѣнность работъ по русскому языку на основаніи изданныхъ памятниковъ народнаго говора является условною. Отсутствие точной и усовершенствованной транскрипціи почти во всѣхъ вышеназванныхъ сборникахъ бросается въ глаза; кромѣ того, этихъ сборниковъ недостаточно для изученія всѣхъ говоровъ современнаго русскаго языка ¹⁾. Работы-же втораго рода сопряжены съ большими трудностями и предполагаютъ собой одно изъ двухъ: или значительные матеріальные расходы для изслѣдованій многочисленными компетентными учеными народныхъ говоровъ на мѣстѣ ихъ употребленія, или всеобщій подъемъ интереса къ изученію отечественнаго языка и всетаки, кромѣ этого, при интересѣ достаточную подготовленность со стороны частныхъ лицъ къ работамъ подобнаго рода. Такъ какъ интересъ къ изученію образцовъ народной рѣчи, именно, со стороны лингвистической еще далеко не можетъ быть признанъ всеобщимъ и зарождается обыкновенно въ людяхъ со спеціальной подготовкой,

¹⁾ Въ послѣднее время проф. Соболевскій началъ печатать „Очеркъ русской діалектологіи“ въ журналѣ „Живая Старина“ В. И. Ламанскаго (выпускъ I. 1892 г.). Трудъ почтенный и полезный для начинающихъ изслѣдователей и собирателей матеріаловъ по русскимъ говорамъ; но онъ всетаки не можетъ дать многого для науки, такъ какъ для него пока нѣтъ достаточнаго и точно изданнаго матеріала, и онъ составленъ на основаніи печатнаго матеріала, а потому не отличается ни надлежащею точностью, ни полнотой. Напр., о говорѣ Ряз. губерніи сказано всего на $\frac{1}{2}$ страницы, да и то не совсемъ вѣрно, какъ видно будетъ въ настоящемъ изслѣдованіи. На стр. 18 о говорѣ Рязенбургскаго уѣзда сказано невѣрно, что „мѣна *у* и *в* ему чужда, твердость двойнаго *ж* также; вмѣсто мягкаго *к*—мягкое *т*“. Это произошло оттого, что написано на основаніи „Калѣкъ“ Безсонова, а это сочиненіе рѣшительно почти не даетъ матеріала для изслѣдованія рязанскаго говора, да и для другихъ — мало.

то надо признать, что въ большинствѣ случаевъ работы подобнаго рода обязаны своимъ происхожденіемъ чисто случайнымъ обстоятельствамъ. Такимъ же обстоятельствамъ обязана и нынѣ предлагаемая нами работа по изслѣдованію рязанскаго говора. Переѣхавши на жительство въ г. Скопинъ Рязанской губерніи весною 1890 года, мы сразу были заинтересованы народнымъ мѣстнымъ говоромъ горожанъ и крестьянъ, съ которыми приходилось постоянно сталкиваться въ маленькомъ уѣздномъ городѣ. Заинтересовавшись нѣкоторыми отдѣльными образцами народного произношенія, какъ напр., произношеніемъ „тяче́тъ“ — 3 л. ед. ч. наст. вр. и т. п., мы стали искать случаевъ столкновенія съ простонародьемъ и съ этою цѣлью посѣщали все базары въ базарные дни въ г. Скопинѣ. Сначала намъ удалось черезъ нѣкоторое время подмѣтить различіе въ произношеніи городскихъ и деревенскихъ жителей, затѣмъ — различіе въ произношеніи поселянъ изъ разныхъ деревень и селъ. Когда у насъ стало слагаться предположеніе о причинахъ различнаго произношенія въ разныхъ деревняхъ, мы стали дѣлиться своими мнѣніями съ мѣстными уроженцами и старожилами и, постоянно наводя справки самаго разнообразнаго характера, рѣшились проверить свои предположенія на опытѣ, т. е. рѣшились предпринять нѣсколько поѣздокъ по уѣздамъ Рязанской губерніи съ цѣлью личнаго ознакомленія съ говорами различныхъ мѣстностей. Мы выполнили свое намѣреніе только отчасти, насколько позволяли наши матеріальныя средства и время, свободное отъ исполненія служебныхъ обязанностей. Ведя свои занятія по изученію мѣстнаго нарѣчія въ параллель съ изученіемъ исторіи мѣстнаго края по трудамъ проф. Иловайскаго и по лѣтописи, мы лелѣяли сначала мечту прослѣдить исторію рязанскаго говора и искали письменныхъ памятниковъ, касающихся мѣстныхъ рязанскихъ интересовъ; съ этою цѣлью мы освѣдомились о дѣятельности мѣстной Рязанской Ученой Архивной Комиссіи въ г. Рязани и, услыхавъ объ архивныхъ документахъ, хранящихся въ бібліотекахъ Рязанскаго Ар-

хива, Семинаріи и Солотчинскаго монастыря близъ Рязани, мы отправились осенью 1891 года въ г. Рязань. Здѣсь мы встрѣтили полное сочувствіе нашимъ намѣреніямъ въ лицѣ обязательнаго Правителя Дѣлъ Ряз. Уч. Арх. Комиссіи и секретаря губ. стат. комитета, г. А. В. Селиванова, мѣстнаго археолога и человѣка, душой преданнаго интересамъ науки. Кромѣ всего этого, А. В. Селивановъ оказался знатокомъ рукописнаго матеріала, заключающаго въ себѣ различныя свѣдѣнія о мѣстномъ краѣ, и начинаннымъ въ рукописныхъ актахъ и грамотахъ рязанскихъ съ конца XVI-го вѣка по XVIII-й. Такъ какъ мы сами съ величайшимъ трудомъ могли разбирать скоропись дяковъ и грамотныхъ людей XVI-го—XVII-го вѣка, которой написаны интересовавшіе насъ документы: челобитныя, дарственные записи, грамоты, хозяйственныя росписи и т. п. письменные памятники, то А. В. Селивановъ взялъ на себя трудъ читать намъ вслухъ всѣ эти акты, соблюдая въ произношеніи особенности правописанія, и такимъ образомъ мы прочли довольно много свитковъ, на которые и ссылаемся въ своемъ трудѣ. Въ Рязани мы узнали также, что громадное количество рязанскихъ актовъ перевезено изъ Рязани въ Московскій Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, куда однако мы не имѣли времени съѣздить, и потому намъ остались неизвѣстными эти архивные документы, а вслѣдствіе этого и трудъ нашъ имѣетъ много пробѣловъ и недостатковъ въ исторической своей части. Впрочемъ, и побѣдка въ Рязань дала очень немногое, такъ какъ мы не нашли древнихъ документовъ: самыя старшіе оказались принадлежащими концу XVI-го столѣтія и началу XVII-го. Вслѣдствіе этого мы ограничили свою задачу и выводы только наличнымъ матеріаломъ.

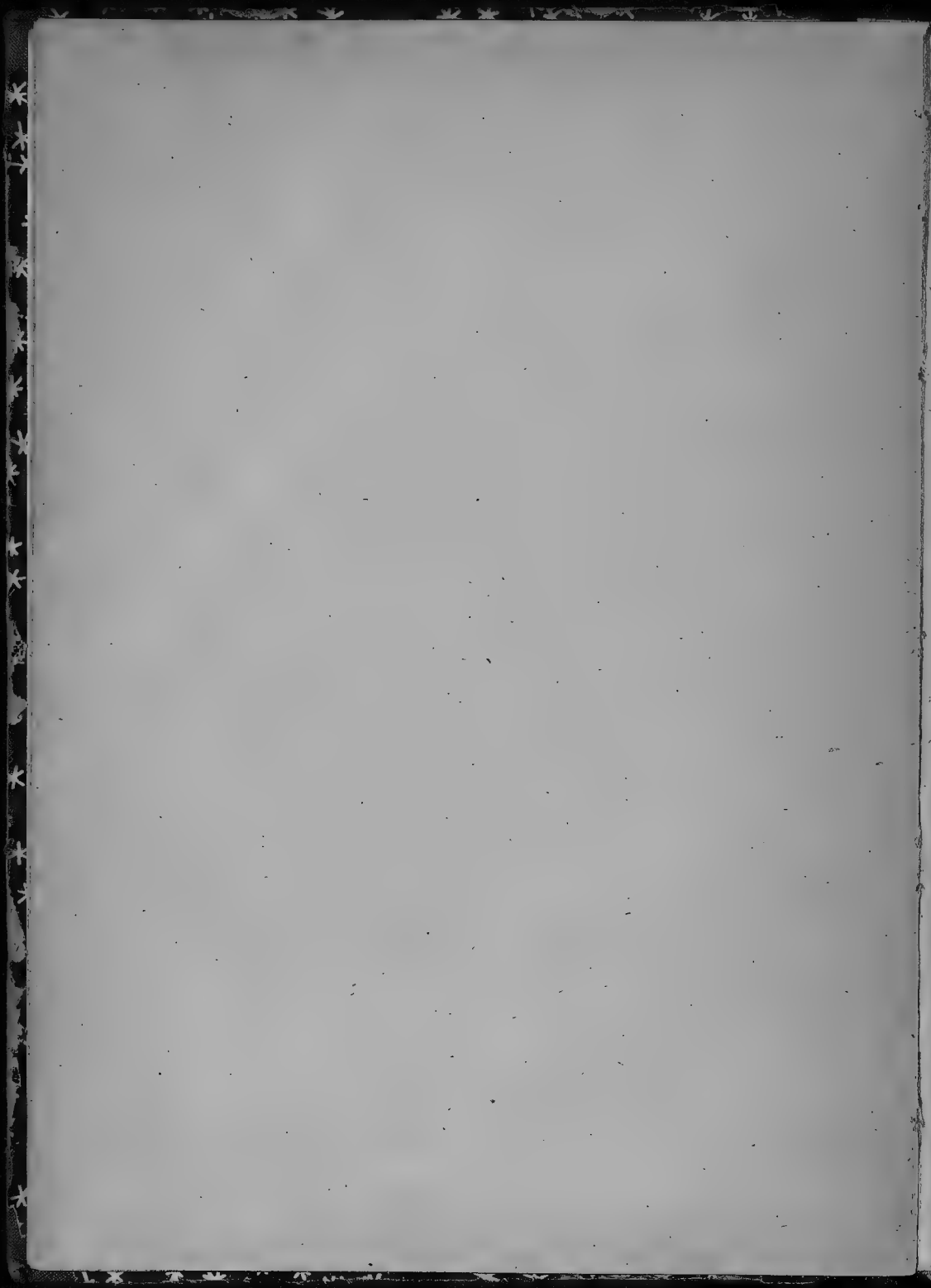
Съ запасомъ книгъ и выписокъ вернулись мы черезъ нѣсколько дней изъ Рязани и рѣшили обратиться за содѣйствіемъ по части собиранія матеріаловъ для изслѣдованія народнаго говора Рязанской губерніи къ мѣстнымъ жителямъ и уроженцамъ различныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи; съ этою цѣлью мы составили цѣлый рядъ во-

просныхъ листовъ и при содѣйствіи своихъ сослуживцевъ-товарищей отправили эти вопросные листы въ самыя разнообразныя мѣстности. Въ большинствѣ случаевъ эти вопросные листы попадали въ руки сельскихъ священниковъ, дьяконовъ, учителей и т. п. образованныхъ лицъ, которыя, пользуясь нашими указаніями, подробно изложенными въ нашихъ письмахъ къ нимъ, съ полнымъ сочувствіемъ ученому дѣлу отозвались и черезъ болѣе или менѣе продолжительное время прислали свои обстоятельные отвѣты на всѣ наши вопросы. Часть Касимовскаго уѣзда со стороны народнаго говора была обследована мѣстнымъ уроженцемъ, нашимъ сослуживцемъ А. И. Смирновымъ, который мнѣ и доставилъ большой и цѣнный матеріалъ, посвятивши лѣтнія каникулы 1891. года собранію образцовъ народнаго говора на своей родинѣ. Такимъ образомъ, матеріалы по Касимовскому уѣзду были доставлены намъ А. И. Смирновымъ и о. Гавр. Соколовымъ; матеріалы по Спасскому уѣзду доставлены намъ о. дьякономъ И. Парееновымъ и М. Л. Сахаровымъ, а также М. О. Вознесенскимъ—изъ г. Спасска; по Зарайскому уѣзду—В. С. Соловьевымъ, по Егорьевскому уѣзду—о. И. Кедровымъ и нѣкоторыми другими лицами, по Данковскому уѣзду—И. И. Тихвинскимъ, по Михайловскому уѣзду—о. В. Лебедевымъ, по Сапожковскому уѣзду, Раненбургскому, отчасти Рязанскому—моими учениками, мѣстными уроженцами; уѣзды-же: Скопинскій, Рязскій и Пронскій были обследованы мною самимъ, причемъ первый почти вполнѣ, а два послѣдніе—только отчасти. Собравшееся количество матеріаловъ дало намъ надежду составить, по возможности, полный обзоръ особенностей рязанскаго нарѣчія; нужно было только разобраться въ собранномъ матеріалѣ и подвергнуть его научной критикѣ, чтобы не впасть въ излишнюю довѣрчивость къ сообщеніямъ некомпетентныхъ лицъ, но оказалось, что эти сообщенія въ большинствѣ случаевъ не оставляли желать ничего лучшаго. Явилась возможность проверить показанія Даля, исправить и дополнить ихъ, а равно дополнить и тѣ труды, въ которыхъ

разсматриваются, хоть и вскользь, особенности великорусскаго, въ частности—южновеликорусскаго нарѣчія. Въ концѣ своего труда, въ Приложеніи, мы помѣщаемъ нѣсколько номеровъ рязанскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ большинство собрано и записано нами во время нашихъ поѣздокъ по Скопинскому уѣзду. Нечего и говорить о томъ, съ какими трудностями было сопряжено записываніе пѣсенъ въ деревняхъ, да еще въ ожиданіи голоднаго года: эти трудности извѣстны всякому собирателю и ученому, который приходитъ въ столкновеніе съ нашимъ русскимъ простымъ народомъ.

Въ заключеніе считаю своимъ нравственнымъ долгомъ и пріятной обязанностью выразить свою глубокую благодарность какъ всѣмъ лицамъ, поименованнымъ выше, благодаря которымъ, главнымъ образомъ, мой трудъ вышелъ полнѣе и болѣе достойнымъ печатанія, такъ и уважаемымъ профессорамъ: А. И. Смирнову — въ Варшавѣ, Р. Ѳ. Брандту, Ф. Ѳ. Фортунатову и М. И. Соколову — въ Москвѣ, которые постоянно помогали мнѣ книгами и совѣтами.

Скопинъ. 1892 года.

Особенности современного говора Рязанской губерніи.

Рязанская губернія по своему говору принадлежит къ южно-великорусскому нарѣчію, но составляетъ область, которую по нѣкоторымъ діалектическимъ особенностямъ можно назвать областью рязанскаго нарѣчія.

Еще въ 1852 году В. И. Даль, знатокъ современныхъ великорусскихъ нарѣчій, не безъ основанія объединилъ говоры нѣсколькихъ губерній: Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской — въ одномъ названіи, именно, Рязанскаго нарѣчія. Правда, что этимъ самымъ названіемъ Даль обнаружилъ возможность предположенія, что всѣ эти губерніи говорятъ совершенно однимъ рязанскимъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ общей для нихъ для всѣхъ особенностью въ произношеніи служить лишь такъ называемое „аканье“, что признавалъ и Даль въ своей статьѣ „О нарѣчіяхъ русскаго языка“, но зато терминъ „рязанское нарѣчіе“ введенъ въ научную литературу, и его, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сохранить въ виду типическихъ особенностей, отличающихъ, именно, говоръ Рязанской губерніи отъ прочихъ. Конечно, и Даль употребилъ это названіе, имѣя въ виду діалектическія особенности Рязанской губерніи, хотя свѣдѣнія его относительно рязанскаго нарѣчія далеко не полно и не точно изложены въ вышеуказанной статьѣ. Даль перечисляетъ слѣдующіе признаки рязанскаго нарѣчія:

1) Рязанское нарѣчіе *аканетъ*, т. е. *о* безъ ударенія вездѣ произносится, какъ полногласное *а*; звукъ *о*, напротивъ, который вообще во всей Россіи произносится дале-

ко не такъ остро, какъ западное (напримѣръ, нѣмецкое, французское о), выговаривается еще полоротѣе, еще ближе къ а.

2) Вмѣсто *н*, *е* нерѣдко ставится *и*; *я*, даже вмѣсто *о*: *яны* (они); вмѣсто *и* иногда *ы*.

3) Буква *з* передъ гласною измѣняется въ придыханіе, болѣе или менѣе крутое, но близкое къ западному *h*.

4) Буква *з* въ род. пад. прилагательныхъ произносится чисто (между *ж* и *х*), не замѣняется буквою *с*, какъ принято во всей остальной Россіи, кромѣ Бѣлоруссіи.

5) Глаголы въ 3 л. (ходить, видѣть) оканчиваются мягко, не на *з*, а на *ь* (онъ ходитъ, видѣтъ); иногда ходеть, лѣбеть.

6) Въ 3-мъ же лицѣ ед. и мн. это окончаніе *ть* иногда вовсе откидывается: рѣки бали, іонъ везѣ, яна берѣ.

7) Есть наклонность замѣнять букву *л* въ концѣ глг. 3 л. прош. врем. буквою *с* или *у* (онъ ходиуъ).

8) Въ неокончат. накл. частица *ся* иногда измѣняется въ *си*.

9) *В* никогда не произносится твердо, не звучитъ какъ *ф*, а напротивъ близится къ гласной *у*, которою нерѣдко замѣняется, и обратно.

10) Весьма рѣдко и не во многихъ мѣстахъ нѣскольکو показываютъ (*и* вмѣсто *ч*), еще рѣже чвакають (*ч* вмѣсто *и*) и въ этомъ случаѣ дѣлать грѣхъ пополамъ и берутъ средній звукъ между *ч*, *и*; никогда и нигдѣ не дзекають (*дз*, *тс*), чѣмъ между прочимъ отличаются отъ бѣлорусовъ и смолянъ ¹⁾.

Мы выписали буквально всё десять признаковъ, перечисляемые Далемъ, какъ признаки рязанскаго нарѣчія, для того, чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ ихъ недостатки при сравненіи съ признаками, которые подмѣчены нами послѣ спеціального изученія рязанскаго говора. Предвари-

¹⁾ Мы пользовались статьей Даля „О нарѣчіяхъ русскаго языка“, приложенной къ его словарю въ изданіи Вольфа. СПб. 1880². Томъ I. Стр. LXII. (Толковый Словарь Ж. В. Я.).

тельно скажемъ, что въ рязанскомъ говорѣ нужно отдѣ-
лить признаки общіе и признаки частные, или мѣстные.
При своихъ наблюденіяхъ надъ произношеніемъ крестьянъ
и крестьянокъ Рязанской губерніи мы замѣтили: во 1-хъ,
что есть признаки и особенности, общіе всѣмъ уѣздамъ
и почти всѣмъ деревнямъ Рязанской губерніи, гдѣ только
мы были лично, или откуда только намъ доставлены были
свѣдѣнія лицами вполне компетентными, о которыхъ ска-
зано въ предисловіи; во 2-хъ, что есть признаки и осо-
бенности отдѣльных мѣстностей или даже отдѣльных
деревень. Кромѣ этихъ общихъ выводовъ изъ наблюденій
надъ рязанскимъ говоромъ, намъ пришлось еще убѣдить-
ся въ томъ, что говоръ городской довольно замѣтно от-
личается отъ говора деревенскаго, скрапывая типичныя
особенности послѣдняго и приближаясь болѣе къ языку
литературному или образованному. Это обстоятельство объ-
ясняется, конечно, прежде всего грамотностью городского
населенія и книжнымъ вліяніемъ, а затѣмъ торговыми и
другими сношеніями съ мѣстностями другихъ нарѣчій;
этимъ же обстоятельствомъ надо объяснять и тотъ инте-
ресный фактъ, что даже въ селахъ и деревняхъ мужское
населеніе гнушается говоромъ бабъ, и само говоритъ бли-
же къ городскому нарѣчію. Очень понятно, что крестьяне
имѣютъ болѣе точекъ соприкосновенія съ городомъ, чѣмъ
крестьянки, остающіяся нерѣдко всю свою жизнь въ сво-
ей деревнѣ, не видавши города, и занимающіяся дѣтьми
и хозяйствомъ; особенно видно это различіе въ говорѣ
мужчинъ и женщинъ въ томъ случаѣ, если они живутъ
въ подгородномъ селѣ, и если это село „добычное“ („да-
бынная“ по мѣстному выговору), т. е. занимается тор-
говлей, извозомъ и проч. Нерѣдко одно село „добычное“
по роду занятій крестьянъ или „боевое“, находящееся на
пути къ городу или на „боевой“ дорогѣ, на трактѣ, по
своему говору рѣзко отличается отъ рядомъ лежащаго се-
ла или деревни, живущихъ особой жизнью въ силу на-
кихъ-нибудь условій, т. е. вслѣдствіе отдаленнаго положе-
нія отъ города или большой дороги и земледѣльческаго

характера жизни крестьянъ. Далѣе, мы замѣтили, что разнообразіе въ говорахъ рядомъ лежащихъ деревень или селъ обуславливается не только положеніемъ деревни или села относительно города и боевого тракта или родомъ занятія крестьянъ, но и, такъ сказать, историческимъ прошлымъ даннаго села или деревни: если село или деревня принадлежала когда-то помѣщику, и крестьяне были барскими, то они говорятъ совершенно иначе (все равно, и бабы и мужчины), чѣмъ крестьяне вольные, никогда не принадлежавшіе помѣщику, а бывшіе государственными. Въ селахъ и деревняхъ послѣдняго рода нарѣчіе нерѣдко въ высшей степени типичное и интересное по своимъ звуковымъ и морфологическимъ особенностямъ, и въ этихъ-то селахъ и деревняхъ нерѣдко бабы говорятъ нѣсколько иначе, чѣмъ мужчины, которые вслѣдствіе своихъ занятій и сношеній съ городомъ усваиваютъ городской говоръ, между тѣмъ какъ бабы являются носительницами особенностей мѣстной рязанской рѣчи и замѣчательно чисто сохраняютъ свой языкъ. Эти села и деревни доставляютъ самый драгоценный матеріалъ для изслѣдованія рязанскаго нарѣчія, и ими то преимущественно мы руководились при своихъ выводахъ о рязанскомъ нарѣчіи и его особенностяхъ. Замѣчательно, что сами бабы и мужчины изъ села барскаго, или помѣщичьяго признаютъ свою особую рѣчь и смѣются надъ говоромъ крестьянъ вольныхъ селъ, называя ихъ въ насмѣшку словами, выражающими типическую особенность говора въ вольныхъ деревняхъ и селахъ. Такъ, напр., мы услышимъ названія: „щѣкалки“ (по выговору „щѣ“, „щѣ“ вмѣсто обыкновеннаго въ барскихъ селахъ „што“), „щѣкалки“ (по замѣнѣ звука ч звукомъ ц) или „цѣприки“, „цѣпари“ и проч. (по той же замѣнѣ, говорятъ про касимовцевъ или крестьянъ изъ нѣкоторыхъ деревень Спасскаго уѣзда). Всѣ эти вышеизложенныя обстоятельства затрудняютъ очень собраніе лингвистическаго матеріала, такъ какъ нерѣдко баба, съ которой говоришь, подмѣняя выговоръ мой, сама начинаетъ и справлять свою рѣчь „по-барскому“ или „по-городскому“,

и тогда приходится всякій разговоръ съ ней прекратить, такъ какъ для фонетическихъ наблюденій онъ дастъ очень немного. Лишь только болѣе пожилыя бабы изъ вольныхъ деревень или селъ не стѣсняются своимъ выговоромъ и даже предупреждаютъ, что онѣ будутъ говорить „по-деревенскому“, „просто“, и чтобы ихъ за это извинить; молодыя-же крестьянки не преминутъ исправить всякій разъ свою рѣчь, если повторишь за ними слово по-своему, съ литературнымъ, или московскимъ произношеніемъ. Само собой разумѣется, что бабы изъ вольныхъ и барскихъ селеній говорятъ каждая всегда своимъ нарѣчіемъ, хотя и сознаютъ первыя недостатки своей рѣчи, а вторыя — достоинства; а, кромѣ того, далеко не всѣ особенности нарѣчія вольныхъ селеній поддаются исправленію даже при стараніи говорящей или говорящаго: такъ, есть одна особенность рязанскаго говора, именно, смягченіе звука *ж* въ положеніи послѣ закрытаго слога съ мягкой конечной согласной или *й* (*j*), которая составляетъ принадлежность общерязанскую, и съ ней борьба совершенно оказывается бесполезной, не смотря на то, что бабамъ и мужчинамъ пришлось-бы слышать и замѣчать другое произношеніе, именно, твердое *ж* въ названномъ положеніи. (Тройка — тройка, синья — синья). Въ общемъ же надо замѣтить, что изслѣдователю рязанскаго говора представляется въ высшей степени интересный и обильный матеріалъ для наблюденій надъ фонетическими особенностями рязанскаго нарѣчія, если только онъ не захочетъ переспрашивать недослышанныхъ словъ или будетъ дѣлать это осторожно и умѣстно, не давая понять бабѣ, что онъ интересуется, именно, особенностями ея произношенія.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе общаго характера: составъ звуковыхъ особенностей рязанскаго нарѣчія очень разнообразенъ; какъ увидимъ, здѣсь можно найти точки соприкосновенія съ сѣверновеликорусскимъ нарѣчіемъ и съ бѣлорусскимъ, а нѣкоторыя черты сходны даже съ южнорусскимъ, или малорусскимъ нарѣчіемъ. Этотъ фактъ служить, конечно, доказательствомъ того, что нынѣшнее

рязанское нарѣчіе слагалось постепенно изъ разнообразнаго состава, и въ исторіи колонизаціи Рязанскаго края слѣдуетъ считаться съ этимъ фактомъ; такъ какъ онъ можетъ дополнить недостающія историческія свѣдѣнія и, быть можетъ, нѣсколько разъяснить пути колонизаціоннаго движенія въ эпоху сложенія Рязанскаго княжества. Насколько намъ извѣстно, города сѣверной половины Рязанской губерніи, не выключая самой Рязани, сохранили въ значительно слабѣйшей степени мѣстныя особенности рязанскаго нарѣчія сравнительно съ городами южной половины, по правую сторону р. Оки, гдѣ даже городскіе жители, мѣщане и купцы, акаютъ нѣсколько иначе, чѣмъ городское населеніе г. Зарайска, Егорьевска, Рязани и отчасти Касимова. Въ Касимовскомъ уѣздѣ есть даже села и деревни, гдѣ аканье выдержано не такъ строго, какъ это мы видимъ въ южной половинѣ нынѣшней Рязанской губерніи ¹⁾. На эти особенности мы укажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Что касается историческихъ разысканій о рязанскомъ нарѣчій, то таковыя могутъ дѣлаться лишь въ памятникахъ сравнительно очень позднихъ, и слѣдовъ мѣстнаго нарѣчія въ памятникахъ письменности ранней мы напрасно искали бы, такъ какъ даже въ XIII-мъ вѣкѣ вообще славянскій элементъ въ Рязанскомъ княжествѣ еще не

¹⁾ По сообщеніямъ Касимовскаго уроженца, А. И. Смирнова, такъ называемый Гусевскій Заводъ (названъ по р. Гусь), находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ Гусевского Погоста, который въ свою очередь отстоитъ на 15 верстѣ отъ г. Касимова, употребляетъ нѣсколько иное произношеніе, чѣмъ Гусевской Погостъ. Напр., въ Гусевскомъ Заводѣ скажутъ: *видрѣ*, *чавѣ* *виѣсо* *вдрѣ*, *чавѣ* (*чавѣ*), какъ говорятъ въ Погостѣ. Это, конечно, объясняется составомъ населенія Завода, съ одной стороны, и составомъ населенія Погоста, — съ другой, отъ котораго вела большая Московская дорога, почему въ Погостѣ находился и пришлый элементъ, между тѣмъ какъ другія деревни и села, находясь въ другомъ положеніи, сохраняютъ Касимовское цоканье и говорятъ не только *вдрѣ*, но и *чавѣ*.

былъ значителен¹⁾; стало быть, мѣстная русская рѣчь еще никакъ не могла сложиться. Кромѣ этого, официальная письменность, въ которой мы могли бы дѣлать поиски особенностей мѣстнаго нарѣчія, излагалась и на языкѣ официальномъ, на языкѣ московскихъ княжескихъ дьяковъ или образованнаго духовенства. Не смотря на это, мы воспользовались въ Рязани мѣстными рязанскими грамотами отъ XV—XVII вѣка съ цѣлю хотя въ позднихъ грамотахъ найти указанія и намеки на древній рязанскій говоръ, и кое-что нашли въ тѣхъ грамотахъ и записяхъ, которыя писаны были въ Рязанскомъ краѣ; особенно-же интересны въ этомъ отношеніи хозяйственныя записи, расходныя книги, челобитныя и завѣщанія, написанныя частными лицами, не имѣвшими официального положенія и образованія. Правда, что такихъ памятниковъ очень немного и сохранилось, но мы постарались извлечь изъ нихъ кое-какія данныя, которыя представимъ ниже.

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ присоединимъ еще слѣдующее: мы сказали, что настоящій рязанскій говоръ съ типичными особенностями въ звуковомъ отношеніи сохраняется въ вольныхъ селахъ и деревняхъ по преимуществу, и замѣчательно, что эти же села и деревни представляютъ особенности и по отношенію къ костюмамъ женскаго населенія, такъ что по костюму, по одеждѣ крестьянки или, какъ говорится на мѣстномъ нарѣчіи, по „обряду“ (обрядъ=нарядъ) можно навѣрное сказать, принадлежитъ-ли крестьянка къ вольному или барскому селу, и можно впередъ догадаться, какою рѣчью она будетъ говорить. По этимъ же внѣшнимъ признакамъ узнаютъ нерѣдко и сами крестьянки другъ друга. Само собой разумѣется, что все сказанное оправдывается на дѣлѣ лишь въ большинствѣ случаевъ, но встрѣчаются также и отступленія, и общимъ правиломъ остается лишь то, что чѣмъ болѣе удалена деревня или село отъ путей сообщенія и го-

¹⁾ Д. Иловайскій. Исторія Рязанскаго княжества. (Соч. Иловайскаго. М. 1884). Стр. 74—75.

рода, тѣмъ чище сохраняется типъ нарѣчія и внѣшній „обрядъ“ или „обрѣда“. Принадлежности женской одежды, а равно и головного убора, имѣють и свои особыя названія въ указанныхъ мѣстностяхъ, и свои особые покрои или фасоны. Такъ, въ нѣкоторыхъ селахъ (преимущественно барскихъ) носятъ сарафаны (по мѣстному произношенію—сар^афанъ), ходять въ сарафанахъ („ходють въ сар^афанахъ“), тогда какъ въ другихъ (преимущественно вольныхъ) одѣваются всегда въ „понёвы“, носятъ особую прическу съ рожками на головѣ или „кичку“ и украшаютъ голову монетами, а за уши закладываютъ такъ называемые „пушкы“, т. е. гусиные или другія перышки; „понёва“ расшита золотыми позументами („празументы“), а рубашка украшена всевозможными лентами; сверхъ рубашки и понёвы носятъ обыкновенно длинный халатъ, который подвязывается поясомъ и носитъ разныя названія: то называютъ его „шущпанъ“, то—„шущка“; на ногахъ обыкновенно „боты“ или лапти, при чемъ онучи въ нѣкоторыхъ деревняхъ бѣлыя, въ другихъ по преимуществу—черныя.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы приступимъ къ изложенію особенностей рязанскаго нарѣчія въ области фонетики и морфологіи.

ФОНЕТИКА.

Въ общимъ признакамъ рязанскаго нарѣчія относятся слѣдующіе:

Аканье, которое мы назовемъ *полнымъ* въ отличіе отъ московскаго аканья, или *неполнаго*, которое отличается отъ рязанскаго и качествомъ и сущностью. Именно, рязанское аканье состоитъ въ томъ, что всякое неударяемое *о*, независимо отъ своего положенія относительно ударяемаго слога, произносится, какъ чистое и открытое *а*, болѣе ясное, чѣмъ московское, которое иногда въ указанномъ случаѣ звучитъ глухо, не совсѣмъ явственно. Въ связи съ этой особенностью стоитъ и другая, изъ-за которой мы и назвали рязанское аканье полнымъ; именно, всякое *е*, стоящее непосредственно *передъ* ударяемымъ слогомъ или непосредственно *послѣ* ударяемаго слога, произносится, какъ *я* или какъ *а* въ положеніи послѣ передне-небныхъ (шипящихъ) *ж* и *ш*. Напр., *вясна*, *вѣ-тярь*; *жанѣ*, *шастѣй*, *шастѣмъ* (твор. ед. ч. отъ „шѣсть“); *дажа* = даже.

(Срв. пунктъ 2-ой у Даля здѣсь на 2 страницѣ. У Даля отмѣчена эта особенность неточно и ничего не даетъ читателю).

Въ указанномъ отношеніи рязанское нарѣчіе близко подходитъ къ бѣлорусскому нарѣчію ¹⁾, которое впрочемъ всетаки не такъ строго выдерживаетъ замѣну *е* звукомъ *я*.

¹⁾ *Недешевъ*. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. В. 1884. Стр. 13.

Неударяемое *е* не переходитъ въ *я* въ рязанскомъ нарѣчїи только въ слѣдующихъ случаяхъ: въ личныхъ формахъ глагола наст. вр. во 2-мъ лицѣ ед. ч. и мн. ч. передъ окончаніемъ *шь* и *те*, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. передъ окончаніемъ *тъ* ¹⁾; въ личныхъ мѣстоименіяхъ: менѣ, тебѣ (род.-вин.), себѣ (род.-вин.) и въ прилагательныхъ съ суф. *енскій*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ неударяемое *е* произносится почти какъ *и*.

Акanye рязанскаго нарѣчїя распространяется даже на нѣкоторые случаи того *е*, которое находится въ положеніи третьяго слога послѣ ударяемаго, т. е. находится черезъ слогъ *послѣ* ударяемаго слога. Это явленіе, переходъ такого *е* въ *я*, наблюдается во 2-мъ лицѣ множ. ч. наст. (буд.) времени и повелительнаго наклоненія. Напр., видѣтя, слышѣтя, здрастѣтя и др. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ средний слогъ въ такомъ случаѣ сокращается, такъ что вм. „видѣтя“ слышится „вѣдѣтя“ или „вѣдѣтя“, гдѣ знакомъ *ѣ* мы обозначаемъ очень краткое *и*,

¹⁾ См. *Недешева* ук. соч. Стр. 16—17. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненія относительно причинъ такого явленія, лежащихъ съ одной стороны, въ аналогїи съ спряженіемъ на тематическое *и*, съ другой, — въ небности окончанія *тъ* (блр. *ць*). Дѣло въ томъ, что 3-ье лицо множ. числа показываетъ, что всѣ глаголы подчинились вліянію спряженія I-го, т. е. съ тематическимъ *е*, а не наоборотъ, и, кромѣ того, переходъ *е* въ положеніи послѣ ударяемаго слога возможенъ въ другихъ случаяхъ и передъ небнымъ согласнымъ или мягкимъ слогомъ. Это же относится и къ рязанскому говору, гдѣ постоянно видимъ: ходѣтъ, слышѣтъ и др. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ, какъ и въ прилагательныхъ на *енскій* имѣетъ существенное значеніе то обстоятельство, что *тъ* и *нь* въ слоговомъ отношеніи примыкаютъ къ этому неударяемому *е*, составляя съ нимъ одинъ закрытый слогъ и притомъ съ мягкимъ, небнымъ концомъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, въ рязанскомъ говорѣ мы не могли замѣтить расширенія *е* въ *я* послѣ ударяемаго слога. 2-е л. ед. и множ. объясняются аналогіей съ 3-имъ. Объ этомъ ниже.

доходящее почти до простого смягченія предыдущаго твердаго *д*. Но это далеко не общее явленіе. Какъ общее правило для рязанскаго нарѣчія существуетъ то, что всякое *е* въ третьемъ слогѣ *передѣ* ударяемымъ слогомъ звучитъ, какъ *и*, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: *висялѣ* (= весело), ни *тярѣй*, ни *квали* (ср. *ня хѣшъ*, *нябѣсь*, *няльзѣ*); ни *тани*, ни *къ чаму*, ни *дяржамши*, *жырябѣць*, *бирайи* (пов. н. отъ *беречь* — *береги*, гдѣ *h* есть мягкое *г*, *г'*, произносящееся, какъ латинское *h*), *пра мидьвядѣ*, *мидьвядѣй*, *дисяті* (род. п. отъ „десять“), *чыряпѣкъ*, *вичяркѣмъ*, *пиряйдѣ*, *пирякстѣть* — 3 л. ед. ч. буд. вр. (с. Яблоново, Скоп. у.), *пилянѣ* (крыша), *пиряшѣбли* (с. Вослѣбово, Скоп. у.), *пирястѣль*, *пирярѣбъ* (доска на полу избы), *пирявѣсила*, *пирявѣль* — прош. вр. Вообще, относительно этой представки „пере-“ замѣтимъ встати, что наблюдается слѣдующее явленіе: если „пере-“ присоединяется къ слову, которое имѣетъ на первомъ слогѣ удареніе, т. е. непосредственно за представкой „пере-“, то послѣдняя по общему правилу рязанскаго нарѣчія переходитъ въ „пиря-“. Напр., *пирякстѣть*, *пиряхѣдъ*, *пиряйдѣ*, *пиряшѣбли*, *пирястѣль*, *пирярѣбъ*, *пирявѣль*, *пирянѣсь* и проч. Если же представка „пере-“ присоединяется къ слову, которое начинается не ударяемымъ слогомъ, т. е. не имѣетъ ударенія непосредственно за представкой „пере-“, а черезъ одинъ, примѣрно, слогъ, то представка „пере-“ теряетъ свое второе *е* и переходитъ въ „пер-“ съ твердымъ или мягкимъ *р*, смотря по качеству слѣдующаго согласнаго или гласнаго, т. е. передъ мягкимъ согласнымъ или гласнымъ; съ котораго начинается слѣдующее слово; „пере-“ переходитъ въ „перь-“, напр., *пирхадѣть* — н. н. (знакомъ мы означаемъ пропускъ гласнаго), *пирмѣтилѣсь* — 3 л. ед. прош. вр. (с. Ябл. Скоп. у.), *пирѣупили*, *пирѣдавать* (ср. *пирядѣль*), *пирѣнаситъ* (ср. *пирянѣсь*), *пирѣажжай* — пов. накл. (с. Яблоново), *пирѣварнѣлась* — прош. вр. (с. Яблоново).

Аканье — явленіе старинное въ великорусскомъ азы-

къ¹⁾, и имъ надо объяснять многія фонетическія явленія современнаго русскаго языка. Изъ того обстоятельства, что аканье имѣло вліяніе на многія явленія языка, которыя можно объяснить удовлетворительно единственно только этой особенностью великорусскаго и бѣлорусскаго произношенія, нужно заключать, что аканье уже въ древнее время было очень распространено, имѣло большое значеніе. Нерѣдко аканье, какъ способъ произношенія, прокрадывалось даже въ официальный письменный языкъ дьяковъ и приказныхъ, — и, если слово только не часто встрѣчалось въ официальномъ актовомъ языкѣ или было совсемъ новое, какъ напр., названіе мѣстности или что-нибудь подобное, то можно навѣрное сказать, что оно будетъ написано такъ, какъ произносилъ его писавшій бумагу, можно навѣрное сказать, было ли его нарѣчіе акающимъ, или нѣтъ. Въ самомъ началѣ XVIго вѣка аканье было распространено въ Рязанской землѣ, такъ что даже проникало въ письменность, чему доказательствомъ служатъ факты письма Коломенской Палені 1406 года (см. у Соболевскаго. Лекціи по исторіи р. яз. К. 1888. Стр. 69). Изъ памятниковъ собственно рязанской письменности, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, древнѣйшій слѣдъ аканья мы нашли въ XIV-мъ вѣкѣ въ грамотѣ (договорной) в. к. рязанскаго Олега Ивановича съ в. к. Димитріемъ Іоанновичемъ въ 1381 году, гдѣ читаемъ: „А пошлины . . . съ пѣшходовъ два алтына“ (Собр. госуд. гр. и договор. I. М. 1813. N 32). Ср. нѣсколько ниже: „а съ пѣшехода мыта нѣтъ“. Очевидно, что слово „пѣшходовъ“ могло получить такое начертаніе потому, что оно произносилось „пѣшаходовъ“, „пѣшаходъ“. Подобные примѣры мы увидимъ и ниже.

Въ XV-мъ вѣкѣ: Жадѣно городище—Договорная грамота в. к. рязанскаго Ивана Феодоровича съ княземъ Георгіемъ Димитріевичемъ Галицкимъ около 1433 г. (Собр. госуд. гр. ib. N 48). Мои бояря — ib. N 48. Нашо дѣ-

¹⁾ См. „Лекціи“ Соболевскаго. К. 1888. Стр. 69—70.

ло—ib. N 48. Произносилось это, какъ и теперь, „наша дѣла“, и грамматическій средній родъ исчезалъ въ языкѣ разговорномъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже по поводу современнаго рязанскаго говора. Далѣе: „душоуѣца... выдати по исправѣ“ — ib. N 48. „А съ пѣшохода мыта пѣтъ“ — ib. N 48. Срв. грамоту N 65. „Такжо“ — Договорная грамота в. е. рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ. Писана въ Рязани 19 авг. 1496 года. Собр. госуд. гр. ib. N 127. „И въ тѣхъ дворѣхъ матери нашей воля“ — ib. (Ср. въ N 128 — „нашей“). „Такжо“ — ib. N 128. (Писана тоже въ Рязани). Написаніе собственнаго имени въ N 128 „Жерновищъ“, а въ N 127 „Жорновищъ“ доказываетъ, что произношеніе было „Жарно-вищъ“, вѣроятно, съ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. „А мой третійъ прилучится туто, и онъ съ нимъ жо судить“ — ib. N 128. Самое написаніе „Резань“, „резанскій“, которое почти постоянно встрѣчается въ рязанской письменности, возможно было только вслѣдствіе произношенія е предъ ударяемымъ слогомъ, какъ я, слѣдствіемъ чего является рядомъ съ „Резань“, „резанскій“ — „Рязань“, „ризанскій“. Этимологія слова „Рязань“ намъ неизвѣстна ¹⁾, но весьма возможно, что написаніе этимологическое было, именно, „Резань“, а „Рязань“ есть только фонетическая транскрипція, плодъ произношенія. Рядомъ съ этимъ словомъ встрѣчается и слово „внегиня“ и „книгиня“, о которомъ можно тоже сказать. (См. *Пискаревъ*. Древніе грамоты и акты Рязанскаго края. СПб. 1854. NN 2, 3, 7, 8 и др.). Та-же особенность произношенія замѣтна въ написаніи многихъ собственныхъ именъ, напр., „охримандриту Досаѣю“ — Пискаревъ. N 11. Запись Рудневыхъ о высылкѣ деревни ихъ съ земли Солотчинскаго монастыря, 1511 года. Рядомъ, въ N 10, чи-

¹⁾ Догадку Иловайскаго о происхожденіи этого слова см. въ его сочиненіи: „Исторія Рязанскаго княжества“. Стр. 12—13. Со ссылкой на „Опытъ“ Макарова. (Чт. въ Общ. И. и Др. 1846. III).

таемъ „Досоеѣя“. Вообще, замѣчаемая путаница въ написаніи *а* и *о* въ рязанской письменности свидѣтельству-
етъ собой сходное произношеніе этихъ звуковъ при из-
вѣстныхъ условіяхъ. Такъ, мы встрѣчаемъ написанія: „па-
шуть“ — 3 мн. N 12. 1512 г. *ib.* и „похать“ — н. н. —
ibidem. „Въ козну“ — *ib.*, „заплотили“ — *ib.* N 13. 1520 г.
(см. объ этихъ словахъ ниже). „Донила“ — *ib.* „Отъ то-
тарской войны“ — *ib.* N 18. 1553 г. Слово „татарскій“,
„тотары“ постоянно путается и встрѣчается рядомъ съ
написаніями: „татарскій“, „татаринъ“, „татары“ и въ
другихъ рязанскихъ грамотахъ; напр. „тотарину“ читаемъ
въ Записи князя Болуша Салтанглычева объ раздѣлѣ имѣ-
нія Касимовскаго уѣзда Борисоглѣбскаго стана. („Запись“
принадлежитъ Рязанскому Архиву, и свитокъ помѣченъ
N 10). Ср. свитки N 11 того же Архива, принадлежащій
тоже 1594 году, какъ и N 10, далѣе — N 13, 1596 г.
и друг.

Въ XVI-мъ вѣкѣ мы отмѣтили слѣдующіе факты ря-
занскаго аканья въ письменности: особенно характерна
подпись одного грамотнаго человѣка, подписавшагося на
„Записи“, упомянутой уже выше, это, именно, Запись
Рудневыхъ о выселѣхъ деревни, принадлежащая 1511 году.
Здѣсь читаемъ: „А запись писалъ лѣзь Семенъ Руднявъ
сынъ Климова на себе и на своего брата, лѣта 7019, мѣ-
сяца февраля 22“ (Пискаревъ. N 11). Ниже: „Лѣзь Иванъ
Рудневъ сынъ Климова руку свою приложилъ къ сей за-
писи“. Въ одной грамотѣ 1563 года, названной „Правая
и раздѣльная грамота окольничаго и воеводы Тучкова, дан-
ная Булату Елегину съ товарищи о спорныхъ пожняхъ
Косимовскаго уѣзда“ (Свитокъ Ряз. Архива N 7), чита-
емъ: „И привели къ источинѣ къ ручаю, а тѣ ручаи те-
чѣ и савина болота а ручаи впалъ в ту же въ рѣчу въ
коверъ“. Въ виду слова „ручай“, быть можетъ, „к ручаю“
и не представляетъ случая акающаго произношенія, такъ
какъ рядомъ съ словомъ „ручей“ могло быть и „ручай“,
слово другого образованія, но можетъ быть, что имени-
тельный пад. „ручай“ обязанъ своимъ происхожденіемъ

аканью, какъ это мы видимъ въ другихъ словахъ (см. Соболевскаго. Лекціи. Стр. 70—71), и особенно часто въ рязанскихъ грамотахъ въ словахъ, сложныхъ съ префиксомъ раз-, который постоянно чередуется съ роз-; въ такомъ случаѣ именит. „ручай“ образованъ по аналогіи со всѣми прочими падежами, гдѣ *a* могло быть результатомъ аканья. Это слово въ формѣ „надъ ручаемъ“ мы имѣемъ уже въ Лавр. спискѣ лѣтописи подъ 945 годомъ.

Въ княжеской грамотѣ 1576 г. мы читаемъ: „А даль тою деревню, со всякимъ угодемъ по коя мѣсто ходили изъ оной соха и коса и топоръ“ (Ряз. Достопамятности. IV т. Трудовъ Ряз. Арх. Коммисіи. § 125).

Слово „Касимовскій“ также постоянно пользуется различной ореографіей: то встрѣчаемъ „Косимовскій“ (Свитокъ Ряз. Арх. N 10, 1594 г.), то „Касымовскій“ (Свит. N 11, 13—1596 г. и др. Срв. также Свит. N 21—1616 года и др.).

Въ N 11—1594 г. читаемъ: „Касымовскому служилу татарину, Федара Иванавича“, а въ N 13—1596 г. „служилому тотарину“, но ниже „бобылскай дворъ“, „касымовскай посадцкай староста“, „петидесяцкай“. Въ грамотѣ XVII-го вѣка (1612 г.) бояръ Трубецкого и Заруцкаго пронскому воеводѣ (Пискаревъ. N 21) читаемъ: „по имянамъ“, но здѣсь же и въ другихъ мѣстахъ: „имена“ и проч. А въ рукописной выписи, данной служилому татарину на помѣстье въ Касим. уѣздѣ 1616 года (N 21—Ряз. Арх.), читаемъ: воевода князь Звенигароцкой, въ Борисаглѣбской станѣ, пра то помѣстья, то лотышевская помѣстья; съ другой стороны—„пушкоря“ и рядомъ „пушкаръ“, „сыскиволъ“—прон. вр. „А но ѿдѣле были“... Въ N 22 (тоже 1616 г.)—Понкратій, Съ Ностасьекъ Мотѣвкою, Овдокимова (срв. нынѣшнее ряз. Афѣмья, Авдакимъ, послѣднее, быть можетъ, имѣло удареніе на слогѣ „до“ и образовалось черезъ форму „Явдокимъ“). Въ N 23 (1617 г. Выпись Елатомскаго губного старосты) читаемъ: помѣсья — вин. п. ед. ч., „невѣдома где“, „Съ елатомскимъ губнымъ старостою сыванамъ“ и друг. Въ N 26

(1621 г. Выпись изъ Касимовскихъ писцовыхъ книгъ) — „пашни пахонные“, „похали“—прош. время. Въ N 27 (того же года. Отписъ воеводы Шапилова въ полученіи ямскихъ денегъ) „взялъ на жалованья и на прогоны“. Срв. N 28 (1623 г.), гдѣ въ такой же фразѣ: „на жалованье“. Срв. также N 30 (1624 г.—„я“). У Пискарева въ N 25 (1628—9 г. Выпись изъ Касим. писц. книгъ) читаемъ: „Межа князь Ивановой землѣ Шехавского“, въ другихъ мѣстахъ этой же выписи: „Шеховскимъ“, „Шеховского“. Въ Наказной памяти сыщика Заболоцкаго (рѣп. N 100, 1665 г.) читаемъ: „сколько человекъ“, „съ аванасемъ саонтьевичамъ“, „пьямънниковъ“. Въ Промѣнной записи Касимова города (рѣп. N 111, 1674 г.): „двадцать *жа* четвертей“, „жена май“. Въ грамотѣ митрополита ряз. и муром. Іосифа поповскому старостѣ (рѣп. N 119, 1679 г.) читаемъ: „доправить безчестья“, „вдвоѣ“, „два рубли чатыре алтына“ (по два раза написано), „на дъечѣ“ и „ему дъачку“, „чатырнатцать алтынъ“, „даприва тѣ пѣнныя и пошлинныя деньги“. Въ расходныхъ тетрадяхъ 1647 г. (Ряз. Достоп. ib. Стр. 58, § 168) читаемъ: „подрячникомъ былъ помянутый подмастерья Василій Харитоновъ Зубовъ“. Срв. здѣсь же §§ 176, 204, 304. Въ Отпискѣ казначейской къ преосвященному (Ряз. Достоп. § 206) 1655 года находимъ: „и будетъ *горша* нынѣшняго“ вмѣсто „горше“. Подобное написаніе сравн. степени „выша“ встрѣтили мы въ доставленной намъ ¹⁾ рукописной копіи различныхъ грамотъ и записей, отчасти напечатанныхъ уже Пискаревымъ, именно, въ N 11 (по рукописной копіи, у Пискарева N 12) 1512 года, гдѣ читаемъ цѣлую строку, пропущенную въ печатномъ изданіи Пискарева: „что пашутъ на монастырь *выша* моего села, да отъ тѣхъ монастырскихъ нивицъ“; далѣе идетъ, какъ у Пискарева:

¹⁾ Тетрадь грамотъ и записей въ копіяхъ любезно доставлена намъ для пользованія А. В. Селивановымъ, членомъ ученой архивной комиссіи въ Рязани, которому приносимъ здѣсь свою искреннюю благодарность.

„внизъ къ Боянову колодезю“ (Запись Любавскаго). Это же слово съ такой ореографіей встрѣчаемъ мы и въ Записи Александра Филипова сына объ уступкѣ ему вмѣсто занятыхъ 100 рублей денегъ помѣстья на р. Пронѣ (Реп. N 127, 1683 года). Здѣсь читаемъ: „что писано въ сей записи *выша* сего“. Примѣры аканья находятся и въ другихъ памятникахъ письменности. Напр., въ Выписи изъ Межевыхъ Рязанскихъ книгъ 1630 года (Пискаревъ N 27) читаемъ: „а отъ амы направа дорогою, налѣва межею“; „на межи липовой пень“—ib. N 27. Съ другой стороны, въ этой же выписи читаемъ „переховъ“, гдѣ *о* стоитъ вмѣсто *а* на основаніи сходства въ произношеніи неудараемого *а* и *о*, какъ мы видѣли выше. Въ Отпискѣ чернеца Тарасія рязанскому митрополиту съ представленіемъ трехъ грамотъ, относящихся до постройки Собора въ Переяславѣ Рязанскомъ 1674—1682 года, читаемъ: „А иныхъ, Государь, старѣя тѣхъ грамотъ въ казнѣ нѣтъ“ (Пискаревъ. N 40). Въ Записи 1677 года о построеніи Собора (ib. N 43) читаемъ: „площадь“ и „площедь“; такое написаніе свидѣлствуетъ также объ акающемъ нарѣчій, гдѣ иногда звукъ *а* приближается къ *ы* или *и*, въ особенности это бываетъ обыкновеннымъ явленіемъ, если неудараемое *а* стоитъ послѣ шипящаго звука, какъ увидимъ ниже, при обзорѣ другихъ особенностей народнаго рязанскаго говора, въ которомъ всегда слышимъ: „шылить“, „ни можа слышеть“ и проч. Въ словѣ „площедь“ *е* показываетъ суженіе звука *а*, оно произносится и произносилось близко къ *и* потому, что стоитъ послѣ мягкаго согласнаго *ш*, послѣ котораго расширение звука было бы затруднительно. Въ Подрядной Записи на постройку церкви 1679 года (Пискар. N 46) читаемъ: „крестьяня Василей Елизаровъ да Юда Леонтьевъ“... Къ случаямъ же суженія звука *а* (*я*) относятся и примѣры: „Занели есми мы“ (Заемная память крестьянъ 1681 года, у Пискарева N 47) или „Октебръ“—ib. N 47. Въ Записи, упомянутой уже разъ выше по поводу слова „выша“ (Реп. N 127, 1683 года), читаемъ: „на расплату“, „да сроку“,

„или хто станятъ въ то помѣстьѣ вступатца“, „и то помѣстья мнѣ справить“, „и то помѣсья са всѣми угоды опричь іво Михайла“, „и никому роду моіво и племяни да того помѣстья и да всякого угоды дѣла нѣтъ“. Въ Рядной Записи 1690 года (Реп. N 147) видимъ: „са всякимъ угодемъ вмѣста приданава“ — 2 раза, „цена палтина“, „телагрѣя“, „выдать мнѣ василью дочь сваю“; „Въ нинешнемъ въ деваноста осмомъ гаду“, „писной сровѣ“, „въ резанскомъ уѣздѣ“. Въ Расходной книгѣ 1692 г. (Пискаревъ. N 55): „куплено снятковъ“ и „куплено снятковъ“. Въ этомъ словѣ мы видимъ произношеніе неударяемаго звука *e* (ѣ), въ слогѣ передъ ударяемымъ, какъ *я*. Во всякомъ случаѣ произношеніе „снятковъ“ есть акающее, хотя бы это слово и въ самомъ дѣлѣ имѣло этимологическое *я*, такъ какъ рязанскій говоръ произноситъ почти всегда ясно и чисто *я* и *а*, находящіяся въ слогѣ передъ ударяемымъ, напр., „святѣй“ никогда не звучитъ по-московски „свитѣй“, а всегда ясно „святѣй“ и проч., за исключеніемъ указанныхъ выше случаевъ положенія *а* (*я*) послѣ шипящихъ. Если въ словѣ „снятковъ“ было-бы этимологическимъ написаніе черезъ *н*, то и то рязанецъ скажетъ „снятковъ“, какъ говорить „спяпой“, „нямой“, „вянокъ“, „цана“, „цапѣчка“ и проч., о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Въ Записи 1698 года (Реп. N 165) имѣемъ: „по сей данай“. Ниже здѣсь же „по сей даной“ (вм. „данной“). „Площедной подъячей“. Наконецъ, въ Духовномъ Завѣщаніи Касимовскаго служилаго татарина, по недосмотру пропущенномъ ранѣе, 1676 года (Реп. N 113), имѣемъ: „владѣть дваромъ своимъ и харомы“. „Благословилъ мѣньшаму своему сыну“. „Карѣвникъ“. „А животѣвъ моихъ посла моего живота таму моему сыну“. „Да ей *жа* далъ *я*“. „Да имъ *жа* *я* откозалъ“. „А та кобала написана въ чатырнотцети рублехъ“. „За лошедь два рубли“. „Шесть алтынъ чатыря деньги“. „А какъ меня въ животѣ не станеть и меня похаранить“. Здѣсь мы читаемъ слова совершенно такими, какими ихъ слышимъ въ современномъ рязанскомъ народномъ говорѣ.

Въ своихъ историческихъ данныхъ рязанскаго нарѣчія мы будемъ ограничиваться концомъ 17-го столѣтія въ виду того, что въ 18-мъ столѣтіи не представится такого интереса по отношенію къ орфографіи, такъ какъ это сравнительно недавнее время. Такимъ образомъ, мы видѣли, что аканье есть черта очень древняя въ русскомъ языкѣ, восходящая къ XIV-му столѣтію и распространявшаяся все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени. Несомнѣнно, что московское неполное аканье есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ аканье полное, которое болѣе послѣдовательно и строго выдержано, и нужно думать, что рязанское аканье образовалось подъ вліяніемъ московской колонизаціи въ рязанскомъ княжествѣ и удержало тѣ свои особенности, которыя исчезли въ собственно-московскомъ нарѣчіи, сохранившись въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи, напр., въ Богородскомъ, Коломенскомъ и другихъ. Вообще, не одно аканье въ рязанскомъ нарѣчіи есть плодъ колонизаціонной политики великихъ князей: мы ниже увидимъ, что по особенностямъ народнаго рязанскаго говора можно составить себѣ приблизительное понятіе о составѣ первоначальнаго рязанскаго края и о тѣхъ инородныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался рязанскій край при торговыхъ, политическихъ и другихъ соприкосновеніяхъ своихъ съ русскими людьми разныхъ земель.

О вліяніи аканья на произношеніе другихъ словъ въ рязанскомъ нарѣчіи мы должны сказать слѣдующее: въ рязанскомъ нарѣчіи болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, замѣтны новообразования, происшедшія подъ вліяніемъ господствующаго аканья. Такъ, напр., въ литературномъ общерусскомъ языкѣ мы имѣемъ настоящее время плѣтишь, плѣтить и проч. отъ глагола платить. Очевидно, что произношеніе плѣтишь обязано своимъ происхожденіемъ аналогіи подобнаго какого-нибудь глагола, имѣвшаго этимологическое *о* въ корнѣ, въ родѣ но́сишь, во́ишь при неопр. н. носіть, возіть, гдѣ неударяемое *о* въ силу аканья звучитъ, какъ *а*. Въ составѣ литературнаго языка вошли, кромѣ слова плѣтишь, вѣтишь при катіть (см. Со-

болевскаго. Лекціи. К. 1888. Стр. 72), сѣдишь при садѣть, дѣришь при дарѣть. Возникновеніе такихъ формъ объяснимо только аканьемъ, въ силу котораго возможно было образованіе этихъ новыхъ формъ по аналогіи съ формами старыми отъ глагола носить—носишь и проч. Основаніемъ такого новообразованія по аналогіи послужило произношеніе неударяемаго *о* въ неопредѣленномъ наклоненіи, какъ *а*, подобно глаголу платѣть, гдѣ *а* было этимологическимъ. Но въ рязанскомъ говорѣ, кромѣ перечисленныхъ формъ, мы видимъ: брѣнить, брѣнится 3 ед. при неопр. н. бранѣть; (с)вѣрють, пирѣвѣримъ при неопр. н. варѣть; свѣлиси — 2 ед., свѣлишь при неопр. н. валѣть; тѣшшѣть, патѣшшѣть, стѣшшѣть—3 ед. при неопр. н. ташшѣть, тащѣть. Сюда же слѣдуетъ отнести произношеніе шѣпчишь, шѣпчить въ ряз. говорѣ отъ гл. шѣптать при 1-мъ лицѣ шѣпчѣ, откуда уже шѣпчишь, шѣпчить подобно насыть, нашѣ, носѣшь или. вазѣть, важѣ, вѣзѣшь и проч.

Интересны слѣдующія сопоставленія изъ живого говора: пирѣварѣть и пирѣвѣримъ—1 л. мн. числа; въ этомъ словѣ мы обозначили знакомъ *и* звукъ, который слышится то ближе къ *я*, то ближе къ *и*. Разъ мы слышали такое произношеніе, а другой разъ другое въ одной и той же мѣстности. Далѣе: пирѣвалилъ—прош. вр.—и пирѣволится—3 ед. буд. времени соверш. вида. Аканью же обязаны и слѣдующія произношенія: насѣдили садъ—3 л. мн. ч. прош. вр. при сѣдить, сѣдимъ и пр. Здѣсь перенесено даже удареніе подъ вліяніемъ формъ настоящаго времени. Точно такое-же явленіе мы видимъ въ произношеніи скѣмью—вин. ед. числа при именительномъ скѣмѣй и множ. число скѣмѣи. Срв. вода при вин. пад. воду и множ. ч. воды. Въ вольныхъ селахъ Рязанской губерніи, напр., въ селѣ Вѣслабовѣ (которое, по мѣстной легендѣ, получило свое названіе отъ собственнаго имени Ослѣба, инока, остановившагося въ этомъ селѣ на пути къ в. к. Дмитрію Донскому. Въ этомъ названіи мы имѣемъ начальное придыхательное *в*, какъ и во многихъ другихъ сло-

вахъ рязанскаго нарѣчія. По мѣстному произношенію это названіе звучитъ такъ: Восляба, крестьяне — Восляпцы.) мы слышимъ также *двожды* вм. дважды. Въ селѣ же Курбатовѣ Рязскаго уѣзда мы слышали произношеніе *башмоки* при множественномъ числѣ башмаки. Быть можетъ, здѣсь позволительно усматривать аналогію съ произношеніемъ другого названія обуви, именно, *сапоки* при множ. числѣ *сапоки*. Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ новое *о* подъ удареніемъ, образовавшееся изъ неударяемаго *а*; съ другой стороны, въ ниже приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ новое *а*, образованное изъ неударяемаго *о* этимологическаго: лавишь, лавить и проч. при неопр. н. ловить, употребляемое въ этомъ глаголѣ и съ представками — на-лавить — 3 л. ед. числа; ламаный, ламанъ при глаголѣ ломить и ломать — села Пѣрики, Бараково Скоп. уѣзда; бутарили и бутарить — неопр. н. (=говорить) при бутарить — с. Мишино Михайловскаго уѣзда; заапанъ при неопр. н. заапать, копать — с. Яблоново Скоп. у.; вожжы заматаны при неопр. н. замотать, мотать, которое, конечно, тоже произносится съ двумя *а* — село Яблоново. „Роздали“ и „раздали“ — прош. время — с. Пѣрики и Бараково.

Вліяніемъ же аканья надо объяснять, по нашему мнѣнію, и то замѣчательное явленіе, что въ рязанскомъ нарѣчіи совершенно исчезъ средній родъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, его нѣтъ вовсе въ употребленіи въ рязанскомъ просторѣчіи, но къ этому явленію мы вернемся нѣсколько ниже, когда будемъ разсматривать слѣды вліянія аканья на формы языка, а теперь упомянемъ еще о нѣсколькихъ случаяхъ фонетическаго характера, объясняемыхъ, по нашему мнѣнію, все тѣмъ-же аканьемъ. Къ такимъ случаямъ относится произношеніе тематическаго *и* въ глаголахъ прошедшаго времени, какъ я: „выпяль“, если это тематическое *и* находится въ слогѣ послѣ ударяемаго, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: выпяль = выпиль (с. Яблоново), поляль = поиль (с. Гремячка = врямъчъка), споряль = спориль (с. Яблоново); такое произношеніе звука *и* наблюдается и въ третьемъ сло-

гѣ послѣ ударяемаго, но при этомъ промежуточный слогъ сокращается, напр., „вычистилъ“ звучить, какъ вычстѣлъ или вычстѣлъ, вымѣсѣлъ (= вымѣсилъ, почти какъ вымѣсѣлъ, гдѣ знакомъ *мѣ* или *мѣ* мы обозначили краткость слога *мѣ*, но съ отгѣнкомъ гласнаго *я*), вытѣшилъ=вытащилъ (иногда: вытѣщѣлъ—с. Яблоново). Слово „видѣлъ“ также произносится — видѣлъ, вѣроятно, подѣ влияніемъ вышеприведенныхъ словъ, такъ какъ *н* послѣ ударяемаго слога звучить обыкновенно, какъ *и*, что особенно ясно слышно въ падежныхъ формахъ для предложнаго падежа, какъ напр., „на воли“, „въ полѣ“, „въ доми“ и т. п. Если же *н* стоитъ передъ ударяемымъ слогомъ, то оно всегда раздѣляетъ судьбу звука *е* въ этомъ же положеніи, т. е. произносится, какъ *я*: нѣмой, свѣтлѣ, слѣпой, смятѣца и проч. Случаи, подобные вышеприведеннымъ, какъ „выпѣлъ“ и проч. объясняются влияніемъ такихъ формъ, какъ вымѣлъ, выпѣлъ, вышѣлъ, гдѣ *я* стоитъ въ силу общаго закона аеающихъ говоровъ, подобныхъ рязанскому. Этимъ же влияніемъ надо объяснять и произношеніе слова „видѣлъ“. Впрочемъ, есть довольно много словъ, доказывающихъ, что *н* и послѣ ударяемаго слога раздѣляетъ судьбу звука *е* въ ряз. нарѣчій, только не въ падежныхъ окончаніяхъ. Замѣчательно, что рядомъ съ формой „выпѣлъ“ для ед. числа намъ почти постоянно приходилось слышать форму „выпили“ для множ. числа, гдѣ коренное *и* произносится неясно, но во всякомъ случаѣ близко къ *и*; то-же мы наблюдали и въ другихъ словахъ: „вычистили“ и проч. Между тѣмъ какъ формы „вымѣли“, „вынѣли“ звучатъ съ яснымъ *я*. Быть можетъ, въ этомъ явленіи слѣдуетъ усматривать указаніе на неорганическое, такъ сказать, *я* въ словахъ, подобныхъ слову „выпѣлъ“, гдѣ расширение звука *и* въ *я* поддерживалось и оправдывалось слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ. Выше мы видѣли, что мягкость слѣдующаго слога или согласнаго вліяетъ даже на звукъ *е*, стоящій непосредственно послѣ ударяемаго слога, и въ силу означеннаго положенія звукъ *е* не переходитъ въ нѣкоторыхъ глагольных

формахъ и словахъ въ я (буде"ть, буде"те, харошынькый, тачёнинькый, каме"нь, стюде"нь и проч.), между тѣмъ какъ общее правило аканья строго соблюдается во всѣхъ случаяхъ, кромѣ означенныхъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: кучарь, һаячьё (вин. ед. отъ „гаечка“), присидя—3 л. ед. ч.—присядеть (с. Мишино, Михайловскаго у.); хоба—3 л. ед. ч.—хочеть (Мих. у. ib.), позатихня=позатихнеть (Мих. у. ib.), примайтя, идитя, насытя, упадѣтя, найдѣтя, побѣдитя (и очень краткое, почти=ъ; Мих. у. ib.), бязь варякъ (=безъ варешекъ, с. Ябл. Скоп. у.), ня возя=не возить (село Городецкое, Скоп. у.), ср. ни хватая—ibid., патыя, палитя—пов. н., номьярь, выкрашпенъ (=выкренецъ), побрябъ, масляна, помярь, паляць; лаһарь=лагерь—с. Ябл. Скоп. у.; это слово, повидимому, противорѣчитъ нашему выводу о вліяніи послѣдующаго мягкаго согласнаго, но такихъ словъ, вѣроятно, очень немного.

Аканьемъ же объясняется такое произношеніе, какъ пѣтна (=пятна), образовавшееся, очевидно, подъ вліяніемъ словъ, подобныхъ слову ведра при ед. числѣ вядрѣ, пѣтна при пятнѣ. Надо замѣтить, что слово „пятно“ произносится съ чистымъ я, какъ и всякое слово съ безударнымъ я, какъ мы говорили выше. Это есть принадлежность аканья: пятѣкъ, ряды, рябой, ляһушка, растаяла—прош. время, святой, чясы (ч'асы). Впрочемъ, въ томъ-же селѣ Яблонѣ Скоп. уѣзда мы слышали и случаи перехода звука я, стоящаго подъ удареніемъ, въ е или ё въ словахъ: дитѣ, пѣтнушка (ср. пѣтна род. мн. пѣтнафъ =пятенъ), мѣчикъ, пля"мѣньникъ (с. Кельцы. Скоп. у.), апѣтъ (с. Ябл. Скоп. у.), но въ с. Бараковѣ мы слышали и апятъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ, въ сс. Городцѣ и Горицахъ, также „апѣтъ“ и друг. Въ этихъ же селахъ Спасскаго уѣзда, а равно и въ другихъ, какъ напр., въ селахъ: Киструсь, Гавриловское, Деревенское, Стариново и друг., говорятъ пѣтъ вм. пѣтъ, чѣйникъ вм. чайникъ и др. Слово „чай“ и въ Скоп. у. мы слышали съ подобнымъ произношеніемъ, въ которомъ слышно было не чистое а (я), а близкое къ е: „че"й“. Слово „апѣтъ“ произносится и въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ которомъ вообще много особенныхъ и интерес-

ныхъ случаевъ замѣны одного звука другимъ: здѣсь мы находимъ: „въ јѣслихъ“ = въ ясляхъ, „всѣкій“ = всякій, „һанѣли“ = гоняли, „дѣди“ = дядя, „јѣйцы“ = яйца. Слово „чай“ вмѣсто „чаю“ = думаю въ нѣкоторыхъ селахъ Тумскаго края Касимовскаго уѣзда, напр., въ с. Куршевѣ, въ дер. Симоновѣ, Бычковѣ и др. произносится нерѣдко „цѣй“. Также слышится „няльзѣ“ вм. нельзя, „прѣдиво“ = прїдиво, „подъ пѣтницу“ = подь пѣтницу, „пѣтиро“ = пѣтеро. Эта особенность преимущественно свр. говоровъ, въ частности новгородскаго, въ которомъ она известна уже съ XI-го вѣка. (Соболевскій. Лекціи. К. 1888. Стр. 67). Далѣе, повсемѣстно въ ряз. нарѣчїи мы слышимъ произношеніе трѣсть вм. трїсть, встрѣхавала = встрїхивала, но трясу́, трясе́тъ и проч. Явленіе перехода ударяемаго *я* въ *ѣ* въ ряз. нарѣчїи параллельно явленію перехода ударяемаго *а* въ *о*, какъ мы видѣли выше: валю́, свѣливай — волишь; сажу́, насѣживай — содишь и проч. Также: трясу́ — трѣсть — трѣсь — встрѣхаваль. Аналогіей въ этомъ случаѣ, должно быть, служили глаголы типа: нясу́ — несть — нѣсь; вязу́ — вѣсть — вѣсь. Въ неопр. н. несть, вѣсть, трѣсть перехода *е* въ *ѣ* не можетъ быть потому, что слѣдующая согласная *т* мягкая, а вслѣдствіе этого и *с* — мягкій: нес'т'. Вообще переходъ *я* изъ *е* или изъ *а*, или исконнаго (*и*) въ *ѣ* совершился черезъ посредствующую форму, въ которой было вторичное *е*, какъ показываютъ примѣры: нясу́ — несть — нѣсь; трясу́ — трѣсть — трѣсь (но вътрясь). Сравни: пятно́ — пѣтна, какъ вядро́ — вѣдра, сяло́ — сѣла и проч.

Собственные имена, какъ Евфимѣя, Елена и друг., въ силу аканья переходятъ въ Афимѣя, Алѣна при посредствѣ формъ Яфимѣя, Ялена, какъ изъ имени Егоръ образуется Янѣръ и проч. Этимъ же явленіемъ аканья мы объясняемъ и то, что звукъ *о* въ третьемъ слогѣ передъ ударяемымъ, превратившись въ *а*, становится слабымъ и звучитъ иногда, какъ *ы*: мыладца́ (с. Звѣрево, Данков. у.)¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ звуковомъ явленіи ювр. нарѣчїи см. въ тру-

Наконецъ, аканье отразилось и на морфологіи рязанскаго нарѣчія, въ которомъ совершенно исчезъ средній

дѣ А. А. Потебни: „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Ф. З. 1865. Вып. I. Стр. 57—63). Правда, что этотъ трудъ во многихъ мѣстахъ неточенъ, такъ какъ авторъ дѣлалъ наблюденія надъ влр. нарѣчіемъ болѣе по печатнымъ изданіямъ, чѣмъ на основаніи личнаго знакомства съ живой рѣчью великорусскаго народа; но всетаки въ этомъ трудѣ мы находимъ много цѣнныхъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о тонкой наблюдательности автора. Такъ, совершенно вѣрно подмѣчено отношеніе неударяемыхъ слоговъ къ ударяемому, постепенное ослабленіе гласнаго по мѣрѣ удаленія его отъ ударяемаго и одинаковое положеніе гласнаго, находящагося въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, съ гласнымъ, непосредственно слѣдующимъ за ударяемымъ слогомъ. Потебня пишетъ (стр. 57): „Въ настоящее время въ большей части ювр. говоровъ о измѣняется различно, смотря по степени его удаленія отъ ударяемаго слога“. По отношенію къ ряз. нарѣчію это общее замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно: мы выше уже сказали, что въ ряз. нарѣчій всякое неударяемое о звучитъ, какъ а. Находясь въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго оно, правда, иногда становится чуть слышнымъ, глухимъ, но переходъ его въ ѡ (какъ мыладца) есть явленіе далеко не общее въ рязанскомъ нарѣчій; этотъ переходъ слышится въ иныхъ мѣстахъ яснѣе, въ другихъ глуше, между тѣмъ какъ произношеніе „маладца“ остается общимъ для всѣхъ мѣстностей рязанскаго говора и самымъ обыкновеннымъ. Произношеніе кол'каль = колоколь (ib. 57) мы слышимъ гораздо чаще въ Рязанской губерніи, чѣмъ мыладца, зылатой и т. п. Точно такъ же далеко не всегда слышимъ мы въ ряз. нарѣчій произношеніе звука у во 2-мъ слогѣ за ударяемымъ совсѣмъ глухое или какъ ѡ: случаи такіе, какъ „у болѣмбѣ“ (с. Звѣрево, Данк. у.), встрѣчаются далеко не часто. (См. Потебни. ib. 58). Что касается измѣненія гласныхъ неударяемыхъ мягкихъ, то намъ придется сдѣлать и здѣсь кое какія дополненія и поправки къ труду Потебни (ib. стр. 59 и 60). Въ рязанскомъ говорѣ е въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, какъ мы выше замѣтили, всегда переходитъ въ и, и случаевъ перехода этого звука въ я мы вовсе не замѣтили. Въ 3-мъ же слогѣ послѣ ударяемаго звука е дѣйствительно переходитъ иногда въ я, но случаи такіе не часты, и ихъ мы перечислили выше. Въ видѣ поправки (Тамъ-же

родъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ: въ си-

стр. 60) къ замѣчанію Потебни скажемъ, что въ словахъ съ суффиксомъ *ецъ* въ ряз. говорѣ, именно, во 2-мъ слогѣ послѣ ударяемаго слышится иногда *я*, между тѣмъ какъ у Потебни замѣчено, что въ такихъ словахъ *е* переходитъ въ *и*: мы слышали „кормильцѣ“—с. Корневое, Скоп. у. и въ другихъ словахъ. Далѣе, род. множ. числа постоянно „денѣхъ“=денегъ, также „бѣряхъ“=берегъ (Штб. ib. 60), какъ того требуетъ строго выдержанное аканье рязанскаго нарѣчія. Затѣмъ Потебня въ своемъ трудѣ (ib. 61) совсѣмъ упустилъ изъ виду, что есть такіе южновеликорусскіе говоры, въ которыхъ звукъ *я* въ слогахъ неударяемыхъ произносится чисто, о чемъ мы говорили уже въ текствѣ, и къ такимъ говорамъ относится, именно, рязанскій говоръ. У Потебни-же читаемъ: „*Я*, будетъ ли оно коренное, или образованное изъ *А*, въ слогахъ неударяемыхъ измѣняется въ *е* въ московскомъ и въ *и* (изъ *е*) въ другихъ южныхъ говорахъ“. Собственно говоря, и въ московскомъ нарѣчіи неударяемое *я* переходитъ не въ чистое *е*, какъ можно было бы думать на основаніи словъ Потебни, но въ звукъ, болѣе близкій къ *и*, чѣмъ къ *е*. Что же касается рязанскаго нарѣчія, то здѣсь это *я* почти никогда не переходитъ въ *и*, кромѣ случаевъ весьма немногихъ и рѣдкихъ, которые мы наблюдали въ мѣстныхъ, областныхъ словахъ рязанскаго нарѣчія, какъ напр., *жѣнокъ*, *жѣначѣкъ*=ягненокъ, барашекъ (см. отдѣлъ Лексикологіи ряз. нарѣчія). На стр. 62 Потебня, исходя изъ того положенія, что *я* въ неударяемыхъ слогахъ переходитъ въ *е* и въ *и* во всѣхъ южновеликорусскихъ говорахъ, приводитъ въ примѣръ такого перехода коренного *я* въ *е* слово *Резань*, говоря, что начало такого перехода не позже XIII в. Очевидно, въ словѣ „Рязань“ принимается звукъ *я* за исконный, коренной, между тѣмъ какъ это еще большой вопросъ: быть можетъ написаніе „Рязань“ есть плодъ, именно, рязанскаго произношенія, такъ какъ это *я* въ словѣ „Рязань“ нигдѣ не слышно, кромѣ, именно, рязанскаго и, быть можетъ, нѣкоторыхъ другихъ, тождественныхъ съ рязанскимъ говоровъ. Памятники письменности употребляютъ чаще написаніе „Резань“, чѣмъ „Рязань“; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, какъ суздальскомъ изводѣ, мы имѣемъ постоянно въ этомъ словѣ *я*, но въ Радзивиловскомъ и спискѣ Моск. Дух. Академіи въ этомъ словѣ мы встрѣчаемъ *е*, напр., подъ 1096 годомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

лу аканья слова адяяла, поля и проч. переходять изъ средняго рода въ женскій, а потому въ произношеніи звучать безразлично: теплая адяяла, зяленая поля и теплая адёжа, зяленая крыша; такимъ образомъ, естественно уничтожается средній родъ именъ прилагательныхъ, и получается возможность говорить: большая адяяла, сухая поля; май, твай, свай, вся поля и проч. Напр., мы постоянно слышимъ: „вадрѣ всѣ худая (с. Яблоново); про молоко говорятъ: „анѣ скѣсла“—*ibid.* А вотъ цѣлый разговоръ, записанный мною съ совершенной точностью со словъ крестьянки с. Яблонова: „Дай ужъ рюмачкѣ винца-та; ахъ, какая хорошая! бдѣ-й-та такую бралъ-та? По два ста^{на} банѣ пьютъ жеѣ, эту вино-та“. Далѣе: дѣрявцѣ хустая, хорошынькая. „Плѣтъ худая“ (с. Мишино. Мих. у.). „Масла-та всѣ кончилась, анѣ ужъ испортилась“ (с. Ябл.). „Аднѣ всѣ палѣна шарѣла“ (*ibid.*). „Выбралъ изъ двухъ любѣя, эту плѣтъ“. „Кадѣ анѣ будѣ старая, анѣ будѣ мяхвая“ (палатѣнца). „Стѣла ишнѣ ни занята“—*ibid.* „Велика жалаванья-та?“ (с. Городецкое, Скоп. у.). „Всѣ лѣта“—*ib.* „Анѣ за облакъ зашла“ (сказано про солнце. С. Городецкое. *ib.*). „Была бы солнушка“ (с. Ябл.). „Чѣй поля?“ „Вся лѣта, всю эту лѣта“—с. Корнеевое, Скоп. у. „Какая сонѣца шшарбѣтая (затменіе 25 мая 1890 года), анѣ всѣ пир^мутилась *матушка*“—с. Яблоново (про солнце). „Какая дѣла!“—с. Гремячка, Скоп. у. „Ну, жеѣ савѣмъ (про вино)—с. Ябл. „Падѣ малинавай *адяялай*“—с. Яблон. „Твай калѣцѣ“—*ib.*

Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще болѣе, такъ какъ они встрѣчаются на каждомъ шагѣ и поражаютъ слушателя. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что средняго рода въ просторѣчій рязанскаго края совсѣмъ нѣтъ, и никакое сознаніе о немъ не замѣчается. Что слова средняго рода не имѣютъ надежныхъ суффиксовъ женскаго склоненія, переходя въ именит. падежъ въ женскій родъ, это еще не доказываетъ сознанія средняго рода: мы, на примѣръ, постоянно слышимъ въ рязанскомъ нарѣчій надежный суффиксъ для род.

п. множ. числа именъ женскаго рода — *овз, еез*, и этотъ суффиксъ есть почти единственный для образованія род. пад. множ. числа. Напр., *комнатовъ, кухарковъ, ѡкнавъ, пѣтнавъ* = *пятенъ* и проч. Но, не смотря на окончаніе *овз, еез* для род. п. мн. ч., слѣдуетъ всетаки признать, что народъ различаетъ мужескій и женскій родъ; о среднемъ же родѣ, по крайней мѣрѣ въ рязанскомъ нарѣчіи, этого сказать нельзя. Поэтому, намъ кажется, напрасно Потебня упрекалъ (О звуц. особ. р. нар. Стр. 60, прим.) Дала и доказывалъ ошибочность его мнѣнія относительно того, что въ народномъ языкѣ мѣстами нѣтъ средняго рода. Потебня говоритъ: „Кажется, ошибочны у Дала примѣры: *пшена желтая такая* вм. *пшено такоя* и т. д.“. Мы скажемъ въ свою очередь, что эти примѣры вовсе не ошибочны, что въ рязанскомъ нарѣчіи постоянно услышишь „*пшанѡ желтая такая*“, какъ уже выше нами указано, и никогда не слышно „*пшено такоя*“, но мы не слыхали также и *пшена* вмѣсто *пшанѡ* или *пѣшанѡ* (ѣ — краткій звукъ, похожій на глухой, но съ отгѣнкомъ *а*). Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи мы видимъ даже склоненіе именъ средняго рода съ женскими падежными суффиксами. Напр.: „Онъ кормилъ коня *пшеного бѣлоровой*, Попилъ питыями *медвяныма*“ (Гильфердингъ. Онеж. былины. Столб. 79. Былина о Дюкѣ. Повѣнецкое побережье) и др. Срв. столб. 776, 818 (муж. родъ = средний).

Прежде чѣмъ перейти къ замѣнамъ другихъ звуковъ въ рязанскомъ нарѣчіи, не связаннымъ съ явленіемъ *аканья*, скажемъ, что Даль, перечисляя особенности рязанскаго нарѣчія, какъ мы теперь можемъ убѣдиться изъ вышеизложеннаго, выразился очень неточно во 2-мъ пунктѣ (см. здѣсь стр. 2). Именно, у Дала не сказано, въ какихъ случаяхъ *ѣ* или *е* переходить въ *и* и *я*, а просто сказано „нерѣдко“. Что же касается произношенія „*яны*“ вм. „*они*“, на которое указываетъ Даль въ означенномъ пунктѣ, то такое произношеніе мы нечасто слышали, именно, въ одной мѣстности Рязанской губерніи въ с. Боршевомъ Скоп. уѣзда, гдѣ говорятъ: *јонѣ, јанѣ* = *онѣ, они*;

между тѣмъ какъ „аны“ извѣстно, напр., въ Касим. уѣздѣ во многихъ селахъ и деревняхъ такъ называемаго Тумскаго края ¹⁾).

Случаи отступленія отъ аянья встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Рязанской губерніи, и это наблюдается по преимуществу въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ вообще нарѣчіе постепенно переходитъ къ типу умѣренно-акаяющихъ говоровъ, но всетаки сохраняетъ въ себѣ отличительныя особенности рязанскаго говора въ области гласныхъ и согласныхъ, при чемъ въ области послѣднихъ развиваются даже такія особенности, которыхъ на югѣ Рязанской губерніи не встрѣтишь или встрѣтишь, какъ рѣдкость. Эти особенности, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а равно и особый лексическій составъ въ такъ называемыхъ „мещерскихъ“ селахъ, свидѣтельствуютъ объ особомъ положеніи, въ которомъ находился сѣверный край Рязанской губерніи при возникновеніи Рязанскаго княжества: здѣсь было населеніе Мещеры, и сюда колонизація проникала съ сѣвера, не только изъ области Московской и Суздальской, но и Новгородской. Этими обстоятельствами, кажется, надо объяснить легкое ослабленіе аянья на сѣверѣ Рязанской губерніи, общія черты съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ и нѣсколько особый составъ областныхъ словъ, неизвѣстныхъ или рѣдко употребляемыхъ въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Съ другой стороны, именно, эти черты сѣверно-рязанскаго нынѣшняго нарѣчія указываютъ въ свою очередь и на тѣ историческія обстоятельства, которыя отмѣчены лѣтописями относительно эпохи сложенія новаго Рязанскаго княжества. Такъ, изъ случаевъ отступленія отъ

¹⁾ Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ (К. 1888. Стр. 77) объясняетъ это „аны“ влр. и блр. говоромъ слѣдствіемъ вліянія формъ косвенныхъ падежей мѣстоименія „и“: яму, ягѣ и проч. Во всякомъ случаѣ произношеніе ягѣ, яму есть акаяющее, подъ вліяніемъ котораго явилась форма „аны“ черезъ форму ѣнь, јѣнь.

общерязанскаго аканья отмѣтимъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Спасскаго, Михайловскаго и Касимовскаго уѣздовъ говорить: *кучирь* (г. Спасскъ, сс. Ерахтурь, Нармушадь, Куземкино и др. Касим. уѣзда) вм. обычнаго *кучарь*, также *вечирь*—*ibid.* вм. *вечарь*, *пристолъ* вм. *прястолъ* (сс. Иже-славль, Николаевка Михайлов. у., сс. Булыгино, Ловцы, Щурово, Россохты Зарайскаго уѣзда), *нисѣтъ* вмѣсто *на-сѣтъ* иногда слышно въ гор. Спасскѣ, *смѣйтца смѣгнѣй* вм. *смѣйтца* и *смѣшнѣй* въ тѣхъ-же мѣстахъ Михайловскаго уѣзда, Касимовскаго и въ с. Щуровѣ Зарайскаго уѣзда. Точно такъ-же: *пирхѣдъ*, *пиринѣтъ*—въ Михайл. уѣздѣ и въ сс. Мокѣевѣ, Подлѣсной Слободѣ Зарайск. у., *чѣлѣ* вм. обычнаго *чалѣ* или *чавѣ*—въ с. Мишинѣ Мих. уѣзда, *чѣвѣ*—с. Истѣе, Пронскаго уѣзда; *жылѣзо*—*ib.* (с. Николаевка) и *зылѣзо* въ означенныхъ селахъ Касим. уѣзда; *восьмиро*, *типѣря*, *дѣшнѣй* вм. *восьмяро*, *тапѣря*, *дѣшнѣй* въ Тумскомъ краю и нѣкоторыхъ другихъ селахъ Касимов. уѣзда, *дѣмъ*=девять тамъ-же; наконецъ—*слѣпной*, *нѣмой* съ *н*, близкимъ къ *и*, въ с. Алпатьевѣ, В. Бѣлоомутѣ, Каринѣ, Булыгинѣ и нѣкр. др. Зарайскаго уѣзда, о которомъ надо вообще сказать, что, по собран-нымъ нами свѣдѣніямъ, онъ отличается большей близостью въ отношеніи аканья къ московскому нарѣчію и нѣ-сколько удаляется въ этомъ отношеніи отъ общерязанскаго произношенія. Въ Спасскомъ уѣздѣ, въ сс. Городецъ, Горницы, Гавриловское и нѣкр. др. слышится почти всегда: у *пѣчѣ*, на *пѣчѣ*, привизѣмъ (знаѣтъ е обозначаетъ звукъ е, а не ё) вмѣсто обычныхъ у *пѣчѣ*, на *пѣчѣ*, привязѣмъ, какъ постоянно слышимъ въ Скопинскомъ, Рязскомъ, Пронскомъ, Данковскомъ, Раненбургскомъ уѣздахъ. Ра-домъ съ этими отступленіями отъ аканья вполнѣ понят-ными остаются слѣдующія произношенія: *кѣрѣмъ*—Тум-скій край Касимовск. уѣзда, *дѣвирь* и *дѣверь*—с. Щурово Зарайск. у., с. Николаевка и др. Михайловск. уѣзда. Это произношеніе мы видѣли выше (см. прим. 1 на стр. 6 и стр. 10 нашего труда) и въ Скоп. уѣздѣ, и оно объясня-ется положеніемъ звука *е* въ закрытомъ слогѣ съ мягкимъ

конечнымъ согласнымъ; припомнимъ слова: камень, студенъ, будетъ, кашель и друг., гдѣ *e* произносится почти какъ *и*.

Рядомъ съ вышеозначенными отступленіями отъ полнаго аканья слѣдуетъ отмѣтить переходъ неударяемаго *о* во 2-мъ и 3-мъ слогѣ передъ и послѣ ударяемаго слога въ *и*, какъ прямой слѣдъ умѣренного аканья, извѣстнаго и въ Москвѣ. Такъ, въ означенныхъ уже мѣстностяхъ мы наблюдаемъ произношеніе: дырабѣй, пылатѣнца, радыватца—сс. Ерахтуръ, Нармушадъ, Куземкино и др. Касимовск. у., Яблгня—с. Ижевское Спасск. у., Тумскій край Касим. уѣзда, выпарвѣхъ, хыстѣла (=гостѣла), купѣнца (=купаться), пырянѣкъ, сысватѣль, ляжѣла падъ ѣльцкуй (=ѣлочкой, пѣсня)—тамъ-же, въ Касимов. уѣздѣ. Теперь переходимъ къ другимъ явленіямъ въ области фонетики рязанскаго нарѣчія.

Замѣны звука а. Въ рязанскомъ нарѣчіи, въ особенности въ Скопинскомъ уѣздѣ, замѣчается довольно характерная замѣна звука *а* въ глаголахъ, гдѣ эта примѣта *а* стоитъ послѣ передне-небнаго (шипящаго) звука, т. е. образовалась изъ звука *и* (въ глаголахъ III—V класса по дѣленію Миклошича). Не смотря на то, что это *а* стоитъ подлѣ удареніемъ, оно произносится какъ *е* (ѣ). Такъ, мы постоянно слышимъ: кричѣтъ, кричѣль, кричѣла; шуршѣла, постучѣтъ, стучѣли, стучѣла, стучѣтъ (но наст. вр. 3-е л. мн. ч. — стучать, кричать), вишшѣлъ, вишшѣла (=визжала; с. Яблоново, Скоп. у.), гдѣ сочетаніе звуковъ *аж* перешло сперва въ группу глухихъ звуковъ *си*, которая обратилась по ассимиляціи въ *ши* или непосредственно, или черезъ звукъ *щ*, образовавшійся изъ *си*, а такъ какъ всякое *щ* въ рязанскомъ нарѣчіи во всѣхъ уѣздахъ произносится, какъ *ши* (см. отдѣлъ согласныхъ звуковъ; передне-небные), то и получилось „вишшѣла“; промежуточную форму „вищѣла“ мы слышали въ с. Вослябовѣ Скоп. уѣзда. Ср. съ произношеніемъ „вишшѣла“ произношеніе другого слова: „дакашшѣтъ“ (доказчикъ; с. Яблон. *ibid.*). Впрочемъ, иногда намъ приходилось слышать и произно-

шеніе „вижѣть“ въ неопр. наклоненіи. Далѣе: тряшѣла (=трепала; с. Яблон. *ibid.*). Быть можетъ, подобныя формы своимъ произношеніемъ обязаны вліянію такихъ глаголовъ, какъ хотѣть—хотѣть, хотя, впрочемъ, вмѣсто 3 л. мн. ч. „хотѣть“ чаще слышится „хочутъ“, но въ другихъ глаголахъ ясно различіе, аналогичное приведеннымъ выше: кричѣть—неопр., н., кричатъ—наст. вр. 3 л. мн. ч. и подобн., напр., вялѣть—вялѣть, шумѣть—шумѣть (всегда въ смыслѣ „звать“ въ ряз. нарѣчій. См. отдѣлъ лексикологіи). Такую аналогію можно усматривать въ произношеніи глаголовъ съ примѣтой *a* послѣ шипящихъ звуковъ: эта аналогія оправдывается стремленіемъ отличить въ разговорѣ формы настоящаго времени 3-го лица множ. числа отъ формъ неопредѣленнаго наклоненія, такъ какъ эти формы безъ особеннаго рязанскаго произношенія звука *a*, какъ *e* (ѣ), въ неопр. наклоненіи могли бы смѣшиваться, имѣя одинаковое произношеніе, т. е. представляя въ звуковомъ отношеніи тождественныя формы. Напр., неопр. н. кричатъ и наст. вр. 3 л. мн. кричатъ или стучатъ — неопр. н. и стучатъ — наст. время и проч. Такимъ образомъ, стремленіе различить формы, тождественныя въ звуковомъ отношеніи, вызвало звуковую замѣну *a* на *e* (ѣ) въ глаголахъ съ ударяемой примѣтой *a* въ положеніи послѣдняго звука послѣ шипящихъ. Формы же прошедшаго времени кричѣлъ, кричѣла и проч. образовались въ свою очередь по аналогіи съ формами неопр. наклоненія — кричѣть и проч., которыя обязаны своимъ появленіемъ вліянію глаголовъ типа велѣть — велѣть, отличающихъ формы неопр. накл. и наст. времени 3-го л. мн. числа посредствомъ звуковъ *n* и *j*. Само собой разумѣется, что звуковая тождественность формъ неопр. наклоненія кричатъ и наст. вр. 3-го л. мн. числа — кричатъ могла явиться только подъ условіемъ рязанскаго мягкаго произношенія звука *n* въ личномъ окончаніи 3-го л. ед. и мн. чиселъ; это окончаніе въ рязанскомъ нарѣчій звучитъ *повсемѣстно*, какъ *тъ*, или совсѣмъ отбрасывается въ вольныхъ селахъ и де-

ревняхъ, но никогда не твердѣтъ. (См. Морфологию. Глаголь—ниже).

Есть еще замѣна звука *а* звукомъ *и* преимущественно послѣ шипящихъ въ предударномъ слогѣ. Это явленіе, быть можетъ, слѣдуетъ отнести также къ особенностямъ акающихъ говоровъ. Такъ, напр., мы слышимъ: *шылѣть* — 3 ед., *шылѣшь* — 3 ед. (с. Перики, Бараково. Скоп. у.), *шылѣ* — повел. н. — с. Курбатово, Скоп. уѣзда; *шыманѣа* — с. Яблон. Скоп. у., *шылѣтъ* — *ibid.* „А са встрѣчи нѣа будетъ ишнѣ жарчѣа“ (=А со срѣтенія будетъ еще жарче) — *ibid.*, *жыра* — *ibid.*, *жыкетка* — *ibid.*, *лашыдѣй* (но и *лашадѣй* — род. мн. ч.). Послѣ ударяемаго слога мы слышали — *купациы* — неопр. н. въ Касимов. уѣздѣ, въ Тумскомъ краю (см. стр. 39); замѣтимъ также произношеніе *пыранѣеъ*, гдѣ *и*, впрочемъ, находясь въ 3-мъ слогѣ передъ ударяемымъ, произносится не достаточно явственно, — *ibid.* (Ср. о звуцѣ *о* — *и* во 2-мъ и 3-мъ слогахъ отъ ударяемаго на стр. 32, 33 и 39 и примѣч. 1).

Ударяемое *а*, произносимое какъ *и*, намъ встрѣтилось только въ одномъ словѣ: *касырь* = *косарь* (большой ножъ для колки щенокъ), твор. п. ед. числа — *касырѣмъ* — повсемѣстно въ Скоп. уѣздѣ.

Сюда же можно отнести замѣну ударяемаго *а* (*я*) въ глаголахъ, въ примѣтѣ, посредствомъ звука *е* (*ѣ*), но не послѣ шипящихъ (см. выше): *баславляють* = *благословляютъ* — 3 л. мн. ч. наст. вр., въ Касимов. уѣздѣ, с. Бычково (Тумскій край).

Переходимъ къ звуку *и*, стоящему вмѣсто другихъ звуковъ, и къ его замѣнамъ.

Звукъ *и* въ рязанскомъ нарѣчій въ нѣсколькихъ словахъ стоитъ вмѣсто *и*. Такъ, мы постоянно слышимъ 3-е лицо ед. числа отъ глагола *ѣсть*: *ѣсть*, *сѣѣтъ*, *надаѣтъ* — повсемѣстно; 2-е лицо также *сѣѣшь*, *на сѣѣшь*, а 1-е — *сѣѣмъ*, хотя встрѣчается и *сѣѣмъ* и еще чаще безъ представки — *ѣмъ*. Множественное число идетъ уже по-рязански правильно: *аѣмъ*, *аѣтъ*, *аѣтъ* (или въ иныхъ мѣстностяхъ *аѣ*). См. ниже, отдѣлъ Морфологія). Эти фор-

мы съ звукомъ *и* вмѣсто *ъ* мы слышали почти во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи: въ Скопинскомъ, Рязанскомъ (с. Быково), Касимовскомъ, Сапожковскомъ, Спасскомъ, Михайловскомъ, Зарайскомъ, Данковскомъ, Раненбургскомъ, Рязанскомъ, Пронскомъ. Не могли мы только услѣдить произношеніе этого слова мѣстнымъ жителемъ Егорьевскаго уѣзда. Несомнѣнно такое произношеніе принадлежитъ русскому народному языку и извѣстно издавна, какъ характеризующая особенность сѣверно-великорусскаго нарѣчія, въ частности—Новгородскаго, въ которомъ почти всякое (ударяемое) *ъ* произносилось и произносится, какъ *и*; въ этомъ отношеніи свр. нарѣчіе сближается съ мвр., гдѣ наблюдается такое же явленіе уже издавна (Примѣры см. у Соболевскаго. Лекціи. Стр. 34, 36). Но, конечно, малорусское *ѣ* изъ *ъ* другого происхожденія, чѣмъ свр. *и* изъ *ъ*, а что касается произношенія разбираемаго нами слова *ѣсть* и проч., то оно, хотя и извѣстно всему русскому языку, но въ рязанскомъ нарѣчіи, по нашему мнѣнію, не можетъ считаться органической особенностью его и не доказываетъ собой сѣверно-великорусскихъ или малорусскихъ вліяній на рязанскій говоръ въ эпоху образованія рязанскаго княжества, такъ какъ это явленіе *и* вм. *ъ* въ рязанскомъ нарѣчіи мы слышали только въ трехъ словахъ, и нигдѣ оно болѣе не сказалось, между тѣмъ какъ остальные слѣды вліянія сѣверныхъ и южныхъ нарѣчій въ эпоху колонизаціи явственны до сихъ поръ въ нынѣшнемъ рязанскомъ говорѣ. На этомъ основаніи мы предполагаемъ, что произношеніе *ѣшь*, *ѣсть* и т. п. въ рязанскомъ нарѣчіи есть явленіе позднѣйшее и вызвано, быть можетъ, стремленіемъ различить въ звуковомъ отношеніи форму 3-го лица ед. числа и форму неопр. наклоненія, которая звучитъ чаще *ѣсть*, чѣмъ *ѣшь*, хотя извѣстно и послѣднее произношеніе. Въ такомъ случаѣ формы *ѣшь* и *ѣмъ* (но и *ѣмъ*) принорованы къ 3-му лицу ед. числа ¹⁾. Другіе случаи произношенія *и* вм. *ъ* пред-

¹⁾ Въ Сборникѣ былинь Гильфердинга много примѣровъ

ставляются намъ въ словахъ: узрѣлъ вм. узрѣлъ=увидѣлъ, неопр. н. узрѣть (с. Яблоново) и посмотре́ть неопр. накл. вм. посмотре́ть (с. Восябово).

До сихъ поръ мы рассмотрѣли случаи произношенія ударяемаго *ѣ* какъ *и*. Что касается неударяемаго *ѣ*, то надо различать здѣсь нѣсколько положеній: *ѣ* въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ раздѣляетъ судьбу звука *е*, какъ мы сказали выше, при обзорѣ аванья; *ѣ* въ положеніи непосредственно послѣ ударяемаго слога звучитъ или какъ *я*, раздѣляя также судьбу поударнаго *е*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: разя (разѣ), вылязъ (вылѣзъ), видялъ (видѣлъ) и др., или какъ *и*, что бываетъ всегда въ томъ случаѣ, если *ѣ* есть падежная флексія. Напр. на во́ли, на по́ли, въ ѣ́ми, въ авра́и, на чилавѣ́ки, въ ры́нѣи—предл. п. ед. ч., въ до́ми, въ хатѣ́и, на бры́чѣи, Бо́ри (=Борѣ), въ сѣ́ни (=въ сѣнѣ; ср. Перики, Бараково и др. Скоп. у.), въ убо́ри, въ балахо́ни, въ ла́фѣки (=въ лавѣѣ), въ пѣ́чѣки—предл. п. С. Яблоново и друг. Скоп. и друг. уѣздовъ. Въ этомъ отношеніи рязанское нарѣчіе ничѣмъ не отличается отъ московскаго, гдѣ это *ѣ* звучитъ очень близко къ *и*, почти какъ *и*. Это *ѣ*, стоящее подъ удареніемъ и непосредственно послѣ ударяемаго слога и произносимое, какъ *и*, мы видимъ уже въ рязанской письменности съ XV-го вѣка. Такъ, въ Грамотѣ 1496 года (Собр. госуд. грам. и догов. I. N 127) читаемъ „въ разбо́и“ вм. „въ разбо́ѣ“. „Нѣчимъ“ вм. „нечѣмъ“ въ Записи Алексѣя Иванова стольнику М. Волынскому объ уступкѣ ему помѣстья ряз. уѣзда — 1683 года (Ркп. N 126. Рязанскаго Архива. Во фразѣ: „заплатить стало не́чимъ“). То же самое въ ркп. N 127 (Ряз. Архивъ). „Понево́ли“ вм. „понево́лѣ“ — Архивъ Солотчинскаго монастыря (Труды Рязан. Архивной Коммиссіи. Т. 3. N 3. 1685 года).

произношенія *ѣ*, какъ *и*, въ свр. нарѣчіи. Напр., „Они стали ѣ́истъ калачиковъ крупичетыхъ“. Былина о Дюкѣ. Столб. 778. Ср. 779. Или: „При со́бі да не случилось-то досѣ́ховъ крѣпкихъ“. Был. объ Ильѣ. Столб. 455. Ср. 456 и мн. др.

Звукъ *н*, стоящій подъ удареніемъ и произносящійся, какъ *и*, мы видимъ въ словахъ: со *всімъ*, *всімъ* *тѣмъ* людямъ, нѣкоторые — Пискаревъ, Акты и Грам. Рязанскаго края, NN 5, 6, 7. Наконецъ, *н* подъ удареніемъ звучитъ въ рязанскомъ нарѣчій въ нѣсколькихъ словахъ тоже какъ *я*, какъ будто бы это было *н* въ предударномъ слогѣ: паслі, акрамй, вазлі (но и вѣзлі). Это „паслі“ мы находимъ въ ряз. письменности уже въ XVII-мъ вѣѣ: въ одномъ духовномъ завѣщаніи служилаго касимовскаго татарина 1676 года (Реп. Ряз. Архива. N 113) мы читаемъ: „посля своего живота“. Нѣсколько ниже: „А живатовъ моихъ послѣ моего живота таму моему сыну“. (Относительно этого *а* (*я*), которое „неясно по образованію“, см. Лекціи Соболевскаго, стр. 66). Можетъ быть, въ приведенныхъ словахъ паслі, вазлі, акрамй произошла только перестановка ударенія, — явленіе, довольно часто замѣчаемое въ рязанскомъ нарѣчій, какъ мы отчасти видѣли выше и какъ увидимъ въ отдѣлѣ лексикологіи; вѣроятно, посредствующими формами были: пѣсла, вѣзля (см. выше) и акрѣмѣ съ звукомъ *я* на основаніи рязанскаго аканья; затѣмъ, вѣроятно, наблюдалось параллельное существованіе формъ пѣсла и паслі, акрѣмѣ и акрамй, какъ еще и до сихъ поръ наблюдается параллельное существованіе произношенія вѣзля и вазлі. Такимъ образомъ, въ акающихъ говорахъ это *а* (*я*), вѣроятно, фонетическаго образованія. Вообще же, что касается той особенности звука *н*, которая наблюдается въ рязанскомъ нарѣчій, какъ въ строго акающемъ, т. е. что *н* вполне раздѣляетъ судьбу звука *е*, то въ произношеніи *н* какъ *я* не слѣдуетъ видѣть древнее явленіе, такъ какъ *е* тоже равно *я*. Если когда-нибудь *н* и произносилось, напр., въ словахъ гнѣдой, сѣдой, слѣпой, нѣмой отлично, особо отъ звука *е*, напр., въ словахъ ведро, тепло, мело, у него и проч., то изъ рязанскаго говора во всякомъ случаѣ видно, что особое произношеніе звука *н* принадлежало эпохѣ общевеликорусскаго языка и не сохранилось уже до эпохи образованія акающихъ говоровъ великорусскаго языка, когда *н*, слившись съ звукомъ *е* въ произношеніи,

приняло на себя и особенности звука *е* въ акающихъ говорахъ. Такимъ образомъ, надо думать, что *ъ* стало раздѣлять судьбу *е* въ акающихъ говорахъ еще до того времени, когда въ самомъ аканьи наблюдались отгѣны, и когда появились говоры съ полнымъ аканьемъ и съ умѣреннымъ, т. е. раньше XIV вѣка значительно. Московское аканье совсѣмъ иное, чѣмъ рязанское, и московское *ъ* особое: оно приближается къ звуку *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рязанское звучитъ ясно, какъ *я*. Мы жалѣемъ, что намъ удалось слышать немного примѣровъ произношенія *ъ*, какъ *и*, подъ удареніемъ; но мы увѣрены, что такихъ примѣровъ больше и нѣтъ, кромѣ приведенныхъ выше, такъ что эти примѣры не даютъ намъ права дѣлать заключеніе о млр. или свр. вліяніи, хотя и то и другое вліяніе несомнѣнно было, какъ увидимъ на другихъ фонетическихъ особенностяхъ рязанскаго нарѣчія, и произношеніе звука *ъ* ударяемаго, какъ *и*, подтвердило бы историческія данныя относительно состава населенія рязанскаго края въ былое время.

Звукъ ѣ вмѣсто и и наоборотъ. Какъ мы видѣли изъ характеристики особенностей рязанскаго нарѣчія, сдѣланной Далемъ (см. стр. 2), настоящая особенность упомянута только вскользь, и то указано только, что *ѣ* ставится иногда вмѣсто звука *и*, между тѣмъ какъ наблюдается и обратное явленіе, т. е. постановка звука *и* вмѣсто звука *ѣ*, и это въ очень многихъ словахъ. Этими двумя пунктами (аканье и звуки *ъ*, *е* и *ѣ*) и исчерпываются наблюденія Дала въ области вокализма рязанскаго нарѣчія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности есть еще много особенностей общихъ и частныхъ въ произношеніи гласныхъ звуковъ въ рязанскомъ нарѣчіи, а потому послѣ разбора звука *и* и его замѣнъ мы перейдемъ къ другимъ явленіямъ вокализма и дополнимъ перечень Дала, а затѣмъ, исходя изъ нынѣшняго рязанскаго нарѣчія, будемъ дѣлать характеристику его согласныхъ звуковъ, начать съ наиболѣе типичныхъ произношеній.

Звукъ и ясно слышится въ словахъ: *диря*, *дирька*

(с. Яблоново, Скоп. у.), *висакѣ*, *висѣбай* (и *висака*), ср. степ. *вишай* (и *вишей*) — с. Кремлево, Скоп. у. и друг., *прастина*, *прастинка*, *прастину*—вин. ед. С. Яблон. Скоп. уѣзда. Кромѣ этихъ словъ, сюда же слѣдуетъ отнести произношеніе звука *и* въ падежныхъ флексіяхъ вмѣсто обыкновеннаго и литературнаго *ы*. Такъ, мы постоянно слышимъ древнее окончаніе въ именит. падежѣ множ. числа именъ прилагательныхъ: напр., мы *ради*, *баѣти*, *винавати*, *халадни* (с. Кельцы) и *хѣладни*, *сыти*, *кѣйти* и проч. Трудно допустить, чтобы это были рѣдкіе остатки старины, и болѣе вѣроятнымъ является предположеніе объ образованіи этихъ формъ по аналогіи съ именами прилагательными мягкаго склоненія, т. е. съ небнымъ согласнымъ въ основѣ, какъ „сини“, или по аналогіи съ „дѣроги“, гдѣ конечное *и* очень давняго происхожденія, эпохи непосредственной смягчаемости задне-небныхъ звуковъ, т. е., иначе говоря, той эпохи, когда произошла утрата стараго свойства задне-небныхъ согласныхъ, утрата ихъ твердости. Рядомъ съ вышеприведенными случаями произношенія *и* мы однако имѣемъ: *дѣшавы*, *бѣдѣти добры* и проч. Наконецъ, такое произношеніе, какъ: *вѣзля пѣпи*, у *мѣми*, *аѣ ламѣпи*, у *Матрѣни*, у *Анни Ликсандровни*, у *Марѣфи*, *аѣ Катирѣни*, у *Микѣли* (у церкви св. Николая) и проч. при сравненіи съ слѣдующими словами: у *станѣ*, у *ваѣ*, *аѣ жанѣ*, у *сястрѣ* и проч., обнаруживаетъ звукъ *ѣ*, равный въ произношеніи звуку *и* въ поударномъ слогѣ, въ падежной флексіи. Очевидно, что это явленіе морфологическое. Здѣсь произошло смѣшеніе падежей (ср. также *аѣ зямлѣ*), и оно произошло сперва въ такихъ основахъ, гдѣ родит. и дат. падежи ед. числа имѣли одно падежное окончаніе: напр., да *ночи* и къ *ночи*; да *кѣсти* и къ *кѣсти*; у *лѣшади* и къ *лѣшади*; у *дѣри* и къ *дѣри*; „для такой *хѣри*“ и „къ такой *хѣри*“ и проч. Такимъ образомъ, мы возвратимся къ этому вопросу въ отдѣлѣ морфологіи рязанскаго нарѣчія.

Есть также много словъ въ рязанскомъ нарѣчій, которыя произносятся съ звукомъ *и* вмѣсто обыкновеннаго

и литературнаго и. Напр., вышня, вышнёвай, это слово произносится такъ во всѣхъ уѣздахъ и мѣстностяхъ Ряз. губеніи, — рѣна вм. рѣга (амбаръ для ссыпки хлѣба), брычь-ка, стрычь, стрѣхла, стрѣжутъ — 3 л. множ. ч. наст. вр. (=стригутъ; с. Кремлево Скоп. у.), скрыпъ, скрыпѣть — 3 ед. (с. Мишино Мих. уѣзда), Трыфонъ—ibid. Мих. у., крыкъ ¹⁾ (но и крѣкъ) и нѣкр. другія. Замѣчательно, что слово високай, висакъ произносится съ звукомъ и, а вышня, вышнёвай — съ звукомъ ы ²⁾. Эта замѣна звука и звукомъ ы и наоборотъ сказала въ рязанскомъ говорѣ гораздо раньше XVI—XVII вѣка, а въ это время проникла уже въ рязанскую письменность. Такъ, мы имѣемъ написанія: „товарищи“ — въ Записи кн. Болуша Салтанглычева объ раздѣлѣ имѣнія Касим. уѣзда Борисоглѣбскаго стана между служилымъ татаринѣмъ — 1594 года (Ряз. Архива N 10). „Острычь“ — читаемъ въ одной отпискѣ стряпчаго къ преосвященному — 1654 года (Ряз. Достопамятности. Труды Ряз. Ученой Арх. Ком. Т. IV. Стр. 71). „Палтына“ — въ Рядной Записи резанца Василия Иванова сына Тверитинова, сговорившаго дочь свою, дѣвицу Пологѣю, за резанца Андрея Дмитріева сына Аргамакова — 1690 года (Ряз. Архива. N 147). Въ этой же Записи имѣемъ случай произношенія и какъ и въ словѣ „вышей“ — ср. степ. вмѣсто „выше“: „На тотъ вышей писоной срокъ“. Это слово произносится и теперь такъ. (См. Морфологию. Образованіе сравн. степени).

Въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ и слышится вмѣсто

¹⁾ Въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ: Ерахтурѣ, Нармушеди, Куземкинѣ, по сообщенію мѣстнаго жителя, свящ. о. Гавріила Соколова, слово „крикъ“ и другія производныя отъ этого корня выговариваются чрезъ и: крѣкъ и проч.

²⁾ Въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ Тумскомъ краю (въ деревняхъ близъ селенія Тума), по свидѣтельству мѣстнаго уроженца, А. И. Смирнова, слово „опричь“ произносится „апрѣшь“ и „апрѣшъ“. А въ Скопинскомъ уѣздѣ мы постоянно слышали: „въ-свойсь“ вм. „во-свойси“. Слово „въ своя си“ извѣстно уже въ Мстиславовомъ Ев. XII в. и въ Лавр. лѣтописи.

звука *у*, напр., въ словѣ „высми^улъ“ (с. Яблоново, Щелево. Скоп. у.); вмѣсто звука *о* (а) въ словахъ: „ябли^оня“—сс. Ижевское, Спасское и др. Спасскаго уѣзда, Тумскій край Касим. уѣзда: „идьд^оару“, „и^охурецъ“ (=отдеру, огурецъ)—г. Рязскъ и нѣкр. села Рязскаго уѣзда; вмѣсто звука *а*: пиренѣ^акъ (паренѣкъ)—сс. Городецъ, Гавриловское, Горицы, Киструсь, Деревенское, Стариково и др. Спасскаго уѣзда (ср. пырянѣкъ—Касим. у. близъ Тумы), пинафѣда=панихида—с. Перики, Бараково Скоп. у. Слово „завтра“ звучить всегда „завтри“ (с. Яблоново Скоп. уѣзда), откуда и „завтрикать“, но въ Тумскомъ краю Касимовск. у. слышится „затри“ съ *я* на концѣ и безъ *е* въ серединѣ. (См. ниже, статью „Выпаденіе *е*“). Вмѣсто звука *е* въ словѣ, напр., дравѣцъ вмѣсто дровѣцъ—род. пад. множ. числа—повсемѣстно; „дѣ^еверъ“ (чаще „дѣ^ивирь“) —почти повсемѣстно; слышано въ Михайлов. уѣздѣ (сс. Ижеславль, Николаевка), въ Зарайскомъ уѣздѣ (сс. Вакино, Булыгино, Ловцы, Щурово (здѣсь—„дѣ^ивирь“ исключительно), дер. Россохты, Алпатьево, Карино, Старолѣтово, В. Бѣлоомутъ, Маѣево, Подлѣсная слобода, Карманово, с. Николы-Кобыльскаго). Что касается безударнаго звука *е*, то онъ произносится, во многихъ словахъ, какъ *и*, о чемъ мы говорили при обзорѣ аканья: напр., въ Зарайскомъ у.: пиринѣ^есь, пири^ивѣсь и др., хотя рядомъ и чаще—пиря^инѣсь, пи^ирявѣсь и проч. Это безударное *е* во многихъ грамотахъ и актахъ или записяхъ XVII-го вѣка мы уже видимъ въ формѣ *и*, напр., *іво*=его=ево или въ именахъ прилагат. притяжательныхъ съ суф. *ее* для означенія фамилій и прозвищъ передается суф. *ее* черезъ *іе* послѣ гласнаго: межъ Ишма^{іе}йва, дядѣ Тока^{іе}йву, Сунчала^{іе}йва, женѣ *іво*, братъ *іво* и проч. (Реп. Ряз. Архива NN 26, 34, 111, 116, 127, 165 и др.—всѣ XVII-го вѣка). Это, очевидно, вліяніе московское, московскаго дѣловаго языка, и сѣверные уѣзды Ряз. губерніи вообще болѣе восприняли московскихъ особенностей въ языкѣ, чѣмъ южные, какъ объ этомъ можно судить по образцамъ теперешней рязанской рѣчи.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы видимъ звукъ *и* неударяемый (кромя слова „дравѣцъ“ и „дѣверъ“), гдѣ бы мы ожидали скорѣе звука *а* въ силу аканья. Перехода звука *у* въ *и* въ словѣ „выси^инулъ“, „выси^ини“ мы объяснить не можемъ. Быть можетъ, этотъ звукъ *и* здѣсь вызванъ предыдущимъ слогомъ съ *и*. Наоборотъ, ударяемый звукъ *е* стоитъ во многихъ словахъ вмѣсто ударяемаго *и*: такъ, мы постоянно слышимъ квартѣра (фатѣра, хватѣра. См. звукъ *ѣ*), далѣе — Кѣявъ или Кѣивъ — с. Корневое (Скоп. у.), каврѣшка (вм. коврѣшка — с. Яблон. Скоп. у.).

Такіе переходы *е* въ *и* и *и* въ *е* сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ въ русскомъ языкѣ вслѣдствіе звукового тождества звуковъ *е* и *и*, которое могло издавна въ извѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка переходить въ *и* и произноситься какъ *и* (см. Соболевскій. Лекціи. Стр. 73). Мы выше замѣтили, что произношеніе звука *и* какъ *и*, какъ звуковое явленіе, извѣстно было всему русскому языку, и слѣды этой звуковой черты общерусскаго языка живутъ въ теперешнемъ русскомъ языкѣ почти во всѣхъ его нарѣчіяхъ. (Ср. Срезневскаго. Мысли объ ист. р. яз. СПб. 1887. Стр. 37 и 44. Въ I-мъ изд. 1849 года — стр. 113).

Наконецъ, въ словѣ „машинѣистъ“ въ рязанскомъ нарѣчій мы обыкновенно слышимъ звукъ *а* вмѣсто звука *и*, стоящаго послѣ *и* въ этомъ словѣ; такимъ образомъ, говорить „машинѣистъ“, что произошло, вѣроятно, подъ влияніемъ отвердѣнія звука *и*, послѣ котораго слышится обыкновенно *и* вмѣсто *и*, а неударяемое *и* въ акающемъ нарѣчій иногда смѣшивалось съ неударяемымъ *а* изъ *о*.

Звукъ у вмѣсто другихъ звуковъ и его замѣны.
Звукъ *у* является и вмѣсто ударяемаго гласнаго, когда и само *у* продолжаетъ носить на себѣ удареніе, и вмѣсто неударяемаго. Иногда звукъ *у* коренной ютится и переходитъ въ *ю*; это же бываетъ и со всякимъ *у*, стоящимъ послѣ мягкой или небной гласной, особенно если *у* — предлогъ и стоитъ послѣ слова, оканчивающагося на мягкую гласную; въ пѣсняхъ, собранныхъ нами, мы замѣчаемъ

это явленіе постоянно. (См. Приложение. Пѣсни. Также — статью: Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ. Ниже).

Звукъ *ю* вмѣсто *у* слышится повсемѣстно въ корнѣхъ *студ*, въ словѣ „студѣнь“, но „астуда“, „застужанъ“. Здѣсь очевидно вліяніе слѣдующаго мягкаго слога на гласный твердый предшествующаго слога. Проф. Соболевскій (Лекціи. 96) въ числѣ прочихъ примѣровъ отвердѣнія и смягченія согласныхъ звуковъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласнаго приводитъ и этотъ примѣръ, замѣчая справедливо, что происхожденіе этого звукового явленія неясно. Изъ Новгородской Кормчей 1282 г. приведено здѣсь слово „стюдено“ (ib. стр. 96); такъ точно говорятъ и теперь въ Рязанской губерніи, и мы слышали слово „стюдяно“ въ с. Мишинѣ Михайлов. уѣзда. Это *ю* вмѣсто *у* мы видимъ въ предлогѣ при означенномъ выше положеніи: „И *ю* хоринки, *ю* навой“ (Пѣсня. С. Яблоново, Скоп. у.). „И *ю* вдовушки“ (Пѣсня. С. Звѣрево, Данковск. у. См. Приложенія).

Ударяемое *у* вмѣсто *о* мы видимъ въ словахъ: *никануръ* (=Никаноръ) — с. Мишино Михайлов. уѣзда („*Јіканоръ*“ — мы слышали въ Скопин. уѣздѣ. Очевидно, здѣсь *h=j*, а *j*, какъ и *h*, напр. въ словѣ „яво“ и „у яво“, понять, какъ приставной звукъ, не принадлежащій слову „Никаноръ“). Также *картѹшки* вм. *картошки* — с. Мишино ibid. Неударяемое *у* вмѣсто *о* слышимъ въ словахъ: *дохтуръ* — повсемѣстно, *кураходъ* вм. *хороводы* (иногда *караводъ*, но чаще *караходъ* или *кураходъ*) ¹⁾ и въ словѣ *музель* = *мозоль*; имен. множ. числа — *музлі* — жен. рода. (Деревня Свистовка, Перики, Бараково, Яблоново, Вослябово, Гремяча и др. Скопинск. уѣзда).

Затѣмъ звукомъ *у* замѣняется звукъ *и* въ суффиксѣ

¹⁾ О словѣ „караходъ“ см. догадку проф. Р. Ѳ. Брандта въ Дополн. зам. къ разбору Этимологич. словаря Миклошича. В. 1891. Стр. 71. в. ч. „хоръ“. Въ блр. нарѣчій извѣстны слова: „караходзиць“, „караходъ“, какъ и въ рязанскомъ нарѣчій.

именъ существительныхъ ср. рода—*мико*: вѣдрушка, солнушка и проч., какъ и въ московскомъ нарѣчїи, а также въ словѣ „лѣндушъ“ вмѣсто „лѣндышъ“. Наконецъ, скажемъ о винительномъ падежѣ именъ прилагательныхъ женскаго рода, который обыкновенно въ произношенїи звучитъ съ окончанїемъ *уя* вмѣсто *ую* въ твердомъ склоненїи. Напр., *глухѹя* = глухую, *таѹя* = таую, *любѹя* = любую, *друхѹя* = другую (вмѣсто котораго, впрочемъ, чаще говорится *инѹя* = иную; т. е. „иной“ вм. „другой“). Конечно, не всегда удавалось намъ уловить это произношенїе: иногда послѣднїй звукъ *я* произносился довольно неясно, но въ приведенныхъ словахъ мы ясно слышали это *я*, при чемъ предыдущее *у* въ этомъ случаѣ особенно протягивалось въ этомъ произношенїи, какъ-бы равняясь, по крайней мѣрѣ, двумъ *у*: любѹуя и проч. Вотъ еще примѣры, записанные со словъ говорившихъ со мной крестьянокъ: „въ Карнявѹя“ (въ село Корневое), „сїидитъ въ бочкѹю пустѹя да ѣ арѣтъ, кричѣтъ“—с. Яблоново, Скоп. у.

Наконецъ, въ одномъ словѣ повсемѣстно въ Рязанск. губерніи звукъ *у* переходитъ въ звукъ *с*: это, именно, въ словѣ едѣрить вм. ударить, котораго просторѣчїе совсѣмъ здѣсь не знаетъ. Что же касается обратнаго перехода звука *с* въ *у*, то это явленїе не повсемѣстное, и потому мы будемъ о немъ говорить въ отдѣлѣ „Частныхъ признаковъ рязанскаго нарѣчїя“, ниже.

Звукъ ѣ вмѣсто другихъ звуковъ и его замѣны.
Звукъ *ѣ* мы прежде всего замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ корняхъ вмѣсто *о* съ ударенїемъ и безъ ударенїя. Такъ, постоянно слышимъ „мѣрда“ вмѣсто „мѣрда“ въ различныхъ селахъ и деревняхъ Скопинскаго, Спасскаго, Михайловскаго, Касимовскаго, Пронскаго и др. уѣздовъ; также — тырчѣтъ вм. торчѣтъ—с. Яблоново. Скопин. у. Далѣе, въ словахъ: надытъ вм. надоть, часто въ представкѣ *по*: пыманѣньейю=помаленьку—с. Быково, Рязск. у., и всегда въ томъ случаѣ, если представка „по“ соединяется съ глаго-

ломъ, начинающимся звукомъ *и*: *пѣхрѣль*, *пѣхрѣй* (=попѣль, пропой, спой), *пѣмѣль* и друг.—повсемѣстно.

Затѣмъ *и* стоитъ подъ удареніемъ вмѣсто ударяемаго *у* въ словѣ „бѣйта“ вм. „бѣдто“ — Тумскій край, Касимов. уѣзда. Что же касается до замѣнъ звука *и*, то прежде всего въ рязанскомъ нарѣчій наблюдается обще-великорусское явленіе перехода *и* въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ твердаго склоненія въ именит. падежѣ муж. р. ед. числа въ *а*: *краснай*, *табачнай*, *ня мѣтай*, *ахурѣшнай*, *атласнай*, *ахрамѣтнай* (=громадный, с. Бараково Скоп. у.) и проч. Это безударное *и* и въ именит. падежѣ множ. числа слышится очень часто, какъ *а*: „у нихъ сѣра^и хвасты“ (Колыб. пѣсня; с. Яблон. Скоп. у.). Соотвѣтственно этому звукъ *и* въ прилагательныхъ мягкаго склоненія въ тѣхъ-же случаяхъ переходитъ въ *я* (*а*): *синяй*—им. ед. числа муж. рода, „махань^{яй}“, „масинь^{кай}“—дер. Свистовка, Скоп. уѣзда. Наоборотъ, въ предложномъ падежѣ именъ прилагат. вмѣсто *омѣ* часто слышимъ *имѣ*; напр., „въ бѣлымѣ балахонѣ“, „на паштовымѣ на дварѣ“ (Пѣсня. Касим. уѣздъ, Тумскій край). Въ одномъ словѣ мы замѣтили произношеніе ударяемаго *о* вмѣсто ударяемаго *и*: „растапѣрилъ“ — вездѣ вмѣсто „растопѣрилъ“. Наконецъ, въ Тумскомъ же краю, въ Касимовскомъ уѣздѣ слышится часто звукъ *а* вмѣсто безударнаго *и*, напр., въ такихъ словахъ, какъ „Бацкѣскай“ вм. „Бычкѣвскій“ отъ названія деревни „Бычкѣво“, „Бычкѣй“. Что же касается частицы *бы*, то она произносится часто съ звукомъ тоже *а* вмѣсто *и*, т. е. — *ба*; напр., *пашѣль-ба*, *взѣль-ба*, *тѣль-ба* и проч., но одинаково часто слышимъ мы и *бы*, а не — *ба*. (См. Потебни. О звуков. особен. р. нар. Ф. З. 1865. Вып. I. Стр. 59).

Вставка гласнаго звука въ серединѣ слова, отпаденіе и присоединеніе гласнаго звука въ началѣ слова.

Вставка гласнаго звука вообще замѣчается въ серединѣ группы согласныхъ звуковъ, такъ что иногда получается типъ новой полногласной формы слова въ томъ

случаѣ, если группа согласныхъ заключала въ себѣ плавный звукъ; обыкновеннымъ вставочнымъ звукомъ является звукъ ѣ, т. е. краткій гласный звукъ *a*, но иногда вставочнымъ звукомъ служить и *e* въ зависимости отъ сосѣднаго гласнаго. Такъ, мы встрѣчаемъ въ рязанскомъ нарѣчїи чисто русскую форму „черѣпай“ вм. черпай — повел. накл. отъ гл. „черпать“. Этотъ глаголъ въ такомъ видѣ мы имѣемъ только въ блр. нарѣчїи: черѣпаць, черѣпай, да развѣ еще въ формѣ млр. черѣти вм. черѣпти. [Вообще, въ рязанскомъ нарѣчїи замѣчается довольно много чертъ, общихъ съ бѣлорусскимъ нарѣчїемъ: полное аканье, произношеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, произношеніе звука *g* какъ *h*, *ч* иногда какъ *ц*, *ш* и *с*, *ѣ* какъ *ж* и *ав*, отпаденіе личнаго окончанія въ 3 л. ед. ч. *-ть* и особенно самое окончаніе *-ть*, которое является чаще, чѣмъ случаи его отпаденія (см. объ этомъ въ отдѣлѣ согласныхъ и морфологїи). Все это служить, конечно, матеріаломъ для разслѣдованія первоначальнаго состава Рязанскаго края]. Также: жерялѣ вмѣсто жерлѣ, но здѣсь вставленный звукъ не принимаетъ ударенія. Что касается вставочнаго звука ѣ, то онъ встрѣчается гораздо чаще. Напр., говорить: валадѣть вм. владѣть или владѣть, калачьѣй вм. клочки; послѣднее слово такъ звучитъ и въ остальныхъ падежахъ: напр., калачьѣвъ, калачьѣймъ и проч., маланья вм. молнія ¹⁾, полатнай вм. плотный — с. Вослябово, Скоп. у., раскарашѣны вм. раскрашены — *ibid.*, каримѣшнай вм. кромѣшный — с. Яблоново, Скоп. у., повгрядѣшь вм. повредишь — 2 л. ед. ч. (вставлено *e* — и), барячѣха (и hryчѣха) — с. Мишино, Михайл. у., фаланѣль вм. фланѣль и др. Сочетанія звуковъ безъ плавнаго: напр., всегда слышимъ: таварѣхъ вм. творѣгъ, пашанѣ (но и пшанѣ) вм. пшенѣ, пѣчалѣ (но и пчалѣ) вм. пчелѣ, хаварѣсть вм. хворѣсть (см. это слово въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ: Перестановка звуковъ). Сюда же отнесемъ случаи обратнаго явленія, т. е. выпаденія гласнаго звука въ серединѣ

¹⁾ и моланья — с. Яблон. Скоп. у.

слова, или упрощенія звуковыхъ сочетаній посредствомъ выпадающаго въ говорѣ гласнаго звука. Такъ, напр., *плавина* вм. половина, *заплавина* вм. заполонила (сказано о тучѣ, застлавшей собою солнце), *кравайчики* вм. коровайчики (хлѣбное печеніе), *прасяты* вм. поросята (ед. ч. „прасуѣ“ = поросёнокъ, слово неупотребительное въ ряз. просторѣчій), *сарфанѣ*, въ *сарфанѣхъ* вм. въ сарафанахъ; *маѣстырь* вм. монастырь (замѣна звука н—л, значѣтъ означаетъ очень короткій гласный между согласными. Этотъ звукъ въ произношеніи колеблется между *а* и *ы*). Далѣе: *баршнѣ*, три *баршнѣ*—три барышни. Здѣсь замѣтна, кромѣ выпаденія гласнаго, еще перестановка этого гласнаго: онъ слышится не послѣ звука *р*, а послѣ — *ш*, только очень неопредѣленно, на подобіе глухого звука. Такой же звукъ слышенъ въ словѣ „жамчаѣ“—род. мн. числа отъ имени сущ. „жамочка“, „жамка“, что означаетъ мятный кругленькій пряникъ, слѣд., вм. „жамочекъ“¹⁾).

Къ случаямъ упрощенія гласныхъ сочетаній въ серединѣ слова или выпаденія одного изъ двухъ одинаковыхъ (а иногда и разныхъ) гласныхъ звуковъ относятся такіа сокращенія, какъ *Сяргѣвъ* вм. Сергѣевъ, гдѣ ѣ означаетъ звукъ, протяженный въ говорѣ; это явленіе обыкновенно наблюдается въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ съ суффиксомъ *ев*, напр., *Андрѣвъ* (вм. Андреевъ), *Макѣвъ* (вм. Моѣевъ), *Аликѣво* (и *Алякѣво*—село)—Тумскій край Касим. у., и мѣстоименія: *маво*, *тваво*, *сваво*; *маму*, *тваму*, *сваму* или *маво*, *тваво*, *сваво*—въ вольныхъ селахъ; также при другихъ сочетаніяхъ нѣсколькихъ гласныхъ: *Ливѣтъ* вм. Леонидъ (Кас. у. *ibid.*); *оѣ* ли *яво* =

¹⁾ У Даля въ Словарѣ нѣтъ этого слова — „жамка“, — какъ нѣтъ и многихъ другихъ словъ ряз. нарѣчія (см. отдѣлъ Лексикологии — ниже). Въ гнѣздѣ „жаты“ у Даля находится слово „жемки“ со значеніемъ „пряники“, но это не то слово: не тотъ гласный и не то удареніе. Въ ряз. нарѣчій это слово въ ед. числѣ звучитъ „жамка“, а во множ.—„жамьки“. Но возвести, вѣроятно, придется и рязанск. слово къ корню глагола „жаты“.

около его — *ibid.*, абмѣряшъ вм. абмѣряешъ — *ibid.*, смялись = смѣялись *ibid.*, трѣбуть — 3 л. мн. ч. вм. требуютъ — *ibid.*, бѣла вм. было — *ibid.*, Божавленіе вм. Боявленіе — с. Яблон. Скоп. у.

Наконѣцъ, въ случаямъ выпаденія гласнаго звука въ серединѣ слова съ цѣлью сокращенія послѣдняго надо отнести тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергается представка *пере-* въ сложеніи съ глаголами и въ зависимости отъ слѣдующаго за нею звуковаго сочетанія; вообще, представка *пере-* подвергается слѣдующимъ измѣненіямъ: если она соединяется съ глаголомъ, имѣющимъ удареніе на первомъ слогѣ, то второе *е* представки *пере-*, какъ предупредное, расширяется въ *я* по общему правилу аканья, и въ семъ послѣднемъ случаѣ первое *е* представки *пере-*, какъ стоящее въ 3-мъ слогѣ отъ ударенія, звучитъ какъ *и* (это же наблюдается и въ сложеніи этой представки съ существительными, какъ было указано выше). Если же глаголь, въ которому присоединяется *пере-*, имѣетъ удареніе на 2-мъ слогѣ, то второе *е* представки *пере-*, большею частью, выпадаетъ, а согласный звукъ *р*, стоявшій передъ этимъ *е*, твердѣетъ или умягчается, смотря по качеству перваго безударнаго слога въ присоединяемомъ глаголѣ: если этотъ слогъ мягкій, то онъ вліяетъ на предыдущій *р*, и *р* становится также мягкимъ и наоборотъ. Само собой разумѣется, что первое *е* представки *пере-*, независимо отъ качества перваго безударнаго слога въ глаголѣ, переходитъ въ *и*, какъ находящееся въ 3-мъ слогѣ отъ ударенія. Примеры: *пирявѣзють, пиряѣхать; пиряѣжай* — пов. накл. = *переѣзжай, пиряварнулась* — прош. вр., *пир* купили — 3 л. множ. ч. прош. вр., *пир* хадить — неопр. н., *пир* мутилась — 3 л. ед. ч. прош. вр. ж. р., *пир* кусали — 3 л. мн. ч. прош. вр. — повсемѣстно въ Рязанской губерніи. Затѣмъ — глаголь „вѣтре“тѣ“ вм. „вѣтереть“ черезъ формы: вѣтри, вѣтру и проч. Звукъ *е* опять въ закрытомъ слогѣ съ мягкой согласной.

Теперь переходимъ къ случаямъ присоединенія и отпаденія гласнаго звука въ началѣ слова. Случаи присоединенія

гласнаго звука въ началѣ слова замѣчаются обыкновенно тогда, когда слово начинается группою согласныхъ звуковъ: напр., *авчярá, авчярась, аржаной, авдавая* (= вдова, прилагат. вдова; это слово удержалось съ древнѣйшими своимъ значеніемъ имени прилагательнаго вмѣсто нашего употребительнаго имени существительнаго *вдова*, которое также употреблялось, какъ прилагательное, но съ теченіемъ времени стало употребляться, какъ существительное. Слово „авдавая“ въ рязанскомъ просторѣчій употребляется безъ имени существительнаго; въ значеніи нашего слова „вдова“, и произошло, быть можетъ, не безъ вліянія глагола „овдовѣть“, такъ что „авдавая“ = какъ бы ставшая вдовой, овдовѣвшая. См. Miklosich. Lex. s. v. вдова. О словахъ: „аржаной“ и проч. — Соболевскій. Лекціи. К. 1888. Стр. 48). Кромѣ этихъ словъ, мы слышали вездѣ: *альмянной, ашшаница* (с. Пүпки, Скоп. у., с. Заболотное Данковск. у.), *астагуй=статуй* (с. Яблоново, д. Щелево, Скоп. у.) съ переходомъ въ мужескій родъ вмѣсто женскаго, какъ часто бываетъ въ просторѣчій Рязанской губерніи, *Астахій* вм. *Стахій* — собственное имя; *аряпей*, *аряпейная* масла; *аржйца* — с. Пүпки, Скоп. у., *анадысь* и *надысь* — с. Заболотное, Данк. у. Наконецъ, замѣтимъ слово „*алимонъ*“, образованное, вѣроятно, подъ вліяніемъ слова „*апельсинъ*“, гдѣ стоитъ вначалѣ *а*. Слово „*апельсинъ*“ въ Рязан. губерніи произносится въ просторѣчій: „*апирьсинъ*“, т. е. съ замѣною звука *л* звукомъ *р*; звукъ *и* послѣ *п* стоитъ по правилу — въ закрытомъ слогѣ съ конечнымъ *м* мягкимъ согласнымъ, гдѣ *е* не переходитъ въ *я* (см. выше. Также см. статью „Чередованіе *р* и *л*“ въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ, ниже). Затѣмъ: *акрамі* (ср. произношеніе „*каримѣшнай*“, выше), *апаслѣ*. Въ другихъ словахъ, наоборотъ, мы видимъ отпаденіе начальнаго гласнаго звука. Это отпаденіе мы не могли однако подвести подъ какой-либо общій законъ. Такъ, постоянно мы слышимъ: *мянныны, мянйинникъ* безъ начальнаго звука *и*, „*раһанъ*“ вмѣсто „*ураганъ*“ безъ начальнаго звука *у* (с. Яблоново, Скоп. у.), *Ляксандерь, Ляксѣй* и проч. безъ начальнаго

звука *а*, „придѣлѣть“ вм. „опредѣлѣть“ безъ начальнаго *о* (*а*) — Тумскій край, Касим. у.

Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ.

Подъ этой рубрикой мы помѣщаемъ такія особенности рязанскаго говора, которыя встрѣчаются хотя почти повсюду, но не могутъ быть подведены подъ общій законъ, которому бы всѣ однородныя явленія слѣдовали неуклонно, такъ что въ помѣщаемыхъ ниже словахъ встрѣчаются и отклоненія. Сюда относится *перестановка гласнаго звука*, напр., въ словахъ: смардъ вм. смрадъ, тавраһомъ вм. тво-рогомъ — твор. ед. ч. (с. Яблон. Скоп. у.), ховрасть вм. хворость, варона кракала, крачить — 3 л. ед. ч., „слюни каблукѡмъ“ вмѣсто „клубукѡмъ“ (?) или, быть можетъ, „клубукѡмъ“ (?). Сюда же относится вышеприведенное слово по другому поводу: баршыня (или барш ня вмѣсто барышня). Въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ *е* коренной произносится, какъ *о*, переходящее въ *а*: лапѡчить — 3 л. ед. ч. = лопѡчетъ, лепѡчетъ; лабада = лобода, лебеда. Такъ-же произносится звукъ *е* коренной въ словѣ „пеклеванный“ — паклеванный (с. Яблоново) и въ словѣ „карасинъ“ вм. керасинъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ слѣдующаго слога *ра*. Въ нѣкоторыхъ словахъ начальное *э* (иностранное) звучитъ, какъ *а*: акзамянтъ (= экзаменъ) и начальное *и* въ словѣ „инженеръ“ — анжанеръ (с. Малая Олѣшья, Рязскаго у.). Затѣмъ звукъ *е* въ словѣ „дѣнежки“ (неударяемый) звучитъ, какъ *ю*: дѣнюшки — Тумскій край, Касим. у. Въ этой же мѣстности часто слышимъ падежное окончаніе именъ существительныхъ и прилагательныхъ женскаго рода *уй* вмѣсто *ой*: за нявѣстуй, за кантѹруй (= за конторой), съ нашуй (= съ нашей), самаѹцкуй (= самоучкой), падаъ ёлыцкуй. Наконецъ очень распространено произношеніе звука *ё*, какъ *е* (*е*), хотя онъ подъ удареніемъ. (Объ этомъ звукѣ въ глаголахъ наст. времени см. отдѣлъ „Частныя признаки ряз. нарѣчія“ ниже). Напр. далѣка = далѣво — с. Вослябово, Скоп. у. (срв. нѣбо вмѣсто нашего небо — повсемѣстно въ значеніи небеснаго свода), вирѣвка =

верёвка, катёлъ = котёлъ — с. Петрово, Ряз. у., ни владимѣтъ, далека — с. Яблоново Скоп. у. (барское село), авѣспа купить (овѣспа, овѣсъ) — с. Корневое Скоп. у., зялёнай вм. зелѣный — сс. Кйструсь, Деревенское, Гавриловское, Стариково, Горицы и др. Спасскаго уѣзда, на неѣ вм. на неѣ, у яѣ брата вм. у еѣ (ея) брата — с. Мишино Михайлов. у. и въ Скоп. уѣздѣ тоже. Остатокъ-ли это старины въ род. падежѣ (юя = еѣ), или новообразование? (См. Соболевскаго. Лекціи. К. 1888. Стр. 57 и 142—143). Затѣмъ: вѣсну вм. вѣсну — вин. ед. ч., рабѣнокъ вм. ребѣнокъ — Тумскій край Касимов. у. и рабѣнокъ — обыкновенно; точно такъ-же всегда: тапѣрь, тапѣрьча вм. тепѣрь — повсемѣстно, гдѣ *a* можетъ быть непосредственно изъ стараго *o*, а можетъ быть вмѣсто *тапѣрь, въ которомъ отвердѣло *t*, какъ въ рабѣнокъ отвердѣло *p*. Наконецъ замѣтимъ іотованіе гласнаго звука въ началѣ слова и въ серединѣ послѣдн. гласнаго: ялтѣрь = олтарѣ, ѣнѣ, яны (= онѣ, они), о которыхъ мы говорили выше, и Симаѣнѣ вм. Симеонѣ, а также Сямѣнѣ.

Теперь переходимъ къ согласнымъ звукамъ.

Согласные звуки. Задне-небные (гортанные). Въ области согласныхъ звуковъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе характерное произношеніе рязанскаго нарѣчія звуковъ *z* и при извѣстномъ положеніи *h*. Звукъ *z*, какъ звукъ мгновенный, или взрывной, извѣстный хорошо московскому нарѣчію, почти неизвѣстенъ рязанскому нарѣчію, въ которомъ постоянно этотъ звукъ обращается при всякомъ положеніи въ звукъ фрикативный, или спирантъ звонкій *h*, т. е. въ такой звукъ, который слышенъ въ московскомъ нарѣчіи въ словѣ „богатый“, „Господь“ и нѣк. др. Этотъ звукъ мы въ предшествующихъ примѣрахъ, гдѣ это было надобно, обозначали латинскою буквою *h*, какъ будемъ дѣлать и ниже. Такимъ образомъ, рязанское нарѣчіе въ этомъ отношеніи роднится съ малорусскимъ нарѣчіемъ, какъ своимъ аканьемъ оно тѣсно примыкало къ бѣлорусскому нарѣчію. По сообщеннымъ намъ свѣдѣніямъ

изъ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи намъ извѣстно, что тамъ встрѣчается часто и произношеніе мгновеннаго заднебнаго *и*, что весьма возможно въ виду близости сѣверныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи къ московскому нарѣчію, но сами мы вездѣ и при всякомъ положеніи слышали звукъ *и*, а если иногда и склонялся этотъ звукъ къ мгновенному *и* въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ, то всетаки рѣшительно утверждать, что это, именно, былъ звукъ *и*, мы не беремъ, такъ какъ его произношеніе всякій разъ значительно отличалось отъ московскаго звука *и*. Напротивъ того, этотъ звукъ въ произношеніи нѣкоторыхъ дѣтей, поступавшихъ въ школу изъ различныхъ деревень или селъ, а также принадлежавшихъ совсѣмъ некультурной средѣ, доходилъ до звука *й*, т. е. до звука средне-небнаго звонкаго фрикативнаго, такъ что произношеніе, напримѣръ, слоговъ *и*, *и* можно было съ трудомъ отличить отъ произношенія слоговъ *йе*, *йи*, пока у этихъ дѣтей не вырабатывался подъ вліяніемъ школы особый звукъ *и*, общій всему рязанскому нарѣчію. Примѣровъ произношенія *и* вмѣсто *и* мы имѣемъ массу: приведемъ только нѣкоторые: рѣна, нѣродъ, нѣстай (=густой), куранѣды, чанѣ (=чего—род. п., въ барскихъ селахъ и городахъ — чавѣ), манѣ = моего (въ барскихъ селахъ — мавѣ), саманѣ = самавѣ (въ барскихъ селахъ), т. е. самого, никанѣ, у старьшанѣ, ничанѣ, танѣ (=того), всянѣ, янѣ (=его, въ барскихъ селахъ: никавѣ, ничавѣ, у старьшава, всявѣ, явѣ и проч.), канѣ, перванѣ, втарѣна, трѣтанѣ, у нянѣ, кажнанѣ, первазнанѣ, „нѣ въ чеѣ адѣтца“. Всѣ эти слова и выраженія мы слышали въ различныхъ селахъ и деревняхъ: напр., въ с. Быковѣ Рязск. у., въ с. Петровѣ Рязск. у., въ с. Заболотномъ Данков. у., въ Тумскомъ краю Касим. у., въ сс. Корневомъ, Гремячѣ, Вослѣбовѣ, Пупкахъ, Павельцѣ, въ д. Топилѣ, въ с. Городецкомъ, Крѣмлевѣ, въ д. Побѣдинской и Ермоловѣ Скопинскаго уѣзда. Вообще надо замѣтить, что вольныя села и деревни, не бывшія въ помѣщичьихъ рукахъ, въ числѣ прочихъ особенностей своего говора („поговѣрки“) представляютъ намъ также и ту, что

всякое окончаніе имени прилагательнаго, числительнаго или мѣстоименія въ род. пад. ед. числа—го произносится, какъ *ho* на общемъ основаніи перехода мгновеннаго звука *г* въ фрикативный *h*, и никогда не замѣчается перехода этого *г* въ окончаніи род. падежа въ звукъ *з*, какъ это постоянно слышится въ барскихъ селахъ и городахъ Рязанской губерніи. У Потебни (Два изслѣдованія. Ф. З. 1865. I. 90) сказано неточно, что въ окончаніи род. падежа произносится *г* въ Олон. губерніи и изрѣдка въ Арх. Костр. и Нижегородской. Какъ-будто въ ювр. нарѣчій такого произношенія нѣтъ, между тѣмъ какъ въ рязанскомъ нарѣчій, именно, въ родит. падежѣ въ указанныхъ мѣстностяхъ звукъ *г* произносится какъ *h*, и поэтому его не нужно смѣшивать съ звукомъ *г* свр. нарѣчій. Сравни здѣсь-же стр. 69, гдѣ тоже о рязанскомъ нарѣчій нѣтъ ни слова. Замѣтимъ, что рязанское прозвище „ахѣтки“ (Касим. у. Ряз. губ.) дано народомъ, именно, для обозначенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ говорятъ „ахѣ“ вм. „авѣ“. Срв. *Халанскаго*. Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ рус. языка. III. Салны. Стр. 108. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Вотъ другіе примѣры, гдѣ *h* стоитъ не передъ гласными звуками: *лхиди*, *зхарить* (= сгорить), *ихрать* (= пѣть, такъ какъ въ Рязанской губерніи пѣсенъ никогда не поютъ, а играютъ, почему и употребляется всегда выраженіе: „ихрать пѣсни“, „пыхраемъ пѣсни“ и проч., „поютъ“ только въ церквахъ, а потому и пѣсни, какъ „ихра“,—дѣло грѣшное, не разрешаемое ни во время постовъ, ни во время церковныхъ службъ, ни утромъ до обѣдни и проч.), *хрямь* — 3 л. мн. ч., *хрубай*, *нахда* (= иногда) — с. Перики, Бараково, Скоп. у., *нехда* (= нѣгдѣ), *хромъ* и мн. другіе. Въ произношенія этихъ и подобныхъ словъ всѣ мѣстности согласны между собою, и особенность произношенія въ окончаніи род. падежа -го принадлежитъ только вольнымъ селамъ и деревнямъ, которыя послѣдовательно провели произношеніе фрикативнаго *h* и на эти формы родительнаго падежа, между тѣмъ какъ барскія села и города въ этомъ случаѣ отступили отъ обыкновеннаго произношенія фрика-

тивнаго *h*. Вообще, какъ было сказано, вольныя села и деревни типичнѣе, послѣдовательнѣе и потому архаичнѣе въ своемъ произношеніи, чѣмъ центры, затронутые цивилизаціей.

Переходъ звонкаго мгновеннаго *z* въ звонкій-же ффрикативный *h* извѣстенъ русскому языку съ XII—XIII-го вѣка, и примѣры такого перехода указаны проф. Соболевскимъ въ его Лекціяхъ (Лекціи по исторіи р. яз. I-е изд. Стр. 89; II-е изд. СПб. 1891 года, стр. 112). Что касается собственно рязанской письменности, то и въ ней сохранились указанія на такой переходъ звуковъ. Такъ, мы имѣемъ, напр., въ одной Дарственной Записи 1483 года (Пискаревъ. Грамоты и Акты Ряз. края. N 5) нѣсколько разъ написанное слово „осподарь“, „осподаря“ безъ начального *z*, которое, обратившись въ ффрикативный звукъ, отпало или не изображалось на письмѣ за неимѣніемъ соответственной буквы. Что же касается произношенія звука *z* какъ *z* въ окончаніи родительнаго надежа -го, то этотъ переходъ, вѣроятно, произошелъ не непосредственно, а чрезъ формы такіа, какія указаны нами выше, т. е. со звукомъ *h*, и сохранились въ рязанскомъ нарѣчьи въ мѣстахъ, наименѣе поддавшихся влиянію культуры общелитературнаго языка. На этомъ основаніи слово „караходъ“ или „кураходъ“, повсемѣстно употребляемое въ рязанскомъ нарѣчьи и, можно сказать, единственно извѣстное простому народу, должно быть признано древнимъ словомъ, а слово „хороводъ“, быть можетъ, явилось изъ желанія осмыслить это слово и связать его по смыслу съ словомъ „водить“, тѣмъ болѣе, что и первая часть этого слова „хоръ“ указываетъ на литературное или книжное происхожденіе. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ перехода звука *z* въ звукъ *z* при посредствѣ звука *h*, и изъ формъ съ звукомъ *z* вмѣсто *z* мы можемъ заключать, что русскому языку былъ извѣстенъ издавна и звукъ *h*, остатки котораго сохранились въ московскомъ нарѣчьи, а въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и рязанскомъ звукъ *h* не есть остатокъ, а господствующій въ живой рѣчи. На этотъ же звукъ ука-

зываютъ и такіа сокращенія, какъ: „баславѣють“ = благо-
словляютъ (Касим. уѣздъ) или „да зайня да асеньскаго“
= до заговѣня до осенняго (Тумскій край Касим. уѣзда)
и т. п. Но, какъ сказано выше, есть мѣстности и такіа,
гдѣ въ родит. падежѣ переходъ звука *г* въ *х* неизвѣстенъ;
такъ, во всѣхъ уѣздахъ въ барскихъ селахъ и городахъ
говорятъ всегда: каво, чаво, у няво и проч., а не ка^о,
ча^о, я^о и проч. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ
Михайловскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Спасскаго,
будто-бы, во всякомъ положеніи, кромѣ окончанія роди-
тельного падежа, гдѣ *г* переходитъ въ *в*, звукъ *г* произ-
носится, какъ московское *г*, т. е. составляетъ мгновенный
звонкій *г*, но мы сами ни разу не слышали этого звука въ
Рязанской губерніи (смотри выше о Зарайскомъ уѣздѣ).
Что же касается слова „кураходъ“, то и въ названныхъ
уѣздахъ и мѣстахъ это слово имѣетъ фрикативный *х*, а не
мгновенный *г*. Въ виду естественности перехода звука *г*
въ *в* при посредствѣ звука *х* и распространенности его
въ окончаніяхъ род. падежа на -го можно допустить и влия-
ніе такого перехода и формъ съ звукомъ *в* вм. *х* на фор-
мы, гдѣ бы должно стоять *в*, которое однако въ силу ука-
занныхъ обстоятельствъ переходитъ въ *х* и слышится такъ
въ произношеніи. Особенно эта взаимная мѣна распростра-
нена въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда, гдѣ, по со-
браннымъ нами свѣдѣніямъ, говорятъ: *х* Маскву вм. въ
Москву, *х* Мурамъ вм. въ Муромъ, *х* мѣстѣ вм. вмѣстѣ,
х долѣ вм. вдоль, *х* верхъ вм. вверхъ, *х* мисаѣдъ вм. въ месо-
ѣдъ, *х* вядро вм. въ ведро, ни *х* вяди вм. не введи и др.
Точно такъ-же: *х* Касимовъ вм. въ Касимовъ, *х* сабори
вм. въ соборѣ, *х* цатвергъ вм. въ четвергъ; въ послѣд-
нихъ трехъ примѣрахъ, кромѣ замѣны звука *в* звукомъ *х*,
участвуетъ еще ассимиляція, такъ какъ звонкому звуку *х*
приходится стоять въ положеніи предъ глухими: *к*, *с* и *ц*.
Случаи ассимиляціи согласныхъ въ рязанскомъ нарѣчій оди-
наковы вообще съ прочими великорусскими нарѣчійми, а
объ ассимиляціи звука *к* мы скажемъ нѣсколько ниже по

поводу нѣкоторыхъ особенностей въ произношеніи этого звука въ рязанскомъ нарѣчій.

Замѣтимъ теперь *переходъ звука г въ д* въ рязанскомъ нарѣчій въ словахъ, напримѣръ, *ангѣлъ* (= ангелъ), гдѣ *н* мягкое подѣ влияніемъ слѣдующаго мягкаго слога, а гласный звукъ послѣ *ѡ* колеблется въ произношеніи между *я* и *е*, далѣе: Евдѣня (= Евгения) и Вендѣры ім. Венгеры; послѣднее слово въ произношеніи въ с. Яблоновѣ мы слышали такъ: Вяндѣры, какъ и слѣдуетъ быть, а въ с. Зыковѣ Раненбургскаго уѣзда намъ слышалось твердое *н*: Вендѣры, и твердое *в*—Евдѣня.

Теперь переходимъ къ звуку *к*. Этотъ звукъ, какъ и звукъ *г*=*h*, служить характернымъ и общимъ признакомъ рязанскаго нарѣчій. Мы подмѣтили слѣдующую особенность въ произношеніи этого звука: если звукъ *к* стоитъ непосредственно послѣ закрытаго слога, оканчивающагося мягкимъ согласнымъ или неслоговымъ звукомъ *и*, т. е. *и* послѣ гласнаго, то звукъ *к* дѣлается самъ мягкимъ. Въ этомъ явленіи нельзя, по нашему мнѣнію, не усматривать вліянія предыдущаго мягкаго слога на послѣдующій. Надо замѣтить, что случаи вліянія мягкости предыдущаго согласнаго на послѣдующій вообще гораздо рѣже встрѣчаются, чѣмъ случаи обратнаго вліянія въ русскомъ языкѣ, но въ данной особенности рязанскаго нарѣчій, повидимому, единственная причина мягкости звука *к* лежитъ, именно, въ въ предшествующемъ согласномъ звукѣ, какъ показываетъ цѣлый рядъ примѣровъ, приводимыхъ ниже. Случаи такого вліянія, впрочемъ, извѣстны русскому языку съ XIV-го вѣка, какъ указалъ проф. Соболевскій (Лекціи. 2-е изд., стр. 107—108). Въ частности по отношенію къ звуку *к* особенность рязанскаго нарѣчій раздѣляется и нарѣчіемъ южной части Курской губерніи и сѣверной части Харьковской губерніи, какъ показываетъ собраніе пѣсенъ, напечатанныхъ Халанскимъ („Образцы народнаго говора южной части Курской и сѣверной — Харьковской губерніи“. Отд. оттисекъ изъ Р. Ф. В. 1882 г.). Здѣсь находимъ:

тройку—N 3. Толья—NN 4, 5, 6. Васелинькый—N 7. Заленинькый—ib. Ножиньку—N 8. Ножинькахъ—ib. Вишинька, Вишиньку, Вишинькый—N 8. Милинькый, Нигадийка—N 11. Горька—N 31 и мн. др. Надо замѣтить, что, судя по изданнымъ пѣснямъ, нарѣчіе Курской и Харьковской губерніи всетаки сравнительно не строго выдерживаетъ эту особенность, если предполагать безусловную вѣрность записи и изданія пѣсенъ. Въ Рязанской губерніи нѣтъ простолюдина или даже горожанина—мѣщанина, въ особенности если онъ неграмотный, у котораго не прорвалась-бы эта коренная особенность говора. Вообще, къ рязанскому нарѣчію во всѣхъ отношеніяхъ ближе всего стоитъ нарѣчіе южной части Курской губерніи и сѣверной части Харьковской. Эта близость замѣтна и въ строгомъ полномъ аваньѣ, и въ произношеніи мягкаго *к*, и въ глагольных формахъ съ окончаніемъ 3-го лица *тъ* или вообще безъ личнаго окончанія, и въ произношеніи звука *щ*—*иш*, и въ замѣнѣ нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ, и въ отсутствіи среднего рода. Подобное произношеніе звука *к* извѣстно и въ Ярославской губерніи въ Пошехонск. уѣздѣ, какъ видно изъ статьи г. Тихвинскаго о нарѣчіи Ярославской губерніи (Р. Ф. В. 1890. N 3. Стр. 54). Такимъ образомъ, вліяніе мягкости предыдущаго согласнаго или слога на послѣдующій извѣстно не только малорусскому и сѣверно-великорусскому нарѣчію, но и южно-великорусскому. (Срв. Соболевскаго. Ук. Соч. 1. с.).

Приводимъ примѣры, чтобы читатель могъ судить о причинахъ мягкости произношенія звука *к* въ рязанскомъ нарѣчіи: хазійка, хазійкый—твор. п., чумичькый—твор. п., свѣчьку, свѣчьками, въ прачькахъ, на каньяхъ, чайку, сколька, толька, съ рѣтькый (съ рѣдькой), тройка, трійкый—твор. п., старичькый—род. ед. ч., новинькая лавачья, у дьячькый, въ ачьяхъ, съ ачьями (= съ очками), ачькѣвъ (ачькѣвъ=очковъ), батька, писулька (=письмо), копычька (е не перешло въ я (а) потому, что находится въ закрытомъ слогѣ съ мягкой согласной въ концѣ. См.

выше), *Таничья*, *Васья*, *Ванья*, *Санья*, *Варья*, *маминья*, *приничья*, *ёлачья*, *капёйня*, *пятачкй*, *няньня*, *наичья*—вин. п. ед. ч. отъ „гаечка“, „гайка“. *Фортачья*—вин. ед. ч., *харёпынькй*, *тачёнйнькй*, *утачья*, *мужычья*, *калачкѣвъ* (= *клочковъ* — род. мн. ч.), *пучкѣвъ* (= *пучковъ*, род. мн. ч.), *бабачья*, *бóчьня*, *бóчьня*, *дёрня*, *брычья*, *печья*, въ *печьяхъ*, *Петьня*, „въ *сёриньяхъ* мяшóчки“, *старичкѣвъ*—твор. ед. ч., *дѣвачья*, *сабачья*, *бѣлинья* *баначья*, изъ *бѣлинья*, *бѣлинья*, *линѣйня*, *линѣйня*, *линѣйня*, *люльня*, въ *кульняхъ*, *ручья*—вин. ед. ч., *малачкй*—род. ед. ч. (= *молочка*), *малиньняму*—дат. ед. ч., *чёрньниньяво*—род. ед. ч., *Сонья*, съ *кульнями*, на *дьячья*—предл. пад. ед. ч., *бóчкѣвъ*, *люлкѣвъ*—род. мн. ч. отъ словъ: „бочка“, „люлька“. *Пятачкѣвъ*, -кй, -кю, -кѣвъ, -кѣ; *пятачкѣвъ*—род. мн. ч., *пятачкѣвай*—имя прилагательное, *шѣйня*, *свѣжыньня* *малачкѣ*—им. пад. ед. ч. Сравните съ этимъ: *Сашка* (*Санья*), *карзинка*, *нанка* (матерія) и *няньня*, *пиравоска* (= *перевозка*), *ямка*, *кóшка* и проч.

Образцы эти взяты изъ живой рѣчи всѣхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, какъ изъ городовъ, такъ и изъ селъ и деревень, откуда только была возможность получить свѣдѣнія, или гдѣ только удалось намъ побывать самимъ. Въ виду всего вышеизложеннаго мы имѣемъ право относиться съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ примѣрамъ, приводимымъ Далемъ въ его статьѣ „О нарѣчіяхъ русскаго языка“, гдѣ на стр. LXIV находимъ примѣры для Курской губерніи: *кваскю*, *Петренёпкй*, *Лагúткя*, и еще разъ ниже: *кваскю*. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ нѣтъ предыдущаго мягкаго согласнаго звука, и ему неоткуда взяться; такъ какъ эти примѣры приведены Далемъ среди другихъ, имѣющихъ мягкій согласный или мягкій слогъ передъ *к*, какъ для Орловской, такъ и для Курской губ., то эти примѣры, вѣроятно, занесены ошибочно ¹⁾; по крайней мѣрѣ, въ Ряз. губ. въ этихъ

¹⁾ Такими же ошибочно занесенными примѣрами мы считаемъ и примѣры, приведенные проф. Соболевскимъ въ его

случаяхъ никогда не произнесутъ мягкаго звука *к*, а произнесутъ его твердо. Признаки такой особенности намъ удалось отыскать и въ рязанской письменности, именно, въ одной Записи 1510 года (у Пискарева. Акты и Грамоты. N 10). Эта Запись замѣчательна и заслуживаетъ полнаго довѣрія потому, что писана не официальными грамотеями, дьяками и друг. лицами, официальными по положенію, а простыми людьми. Здѣсь читаемъ: „Къ сей записи язъ Ларя послухъ руку свою приложилъ“. Очевидно, это имя произносилось въ живомъ говорѣ „Ларька“, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ собственного имени Ларіонъ, Ларивонъ (по-рязански) — уменьшительное Ларя, Ларька; нѣсколько выше, въ этой же записи, мы и встрѣчаемъ: „Ларя Фроловъ сынъ Бачманого“. Но рядомъ читаемъ: „Олешка“ съ твердымъ звукомъ *к*.

Звукъ *г* не поддается въ такомъ положеніи вліянію предыдущаго слога или звука въ рязанскомъ нарѣчій. Од-

„Лекціяхъ“ (2-е изд., стр. 116), именно: *головню*, *сахарню*, съ верхою среди прочихъ примѣровъ, приведенныхъ правильно. По крайней мѣрѣ, если таковыя примѣры дѣйствительно существуютъ въ живомъ русскомъ языкѣ, то слѣдовало указать на мѣстности, гдѣ ихъ слышалъ Соболевскій. Онъ пишетъ такъ: „Въ современныхъ великорусскихъ (особенно южныхъ) говорахъ мы довольно часто слышимъ: *головню*“ и пр. Въ Рязанской губерніи, тоже южновеликорусское нарѣчіе, мы вовсе такъ не слышимъ, хотя постоянно слышимъ это *к* въ соединеніи съ *ю*, *я*, *ѣ* въ такихъ словахъ, какъ: чай*ню*, ситач*ню*, бач*ню*мъ (твор. ед. отъ „бочѣкъ“), съ бач*ню*въ (род. мн. отъ того-же слова), свѣч*ню*й—твор. ед. ч., свѣч*ню*, трѣй*ню*, набай*ню* (=ногѣйка) и проч. Сравни: вядѣ*ню*а, квас*ню*, вядруш*ню*а, баб*ню*шка; стар*ню*шка, бал*ню*вка и проч. Срв. также у Потебни (Два изслѣдованія. Ф. З. 1865. I, стр. 67), который говоритъ: „Сочетаніе *к* съ *я*, *ю*—въ Орлов. Кур. Ворон.“ и приводить примѣры, среди которыхъ опять есть этотъ примѣръ „квас*ню*“. Вѣроятно, онъ прямо взялъ изъ вышеуказанной статьи Даля, тѣмъ болѣе, что въ числѣ поименованныхъ губерній, гдѣ такъ говорятъ, т. е. соединяютъ *к* съ *я*, *ю*, у Потебни не упомянуто ничего о Рязанской губерніи.

но слово, именно, „кача^арън^а“ мы слышали въ деревнѣ Гумёнки Скоп. уѣзда, но въ виду того, что это же слово въ другихъ мѣстностяхъ мы слышали съ твердымъ звукомъ *h*—каче^арън^а,—а также въ виду возможности легко ошибиться при опредѣленіи качества звука по слуху, мы не придаемъ значенія единичному примѣру, тѣмъ болѣе, что въ другихъ словахъ, напр., „сирьн^а“ (=серьг^а) и проч. ясно слышится твердый звукъ *h*.

Замѣны звука к и его ассимиляція. Звукъ *к* въ нѣкоторыхъ словахъ стоитъ вмѣсто *х*, напр., слово „пасха“ всегда произносится „п^аска“; въ другихъ словахъ мы слышимъ звукъ *х* вм. звука *к*, напр., хлап^ы, хл^{оп}ъ вм. клоп^ы, кл^{оп}ъ (с. Яблон. Скоп. у.), или хрѣстъ вм. крѣстъ (с. Быково, Рязьск. у.), па-хр^астьянски (также: па-хрис^аянски) вмѣсто по-кр^астьянски (с. Яблоново, Щелево, Скоп. уѣзда). О замѣнѣ звука *к* звукомъ *х* въ послѣднемъ словѣ см. Лекціи Соболевскаго, 2-е изд., стр. 127. Въ Михайловскомъ уѣздѣ Ряз. губерніи слово „крестъ“ произносится „хрѣстъ“ (с. Ижеславль, Николаевка и др.); а потому, кажется, напрасно говорить Потебня, что въ ювр. въ этомъ словѣ *е* остается и не переходитъ въ *ѣ* по вліянію церк. языка (Потебня. Два изслѣдованія. Ф. З. 1865. I, стр. 77). Сравните Брандта. Лекціи по фонетикѣ р. яз., стр. 20 (срв. небо — ряз. нѣбо = coelum). А слово „крестинны“ въ Михайлов. у. — „хр^астинны“. Иногда этотъ звукъ *к* чередуется съ звукомъ *т*, при чемъ случаи такого чередованія наблюдаются въ положеніи звука *к* передъ мягкими гласными, т. е. когда самъ звукъ *к* становится мягкимъ. Такъ, напр., мы слышимъ: те^нли вмѣсто ке^нли (с. Яблоново Скоп. у. Это слово было такъ повторено послѣ того, какъ я произнесъ названіе игры — „кегли“ — съ звукомъ *к*, правильно. Очевидно, наклонность къ этой замѣнѣ въ говорѣ существуетъ, что подтверждается приводимыми ниже примѣрами употребленія звука *к* мягкаго вм. *т* мягкаго). Случай замѣны звука *к* звукомъ *т* мы записали, къ сожалѣнію, только одинъ, но случаи обратной

замѣны слышатся постоянно: напр., всегда *Кѣтъ* вм. *Тѣтъ* (собственное имя), *кѣтеръ* вм. *театръ*, съ *кѣсѣмьки* ми вм. съ *тесѣмьками*—твор. пад. мн. числа (с. Малая Олѣшина Рязск. у., с. Яблоново Скоп. у. и др.). Случай отступленія отъ заанья въ этомъ послѣднемъ словѣ, т. е. *звукъ и* вмѣсто звука *я* (*а*) послѣ перваго *к* въ предударномъ слогѣ, мы объясняемъ себѣ появленіемъ звука *к* вмѣсто *т*, такъ какъ слогъ *кѣ* возможенъ быть бы только послѣ мягкаго конечнаго согласнаго предыдущаго слога или мягкаго предыдущаго слога вообще (срв. „*кѣтеръ*“). Что же касается звука *и*, стоящаго въ этомъ словѣ „*кѣсѣмьки*“ передъ окончаніемъ твор. падежа мн. числа *-ми*, то, во-первыхъ, въ данномъ словѣ этотъ звукъ мы слышали неопредѣленно: онъ звучалъ, приближаясь къ *я*, что мы и обозначили знакомъ „*и*“; и такое произношеніе его есть, именно, правильное съ точки зрѣнія фонетики рязанскаго говора, а, во-вторыхъ, особенностью этого говора служить также и то, что творит. падежъ мн. числа отъ именъ женскаго рода на *-на* произносится всегда повсемѣстно съ окончаніемъ *-ими*, а не *-ами*, т. е. имѣть *и* передъ окончаніемъ *-ми*, а не *а*. (Случаи съ мягкимъ изгласненіемъ въ предшествующемъ слогѣ составляютъ исключеніе изъ этого правила на основаніи изложеннаго выше закона рязанской фонетики). Напр., *кѣрками*, *вилѣими*, *банѣими*, *балѣвѣими*, *пѣлками*, *канѣими* („*канѣа*“—по-рязански означаетъ индѣйку, хотя и это слово извѣстно. См. Лексикологію), *тряпѣими*, *бумѣашѣими*, *ношѣими* и проч. (отъ имен. падежей: *корѣа*, *вилѣа*, *банѣа*, *головѣа*, *пѣлкѣа*, „*канѣа*“, *тряпѣа*, *бумѣашѣа*, *ношѣа*). Въ этомъ отношеніи рязанскій говоръ сходится съ московскимъ народнымъ говоромъ.

Звукъ к, находясь въ положеніи передъ *т*, переходитъ въ *х*, какъ-бы ассимилируясь съ нимъ по степени звучности, и это явленіе наблюдается постоянно: напр., кто вм. *кто*, *тѣхъ-та* вм. *тѣхъ-то*, *трахѣтеръ* вм. *трахѣтеръ*, *трахѣтъ*, *трахѣтамъ*—твор. п. ед. ч. вм. *трахѣтомъ*, *дилѣхѣтаръ* вм. *дирѣхѣторъ*, *дѣхѣтуръ* и *дѣхѣтуръ* вм. *дѣхѣторъ*, *Вѣхѣтаръ* вм. *Викѣторъ*, а въ словѣ „*парѣхѣмахѣръ*“ еще и вставоч-

ное *т*: палимахтеръ, вѣроятно, по аналогіи съ такими словами, какъ дохтуръ, дилѣхтаръ и проч.

Это явленіе перехода *к* въ *х* передъ *т* извѣстно уже давно въ русскомъ языкѣ и свидѣлствуется письменно-стью; что касается до памятниковъ рязанской письменности, то и здѣсь мы находимъ очень часто написанія: *это* (въ Раздѣльной Записи между касимовскими служилыми татарами 1606 года. Ркп. Ряз. Архива. N 14. Въ Записи нѣкоего Алексѣя Иванова 1683 года. Ркп. Ряз. Архива N 126. Срв. у Пискарева N 7—XV-го вѣка), *из* тому—Собраніе Госуд. Гр. и Договоровъ. I. N 171. 1554 года и др. Если же *к* встрѣчается съ звукомъ *д*, то онъ по ассимиляціи переходить въ звонкій *з*=*х*: такъ, мы имѣемъ въ вышепоименованной рукописи Рязанскаго Архива N 126—*з* допросу (читай: „*х* допросу“), въ Грамотѣ N 171 (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I)—*из* деревне, гдѣ буква *х* означаетъ звонкій фригетивный *х*. Встрѣчаясь съ звукомъ *к*, звукъ *к* по диссимиляціи переходить въ *х*: *х* кучеликову полю—Ркп. Ряз. Арх. N 7, 1563 г., *х* касимовскому помѣстью—Ркп. N 23, 1617 г., *х* Коломнѣ—Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. N 48. Такъ скажутъ и теперь въ рязанскомъ говорѣ, гдѣ наблюдаются случаи перехода *к* въ *х* и передъ другими звуками, напр., *из* панамарю—с. Кѣльцы Скоп. у. и др. Наконецъ, есть случаи соединенія звука *к* съ *и* въ словахъ: *китюшки*—овцы, агнята (с. Яблоново Скоп. у. См. Лексикологію) и *кыска*—ласкат. названіе кошки. (Ср. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 116).

Губные звуки. Что касается губныхъ согласныхъ, то въ области этихъ звуковъ вообще мало особенностей въ рязанскомъ нарѣчьи, хотя есть нѣкоторыя особенности, принадлежащія, правда, не одному рязанскому нарѣчью, но достойныя вниманія въ обзорѣ фонетики этого нарѣчья. Такъ, мы постоянно замѣчаемъ мягкость произношенія губныхъ звуковъ передъ мягкимъ слогомъ—*ки*. Напр., произносить: *дѣшки*=*дѣвки*, *рюмки*=*рюмки*, *лашки*=*лавки*, *варѣшки*=*веревки*, *жамки*=*жамки* (пряники; см. выше),

юпки=юбки, шүпки=шубки, пропки=пробки, „съ бу-
лафскими“=съ булавками, „съ кисёмскими“=съ тесемками,
трипки=тряпки, „ямки да камки“=ямки да бомки
(с. Яблоново Скоп. у.) и проч. Иногда мы видимъ такое
же смягченіе губного звука и передъ другими мягкими
слогами: „аѣ лампи“ вмѣсто „отъ лампы“ (с. Яблоново);
въ послѣднемъ примѣрѣ мы, кромѣ смягченія звука *л*, ви-
димъ еще на концѣ слова „лампѣ“ букву *и*, которое не
представляетъ собою замѣны *и*, такъ какъ это вовсе не *и*,
а *ъ*, произносимое, какъ всегда, въ поударномъ слогѣ
какъ *и* (см. выше), и форма „лампѣ“ вмѣсто „лампѣ“
есть результатъ смѣщенія падежей, какъ видимъ изъ мас-
сы аналогичныхъ случаевъ въ рязанскомъ нарѣчій, напр.:
у сестрѣ, у Микѣли, у стянѣ, отъ баби, бясъ шлѣпи (=безъ
шляпи), отъ Анни Ляксандровни и проч. Въ тѣхъ примѣ-
рахъ, которые имѣютъ удареніе на падежномъ окончаніи
-ъ (сестрѣ, стянѣ, жанѣ и проч.), ясно видно смѣшеніе
падежей, о чемъ въ свое время будетъ сказано подробнѣе
въ отдѣлѣ Морфологіи—ниже. Возвращаясь опять къ во-
просу о смягченіи губныхъ подѣ вліяніемъ слѣдующаго
мягкаго слога, скажемъ, что это смягченіе вліяетъ есте-
ственнымъ образомъ на качество предыдущаго гласнаго
звука, что особенно замѣтно въ томъ случаѣ, если этотъ
гласный будетъ звукомъ *ъ*, который въ данномъ положеніи
передъ мягкимъ слогомъ или мягкимъ губнымъ зву-
комъ звучитъ очень закрыто, напр., въ словѣ „дѣфки“.
Вліяніе слѣдующаго слога на предыдущій вообще въ рус-
скомъ языкѣ сказывается очень сильно, въ особенности на
предыдущій гласный звукъ, но и на согласный. (Случаи
старого смягченія звуковъ, напр., звука *р* въ положеніи
и передъ твердымъ слогомъ, но не передъ твердымъ зуб-
нымъ звукомъ, здѣсь въ расчетъ не идутъ, такъ какъ это
явленіе очень древнее и принадлежитъ не одному русско-
му языку изъ славянскихъ языковъ ¹⁾). Въ рязанскомъ го-

¹⁾ См. Ф. О. Фортунатовъ. Лекція по фонетикѣ старо-
славянскаго языка. (Печатное изданіе, не оконченное). Стр.

ворѣ такъ-же, какъ въ московскомъ, мы слышимъ: на вярѣху, къ верѣху и проч., но—цѣркава, цѣркафѣ). Примѣромъ можетъ служить также слово „канфѣтъ“—род. мн. числа вмѣсто „конфѣтъ“ и еще чаще „канфѣтафѣ“—род. мн. ч. (с. Яблонино и друг.), гдѣ видимъ смягченный звукъ зубной—носовой *н*. (См. Р. Брандтъ. Лекціи по фонет. р. яз. Стр. 6—7. Богородицкій. Гл. безъ ударенія).

Случаи непосредственнаго смягченія губныхъ въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ звукомъ замѣчаются довольно рѣдко и по преимуществу въ Касимовскомъ уѣздѣ, хотя таковыя случаи безспорно существуютъ. Такъ, мы слышимъ: гатѣбю=я готѣблю, любю=я люблю, ня любю, спю=я сплю (Гумскій край Касим. у.), купю=я куплю (сс. Нармушадъ, Ерахтуръ, Куземкино Касимовск. уѣзда). Эти немногочисленные случаи непосредственнаго смягченія губныхъ звуковъ представляютъ, кажется, явленіе новое, новообразованія, и могутъ быть объяснены, думаемъ, влияніемъ формъ прочихъ лицъ на форму 1-го лица ед. числа. (Срв. Колосова. Обзоръ звуков. и форм. особенностей нар. русск. языка. В. 1878. Стр. 149. Срв. стр. 158. Слово „рупъ“ извѣстно и въ рязанскомъ нарѣчій).

Отпаденіе, приставка и вставка звука в. Отпаденіе *в* мы видимъ, напр., въ словѣ: акрѣхъ вмѣсто „вокрѣхъ“; къ случаямъ отпаденія звука *в* въ концѣ словъ можно отнести почти повсемѣстное: „прати“, „супрати“ вм. прѣтивъ, сѣпротивъ; напр., „прати жѣтаѣо“ = противъ этого. Или: „пра“ вмѣсто право, вѣроятно, черезъ форму *прао—*праа. А можетъ быть, здѣсь произошло просто отпаденіе цѣлаго слога, хотя первое намъ кажется вѣроятнѣе. Вставку этого звука *в* мы видимъ въ словахъ: Лявѣнтъ, Лявѣнафѣ (фамилія Леоновъ), Лявѣнтѣй (Леонтій);

149—151. Въ такихъ случаяхъ мягкость звука *р*, который является полумягкимъ, вызвана влияніемъ предшествующаго неслогового *ъ* (ъ):

Приставка *е* замѣчается, напр., въ словахъ: вѣстрай, вѣспа, варѣанъ вм. органъ, „Вѣтча“ (название Молитвы Господней у простонародья отъ перваго слова молитвы: „Отче“. Слово „Вѣтча“ склоняется обыкновенно, по женскому склоненію). Кстати замѣтимъ, что слово „вѣспа“ означаетъ извѣстную эпидемическую болѣзнь, между тѣмъ какъ всякая сыпь называется „ѡсыпь“; сравнивъ послѣднее слово со старослав. *осѣпа*, мы получаемъ наглядный переходъ отъ словъ: „сыпь“, „сыпать“ къ слову „ѡспа“, гдѣ коренной гласный исчезъ; такимъ образомъ, въ ряз. словѣ „ѡсыпь“ лежитъ и коренное значеніе слова „оспа“ (см. Miklosich. Etym. Wtb. s. v. *sŭp* 2). Наконецъ мы видимъ и выпаденіе звука *е* въ серединѣ словъ: *ѡгустъ* вм. августъ, *сирѣбѣть*—3 л. ед. ч. наст. вр. вмѣсто „свербѣть“ (ср. Малая Олѣшня Рязск. у., Яблоново Скоп. у.).

Особенно интересные случаи въ этомъ отношеніи представляетъ намъ Касимовскій уѣздъ (Тумскій край), гдѣ мы находимъ: *даича* вм. давеча, *дѣить* вм. девять, *сирѣбѣли* вм. свербѣли, въ Катѣи вм. въ Катовѣ (мѣстность), *любѣи* вм. любовь, *лаѣки* вм. лавки (лафѣки. См. выше), *пріѡзють* вм. привозять—3 л. мн. числа, *жѣу* вм. живу—1 л. ед. ч., *Пятрѣи* день вм. Пятровъ день, *треѡжилъ* вм. тревожилъ, *зѣтра* вм. завтра, „ѣта ся“ вмѣсто „ѣта вся“, *зѣть* вм. взять, *цѣра* вм. вчера (вчѣра, авчѣра-сь), „сѣ равно“ вм. „все равно“¹⁾.

Разсмотрѣнныя явленія въ области звука *е* засвидѣтельствованы также памятниками рязанской письменности. Такъ, въ Правой и Разѣвжей грамотѣ 1563 года (Реп. Ряз. Архива. № 7) читаемъ: на *ѡлху*, т. е. на *ѡлху* (дерево). Въ Рязанской губерніи и до сихъ поръ говорятъ: *ѡлѣшникъ* вм. *ѡлѣшникъ*, т. е. ольховая роща (слышано въ с. Бараковѣ и Перикахъ Скоп. у.). Ларѣѡнѣя, Левѡнѣ (Пискаревъ. Акты. NN 5, 3, 13). Всѣ акты XIV—XV

¹⁾ Всѣ примѣры изъ Тумскаго края Касимовскаго уѣзда привожу по сообщеніямъ сослуживца моего А. И. Смирнова, которому привожу здѣсь благодарность за помощь.

вѣка. Судъ общій — Собрание Госуд. Гр. и Договоровъ. I. N 127. (Договорная грамота в. к. рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ) — 1496 года. (Срв. Соболевскій. Лекціи. 2-е изд., стр. 114).

Замѣны звука е. Въ числѣ мелкихъ случаевъ замѣны звука *е* мы помѣщаемъ и случаи употребленія гласнаго *у* вмѣсто *е*, т. е. случаи перехода звука *е* въ гласный *у*. Такъ какъ это явленіе въ рязанскомъ нарѣчій во всякомъ случаѣ не частое и мѣстное (см. выше слово „вдарить“), то въ числѣ основныхъ признаковъ даннаго нарѣчія нельзя и помѣщать его. Мѣна *е* на *у* и обратно — явленіе очень раннее въ русскомъ языкѣ, такъ какъ примѣры такой мѣны находятся въ памятникахъ XI—XII вѣка (см. Колосова. Очеркъ исторіи зв. и формъ р. яз. В. 1872. Стр. 62 и 78); но что касается рязанской письменности, то ранній памятникъ мѣстнаго языка, въ которомъ мы нашли употребленіе *у* вмѣсто *е*, принадлежитъ 1520 году. Въ одномъ „Спискѣ съ суднаго дѣла о грабежѣ и пожарѣ“ (Пискаревъ, N 13) — 1520 года мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ „у поле“ вм. „е поле“. Несомнѣнно, эта особенность вошла въ образовавшееся мало-по-малу рязанское нарѣчіе не ранѣе прочихъ, а позднѣе, такъ какъ она не повсемѣстная и засвидѣтельствована позднимъ памятникомъ письменности, а слѣдовательно, въ числѣ прочихъ нынѣшнихъ особенностей рязанскаго говора должна быть отнесена къ тому говору или нарѣчію, которое отличалось издавна этой особенностью и могло вліять на образованіе нынѣшняго рязанскаго нарѣчія черезъ колонистовъ, приходившихъ изъ разныхъ мѣстностей для населенія рязанскаго края. Въ данномъ случаѣ эту особенность можно отнести насчетъ вліянія бѣлорусскаго нарѣчія ¹⁾, которое до образованія рѣзкихъ мѣстныхъ осо-

¹⁾ См. *Недѣлицъ*. Историч. обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. В. 1884. Стр. 32—33 и слѣд.

бенностей своихъ, до полного обособленія, успѣло сообщить и центральнымъ мѣстностямъ Россіи, въ томъ числѣ Рязанскому краю, многія черты и отличія своего произношенія. Такъ, мы видѣли рязанское *h*, неизвѣстное Москвѣ и сѣверно-великорусскому нарѣчію, ниже увидимъ замѣны звука *ѣ*, составляющія почти повсемѣстную принадлежность рязанскаго нарѣчія, наконецъ, въ области гласныхъ — полное аканье и др.

Въ теперешнемъ рязанскомъ нарѣчіи извѣстны слѣдующіе случаи замѣны звука *е* звукомъ *у*: дѣйка, дѣушка — вѣроятно, черезъ форму *дѣуушка, откуда по выпаденіи краткаго *у* получилось „дѣушка“ (ср. Городецъ, Горицы Спасскаго уѣзда), *у* пачѣ вм. *е*з пачѣ, „ухожъ въ домъ“ вм. „ехожъ въ домъ“ (Киструсь, Деревенское, Гавриловское, Старикино и др. Спас. уѣзда), *у* по́ли, *у* до́ми вм. въ по́лѣ, въ до́мѣ (ср. Деревенское, *ibid.*). Въ Касимовскомъ уѣздѣ (ср. Ерахтурь, Нармушадь, Куземкино и др.) почти постоянно говорятъ вмѣсто предлога *е*з — *у*: *у* Касімовѣ, *у* Касімовѣ. Также: *у* лѣсь вм. въ лѣсѣ — с. Путиино Сапожковск. уѣзда; наконецъ, въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда слышимъ: „*у* подлѣхъ *у* бѣлыхъ“ = „*е*з подолѣхъ *е*з бѣлыхъ“, *у* кѣцки = въ кѣчѣ и даже „*у* в-ызбу“ вм. „въ йзбу“, при чемъ послѣдніе примѣры слышатся преимущественно въ с. Чарусѣ Касимовскаго уѣзда. (Срв. сѣверно-великорусскій говоръ. *Потебни*. Два изслѣдованія. 1. с. Стр. 91). Стало быть, проф. Соболевскій несправедливо говорить, что въ Рязанской губерніи замѣны звука *е* звукомъ *у* вовсе нѣтъ (Лекціи. 2-е изд., стр. 110).

Что касается до замѣны звука *л* звукомъ *е* въ прошедшемъ времени глаголовъ, то въ данномъ случаѣ мы считаемъ удобнымъ упомянуть о томъ, что А. А. Потебня справедливо сомнѣвался въ точности показанія Даля насчетъ этой особенности рязанскаго нарѣчія (см. Потебня. Два изсл. 70; срв. Дая. О нарѣчіяхъ. Стр. LXII. Пунктъ 7. „онъ ходѣувъ“). Мы съ своей стороны положительно можемъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ въ Рязанской гу-

бернии мы не слышали такой замѣны звука *л* звукомъ *в* въ прош. времени, да и вообще замѣны звука *л* звукомъ *в*, и никто намъ о таковой замѣнѣ ничего не сообщалъ, не смотря на наши письменные вопросы. Кстати сказать, что Даль и въ прочихъ пунктахъ, въ которыхъ онъ перечисляетъ особенности рязанскаго нарѣчія, иногда погрѣшаетъ противъ истины: такъ, въ пунктахъ 3 и 4, гдѣ говорится о звукѣ *г* (Срв. настоящее сочиненіе стр. 2. Даль. Ук. Соч. LXII), сказано, что *г* только *передъ гласною* измѣняется въ *л*, между тѣмъ какъ изъ предыдущаго обзора этого звука здѣсь видно, что такое произношеніе *г* = *л* рѣшительно господствуетъ, можно сказать, почти единственно существуетъ, и мы знаемъ только по письменному сообщенію изъ Зарайскаго и Михайловскаго уѣзда о произношеніи звука *г*, какъ латинское *g*, т. е. звонкій мгновенный задне-небный, но сами мы нигдѣ этого не слышали. Въ пунктѣ 4 сказано, что *г* въ род. падежѣ не замѣняется звукомъ *в*, между тѣмъ какъ окончаніе *oho* и *aho* гораздо рѣже обыкновеннаго *ovo*, *avo*, и извѣстно только въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, каковыхъ, правда, довольно много. Въ пунктѣ 9 сказано (Даль. Ук. соч. I. с.), что *в* близится въ произношеніи къ *у*; но, какъ видно изъ предыдущаго (здѣсь, стр. 66), эти случаи приближенія *в* къ *у* сравнительно рѣдки и во всякомъ случаѣ не представляютъ повсемѣстной особенности рязанскаго нарѣчія, а извѣстны въ одной мѣстности болѣе (на сѣверо-западѣ Рязанской губерніи), въ другой — менѣе. Чтобы сказать такъ, что „*в* никогда не произносится твердо, не звучитъ какъ *ф*“ (Даль. *ibidem*); надо бы было побывать въ каждомъ уголѣ Рязанской губерніи, а изъ прочихъ замѣчаній Даля о рязанскомъ нарѣчіи ясно видно, что онъ этого не сдѣлалъ. Напротивъ того, *в* обыкновенно передъ согласнымъ звукомъ звучитъ „твердо“, какъ *ф*, и самое слово „вдѣрить“, употребляемое повсемѣстно, доказываетъ, что *в* не приближается къ звуку *у*, и лишь въ указанныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ намъ приходилось слышать приближеніе звука *в* къ звуку *у*, да и то это

бываетъ исключительно передъ согласными звуками, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры (Срв. касимовское „у вѣзбу“, гдѣ передъ гласнымъ, начинающимъ слово, вставлено *е*, передъ которымъ предлогъ *въ* звучитъ, какъ *у*). Такимъ образомъ, разобравъ пункты, указанные Далемъ, мы приходимъ къ заключенію, что его обзоръ рязанскаго нарѣчія во многихъ отношеніяхъ неточенъ и поверхностенъ, но всетаки даетъ общую картину рязанскаго нарѣчія, и большого ожидать было-бы несправедливо при громадѣ обнятаго Далемъ матеріала для изслѣдованія и описанія. (Потебня повторяетъ за Далемъ замѣчаніе насчетъ *е*. Уж. соч. Стр. 69).

Изъ другихъ замѣнъ звука *е* намъ встрѣтилось произношеніе общерусское звука *р* вмѣсто звука *е* въ словѣ „скрось“, „наскрось“ = сквозь, насквозь, употребляемое повсюду; а затѣмъ — замѣна звука *е* звукомъ *м* въ дѣепричастномъ суффиксѣ: *ви*—*ми*, напр., держамши, ѣмши, пѣмши и проч. Явленіе — общевеликорусское. Эта замѣна въ рязанскомъ нарѣчіи слышна въ каждой формѣ дѣепричастія прош. времени, при чемъ она не оказываетъ никакого вліянія на сосѣдній гласный звукъ справа или слѣва (Срв. Колосова. Обзоръ. Стр. 169). Въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда нерѣдко слышишь эту замѣну звука *е* звукомъ *м* въ словѣ „дамно“ вм. „давно“. Наконецъ въ этой-же мѣстности извѣстны случаи замѣны звука *е* звукомъ *л* въ серединѣ слова, напр., Елдакимъ вмѣсто Еедо-кимъ. Наконецъ, въ одномъ словѣ мы встрѣтили замѣну звука *е* звукомъ *б* передъ гласной, именно, въ словѣ „ватрушка“, которое звучитъ „батрушка“. Это слово мы слышали въ с. Яблоновѣ Скоп. у., но такъ какъ другихъ подобныхъ примѣровъ намъ не удалось найти, то мы упоминаемъ объ этой особенности лишь вскользь, хотя она извѣстна русскому языку. (См. Колосова. Обзоръ. Стр. 168, 169). Впрочемъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ Тумскомъ краю, извѣстно также произношеніе „обащъ“ вм. „овощъ“.

Замѣны звука б намъ встрѣтились двоякаго рода: этотъ звукъ иногда замѣняется звукомъ *н* передъ гласной, именно, въ словѣ „босикомъ“, которое въ Тумскомъ краю Касимов. уѣзда слышится, какъ „наси́комъ“, или-же звукъ *б*, находясь въ положеніи передъ согласнымъ глухимъ или въ концѣ слова по общему закону перехода звонкихъ въ глухіе переходить въ *н*: аптиса́тъ = обтесать, зопъ = зобъ и проч. Въ Курской губерніи также извѣстна замѣна перваго рода передъ гласной, напр., въ словѣ „шўначку“ = „шўбочку“, шўнка = шўбка (Колосовъ. Обзоръ. Стр. 169). Съ другой стороны, самъ звукъ *н* иногда замѣняется передъ согласной и передъ гласной другими звуками; напр., передъ гласной мы слышали обратную замѣну его, т. е. звукомъ *б*, въ словѣ „балёзнай“ вм. „полёзный“. (с. Яблонино, д. Щелево Скоп. у.). Такимъ образомъ, звукъ *б* замѣняется звукомъ *н*, а звукъ *н* замѣняется звукомъ *б* при одинаковыхъ, повидимому, условіяхъ. Большаго количества примѣровъ на эти замѣны не удалось намъ слышать. Въ положеніи-же передъ согласной звукъ *н* замѣняется звукомъ *т* въ словѣ: „патрѣбовать“ вмѣсто „попробовать“ (Тумскій край Касим. у.). Не вліяла-ли тутъ аналогія какаго-нибудь слова, напр., „утрѣба“ или что-нибудь подобное, сказать трудно.

Замѣны звука м. Звукъ *м* передъ звукомъ *б* очень часто замѣняется звукомъ *н*, какъ и вообще губной-носовой звукъ *м* въ влр. языкѣ имѣетъ способность переходить въ зубной-носовой *н* даже и передъ гласнымъ слѣдующимъ звукомъ. Напр., передъ *б* мы видимъ *н* вмѣсто *м* въ словѣ Тамбѣвъ вм. Тамбѣвъ въ одной Челобитной 1655 года (Пискаревъ. Агты. № 30), также, напр., въ словѣ тѣмба вм. тѣмба и др. Передъ гласной въ рязанскомъ нарѣчьи *м* довольно рѣдко переходить въ *н*: такъ, намъ встрѣтилось слово „нѣма“ вм. „мѣмо“ (с. Сопчаково Сапожковск. уѣзда), хотя наклонность къ такой замѣнѣ звука *м*, очевидно, въ нарѣчьи существуетъ, что видно изъ произношенія клички собаки „Нѣмба“ вм. „Мѣмба“ (Сапожков. у.

ibid.). Въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ замѣтна какая-то диссимиляція носовыхъ звуковъ. Наоборотъ, звукъ *н* при такомъ-же положеніи, передъ гласнымъ, способенъ переходить въ звукъ *м*, и это наблюдается въ рязанскомъ нарѣчьи повсемѣстно, какъ и вообще въ великорусскомъ языкѣ: Микита, Микѣла, Микифаръ и проч. Сюда же слѣдуетъ отнести интересные случаи замѣны звука *м* въ серединѣ слова передъ гласной, напр., Харла́нафъ вмѣсто Харла́мовъ (фамилія) и передъ согласной: Евла́мтій вм. Евла́мпій (Тумск. кр. Касим. у.), гдѣ замѣчается переходъ обоихъ губныхъ въ зубные по ассимиляціи звуковъ.

Замѣны звука ф. Весьма распространенной почти во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи является замѣна звука *ф* звукомъ *х* или *хе* (иногда *хф*), такъ что, собственно говоря, звукъ *ф* почти неизвѣстенъ простому народу, хотя нельзя сказать, чтобы его совсѣмъ не было: иногда онъ слышится и на своемъ мѣстѣ, и вмѣсто звука *е* въ концѣ словъ, гдѣ обыкновенно звонкіе переходятъ въ глухіе звуки. Но иногда произношеніе конечнаго звука *е* въ закрытомъ слогѣ, какъ *ф*, служитъ причиной новообразованій, гдѣ вслѣдствіе одинаковости произношенія звуковъ *е* и *ф* въ указанномъ положеніи появляется передъ гласнымъ звукомъ, т. е. въ открытомъ слогѣ, звукъ *е* вмѣсто *ф*, какъ будто бы форма слова была произведена отъ такого слова, въ которомъ послѣднимъ согласнымъ былъ звукъ *е*, а не *ф*. Такъ, напр., слово „штофъ“ въ предложномъ падежѣ мы слышали „въ што́ви“ = въ што́фѣ, а именит. п. множ. числа — „штаза́“ = што́фы (с. Яблоново Скоп. у.). Другіе примѣры замѣны звука *ф* звукомъ *х* и *хе*: хавра́ль = февраль, штра́гованъ, хеу́нтъ, канхвѣ́тка, Хе́бдаръ, хевартѣ́ра, фу́торъ, ку́фна, куфа́рка, хва́ртукъ, Хамина́ нядѣ́ля, пинафа́йда = панихѣ́да (села и деревни: Пѣрики, Яблоново, Бараково, Павелецъ, Корневое, Рюмки, Свистовка, Съвирня, Рудинка, Скопин. уѣзда, с. Петрово Рязск. у.). Далѣе: хви́линъ = фи́линъ (Черные Курганы Скопинск. у.). Ха́ртукъ, Хе́бдаръ, хва́тѣ́ра (с. Ижевское

Спасск. у.), *хватѣра* и *хфатѣра* (с. Юшта Спасск. у.); такъ-же произносятся, по собраннымъ нами свѣдѣнiямъ, въ сс. Тереховѣ, Инякинѣ, Деревенскомѣ, Спасскомѣ, Иваньковѣ Спасскаго уѣзда, а равно и въ селахъ: Киструсь, Гавриловскомѣ, Стариковѣ, Горицахъ и принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ тоже Спасскаго уѣзда. Отмѣтимъ еще: Хѣдарь и Хѣдька, сараганъ (сарафанъ), ханаръ (фонаръ), кохта (кофта) — сс. Ерахтуръ, Нармушадь, Куземкино Касимов. уѣзда, гдѣ, по сообщенiямъ, звукъ *ф* вообще почти никогда не слышенъ, а замѣняется звукомъ *х*. Точно такъ-же въ Тумскомъ краю Касимов. уѣзда: „на хатѣри“, кохта, Хвѣдарь, Хвѣкола (Хеко́ла), Хилипъ (Филиппъ), Цужѣйлово и Цужѣйлоская (=Чужѣйлово и Чужѣйловскiй — селенiя) или Чужѣйлоская. Въ Михайловскомѣ, Сапожевскомѣ, Зарайскомѣ, Пронскомѣ и Рязанскомѣ уѣздахъ также всегда *ф*атѣра, пана*ф*йда, иногда *ф*уторъ вм. *х*уторъ и Хама вм. Ома и друг. (Срв. Тихвинскаго. Говоръ Яросл. губ. Р. Ф. В. 1890. N 3, стр. 52). Изъ предыдущаго видно, что и южновеликорусскому языку извѣстна замѣна звука *ф* звукомъ *х* или *хв* и наоборотъ, хотя въ малорусскомъ языкѣ она еще чаще встрѣчается. (Срв. Соболевскаго. Лекцiи. 2-е изд., стр. 125 — 126, гдѣ есть неточность относительно замѣны звука *ф* звукомъ *х* въ ювр. языкѣ). Замѣчанiе проф. Соболевскаго относительно того обстоятельства, что замѣна звука *ф* звукомъ *х* будто бы рѣдко встрѣчается въ ювр. и свр. языкѣ, находится въ противорѣчiи съ фактами, собранными Колосовымъ въ его „Обзорѣ“ (стр. 171), и съ фактами, приводимыми здѣсь выше изъ рязанскаго нарѣчiя. Эта взаимная мѣна звуковъ *ф* и *х* завѣщана стариной: мы читаемъ въ Записи 1510 года (Пискаревъ. N 10): „сынъ Екимьевъ“, а въ Рапортѣ Спасскаго монастыря 1650 года (Ряз. Достопамятности. Стр. 60. Труды Ряз. Ученой Арх. Ком. Т. IV) — Евтiеей вмѣсто Евтiхiй. Въ сѣверно-влр. нарѣчiи также: йфонты (Гильфердингъ. Онежск. Был. Стр. 1076), пофасташъ, фостъ и проч. (ibid. 1106, 1107).

Наконецъ, въ рязанскомъ нарѣчiи извѣстна замѣна

звука *ф* звукомъ *п* передъ гласными: *пёршалъ* (фёршалъ = фельдшеръ) — с. Спасское (Спасск. уѣзда, потрапѣить = потрафить (Малая Олѣшня Рязск. у., с. Яблоново и др. Скоп. уѣзда).

Зубные звуки. Здѣсь прежде всего замѣтимъ переходъ мягкаго звука *т* въ *ч* въ словѣ „стрѣчене“, „встрѣчене“ (вѣроятно, въ связи съ словомъ „встрѣча“). Такъ, мы постоянно слышимъ: „живётъ у встрѣчи^ня“ (названіе деревни), „жа встрѣчи^ню“, „званіть у стрѣчи^ня“ и т. п. Но иногда это слово слышится и безъ вставочнаго звука *т*: „у срѣчи^ня“.

Вставка звука т. Звукъ *т* иногда вставляется между согласными и на концѣ слова послѣ звука *н*: *стрѣчи^нье*, *страмъ*, *страматйтца* — неопр. накл. = срамиться (с. Яблоново. Скоп. у.), *плантъ*, *плантъ*, *рязовтъ*, „такимъ жа *плантамъ*“ = такимъ-же манеромъ (с. Вóслабово. Скоп. у.), онъ *плантѹя* — 3 л. ед. числа вм. „*плантѹеть*“ = *размѣрять* (с. Мишино, Михайловскаго уѣзда).

Звукъ *т* иногда замѣняется звукомъ *л*, напр., въ словѣ: „*мѣласливай*“ вм. „*мѣлостивый*“, но можетъ быть, что въ этомъ словѣ произошло просто выпаденіе звука *т*, упрощеніе, какъ „*жѣласливай*“ вм. „*жѣлостливый*“, если допустить подобное же образованіе съ суф. *-мѣ* и въ прилагательномъ отъ сущ. *мѣлость*, какъ отъ сущ. *жалость*, тѣмъ болѣе, что оба эти существительныя, какъ и прочія, имъ подобныя по образованію, въ говорѣ слышатся безъ звука *т*: „*мѣласъ*“, „*жѣласъ*“. Вообще, въ отношеніи упрощенія согласныхъ сочетаній подъ вліяніемъ ассимиляціи рязанское нарѣчіе, какъ и слѣдуетъ, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ влр. нарѣчій. (Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 103—104).

Звукъ *д* иногда переходитъ въ *т* въ срединѣ слова передъ гласной и согласной, а иногда въ звукъ *н* — тоже въ срединѣ слова или при сочетаніяхъ съ звукомъ *н*. Такъ, напр., мы слышимъ: *наратнай* вм. *параднѣй*, *фунтаментъ* вмѣсто *фундаментъ* (с. Корневое. Скопинск. у.).

Въ звукѣ *н* переходъ звука *д* наблюдается повсемѣстно въ словѣ *кажнай* вм. *каждый* и особенно въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда, гдѣ постоянно слышимъ: *анна*=одна, *аннажды*=однажды, *съ аннаво*=съ одного, *угодно*=удобно, *виinna*=видно, два *нии*=два дни, *Ильина ний*=Ильина дня, *лаinna*=ладно, *абъинна*=обѣдня, по *аннамѹ*=по одному и проч.

Звукъ *ц* переходитъ иногда въ *т*, иногда въ *с*: слово „цвѣтъ“, „цвѣтеть“ произносится въ вольныхъ селахъ и деревняхъ нерѣдко такъ: „твѣтъ“, „твѣты“, „рошь твѣтѣтъ“=рожь цвѣтѣтъ (*е* означаетъ *е*, а не *ё*; см. Пупки, Топила, Баршное, Чернава Скоп. уѣзда). Въ Касимовск. уѣздѣ также: „атъвалѣ рошь“, твѣтѹтъ — 3 л. множ. ч. и проч. Явленіе это въ русскомъ языкѣ сравнительно новое, не ранѣе XV—XVI вѣка. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 118). Что же касается рязанскаго нарѣчія вообще, то оно, какъ можно судить по этому признаку и по разсмотрѣннымъ выше, въ нынѣшнемъ его составѣ восходить не ранѣе, какъ тоже къ XV—XVI вѣку. Въ барскихъ селахъ и принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ обыкновенно слышимъ: *святѹ*, *святѹкъ*, *святѣтъ* и проч. (с. Яблоново, Щелево, Перики, Бараково Скоп. уѣзда). Наоборотъ, звукъ *с* всегда переходитъ въ *ц* повсемѣстно въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на *-ся* послѣ *-тъ*: *купѣтца*, *дрѣтца*, *просѣтца* и проч.; иногда твердость согласныхъ *т* и *ц* въ данномъ случаѣ бываетъ очень замѣтна, такъ что въ неопр. наклоненіи слышится почти окончаніе *-ца*. Въ рязанскомъ нарѣчіи въ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе *ся*, присоединяемое къ глаголамъ, произносится *-си*: *взялси*, *дралси*, *жанилси* и т. п., но объ этомъ мы скажемъ въ отдѣлѣ мѣстоименій, въ морфологіи.

Звукъ *с* также переходитъ иногда въ *ш* и наоборотъ: повсемѣстно — *шашнѣтцѣ*=шестнадцать, *рашѣѣльники*=раскольники (Тум. край, Касим. уѣзда), *шашникий*=сошникъ, *пѣлица* (с. Корнево Скоп. у.), повсемѣстно — *страшнѹй*, *страшная нѣдѣля*=страстной, *страстная нѣдѣля*; *штра*

хованъ = страхованъ и проч. Звукъ *ш* переходить въ *с* всегда въ окончаніи 2-го лица ед. числа глаголовъ *-шь*, если за нимъ слѣдуетъ *-ся*, возвратное мѣстоименіе: *ложьсьси* = ложисься, *дярёсьси* = дерисься, *вымайсьси* = вымоешься, *нажарисьси* = нажарисься, *ашыбе'сьси* = ошибёшься (с. Вослябово Скоп. у.), *апалисьси* = опалишься, *разгуляйсьси* = разгуляешься и проч. Далѣе въ словѣ: *смыслѣнай* вм. *смыслѣный*, вѣроятно, черезъ форму „смыслить“: „онъ ня смысла“ = онъ не смыслить (с. Вослябово и другія вольныя села). Сравнительная степень отъ этого прилагательнаго — *посмыслѣнай*, гдѣ *е*, вѣроятно, обусловлено вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога. (С. Вослябово Скоп. уѣзда. Срв. выше о замѣнѣ звука *е* звукомъ *ё* (ѣ) въ отдѣлѣ гласныхъ. Вообще, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ вольныхъ селахъ рязанскаго нарѣчія выступаетъ во многихъ случаяхъ архаизмъ языка; напр., вліяніе слѣдующаго мягкаго слога, который препятствуетъ расширенію предыдущаго гласнаго *е* въ *ё* въ глагольныхъ формахъ, имѣющихъ мягкое личное окончаніе. Объ этомъ см. въ отдѣлѣ глаголовъ, въ морфологіи.)

Носовые звуки ж и н. Здѣсь мы скажемъ только о зубномъ-носовомъ звукѣ *н*, такъ какъ о губномъ-носовомъ *м* мы говорили въ отдѣлѣ губныхъ звуковъ и видѣли замѣну звука *н* звукомъ *м*. (Миколай, Мина вм. Нина, между прочимъ, въ Зарайскомъ уѣздѣ и т. п.). Замѣчательно повсемѣстное смягченіе звука *н* передъ звукомъ *ц*: напр., *сѣнца* — имен. и вин. падежъ = солнце, „на *сѣнца*“, „*сѣнца* нѣтъ“ и проч., *зварѣнцафъ* — род. пад. мн. ч. отъ слова „зварѣнецъ“, *канѣцѣмъ* — твор. пад. ед. ч. отъ слова „конецъ“, *платѣнца* или *палатѣнца* — имен. и род. пад. ед. ч. отъ слова „полотѣнце“, *палѣнца* — им. ед. ч. отъ слова „полѣнце“, *Румѣнцафъ* — фамилія Румянцевъ, „въ Ильѣнцу“ — предл. пад. отъ слова „Ильѣнецъ“ (Ильѣнацъ — названіе села въ Скоп. уѣздѣ — Ильинское), *Аманьцы* (поселяне с. Аманова, Скоп. у.), *Ярлѣнцы* (поселяне села Ерлина, Скоп. уѣзда), *дѣнѣ* = дѣнце,

дно. По собраннымъ свѣдѣніямъ, такъ говорятъ въ Скопинскомъ уѣздѣ (сс. Яблоново, Моховое, Ерлинъ, Аманово, Ильинское, Немѣрово, Гремячка, Журавинка, Корневое и др.), въ Спасскомъ уѣздѣ (сс. Гавриловское, Киструсь, Деревенское, Стариково, Горицы, Городецъ и др.), въ Зарайскомъ у. (сс. Булыгино, Николо-Кобыльское, Щурово и др.), въ Касимовскомъ уѣздѣ (сс. Ерахтуръ), Нармушадъ, Куземкино и др.), въ Рязанскомъ уѣздѣ (сс. Поляны, Солодча, Самсоново и др.), въ Сапожковскомъ уѣздѣ (сс. Сопчаково, Путятино и др.). Эту особенность звука *и* раздѣляетъ и звукъ *р* въ рязанскомъ нарѣчій, находясь передъ звукомъ *ц*, да и вообще звукъ *р* обнаруживаетъ склонность къ смягченію во всѣхъ уѣздахъ, чѣмъ рязанскій звукъ *р* рѣзко отличается отъ бѣлорусскаго звука *р*, отвердѣвшаго еще въ XVI-мъ столѣтіи окончательно ¹⁾. Примѣромъ такого отвердѣвшаго *р* въ концѣ слова и перешедшаго въ языкъ образованныхъ классовъ, въ языкъ литературный, можетъ служить звукъ *р* въ словѣ „теперь“ вм. „теперь“ (раз. тапѣрь, тапѣра, тапѣрича и тяпѣрь).

Объяснить себѣ происхожденіе этого мягкаго звука *и* передъ *ц* мы не можемъ, но этимологически онъ можетъ быть оправданъ, такъ какъ стоитъ передъ суф. *иц*, сохраняя воспоминаніе о присутствіи *ъ*, оставившаго по себѣ слѣдъ въ мягкости произношенія предшествующаго согласнаго.

Замѣтимъ еще чередованіе звуковъ *и* и *л* или замѣну звука *и* звукомъ *л* въ нѣкоторыхъ словахъ въ рязанскомъ нарѣчій. Эта замѣна, конечно, встрѣчается и въ другихъ нарѣчійхъ великорусскаго языка, но въ рязанскомъ она нѣсколько болѣе распространена. Напр., мы встрѣчаемъ произношенія: малѣстѣрь вм. монастырь (гдѣ *ѣ* = почти *ъ*), фанталъ вм. фонтанъ, палаталоны вм. панталоны; наоборотъ: шкатунка вм. шкатулка, также: шыкатунка и щикатунка, цалованьице вмѣсто цѣловальникъ (с. Старый Келець), маненьки, маинькай вм. маленький (с. Кремлево, Скоп. у. и друг.).

¹⁾ *Недешевъ*. Ук. Соч. Стр. 30—32. Примѣры такого твердаго *р* см. ниже, въ отдѣлѣ плавныхъ звуковъ.

Наконецъ, въ словѣ „вѣтрива“ вм. „вѣтрено“ можно усматривать замѣну звука *н* звукомъ *в*, если не считать этого слова „вѣтриво“ словомъ другого образованія, съ другимъ суффиксомъ, на что, кажется, имѣется достаточное основаніе въ единичной замѣнѣ звука *н* звукомъ *в* встрѣтившейся намъ только въ этомъ словѣ въ рязанскомъ нарѣчій.

Плавные звуки л и р. Въ области плавныхъ звуковъ замѣтимъ прежде всего замѣну этихъ звуковъ другимъ. Это явленіе обыкновенно наблюдается въ тѣхъ словахъ, гдѣ встрѣчается по два *р* или по два *л* въ разныхъ слогахъ. Напр., калидѣрь, проблудь, флигарь и флигарѣкъ (флигель, флигелекъ), кленьдарь, кленьдарюшка вм. крѣндель, крѣнделюшка, но и кленьдель (с. Рюмки, Скоп. уѣзда), сиклятарь вм. секретарь, дилѣхтарь вм. директоръ, сталавѣрь вм. старовѣрь, бальберъ вм. барьеръ (с. Малая Олѣшья Рязск. у.), лясѣры вм. ресѣры (с. Рождествено Скоп. у.), апи^орьсинъ вм. апельсинъ. Чередованіе *р* и *л* мы замѣтили въ словахъ: чилѣнокъ (воробей) — чилѣта и и чирѣта, чилиеать и чиривать (срв. крѣнуть и кліе-нуть, крѣкъ и кліеъ) и др. Проф. Соболевскій (Лекціи. 2-е изд., стр. 123—124) усматриваетъ въ этомъ явленіи диссимиляцію плавныхъ звуковъ, но, кажется, проще здѣсь видѣть замѣну одного звука другимъ не съ цѣлью диссимилировать непременно одинаковые плавные звуки, такъ какъ такой диссимиляціи противорѣчатъ нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, между тѣмъ какъ простая замѣна подтверждается и вышеприведенными примѣрами и примѣрами у проф. Соболевскаго на стр. 123. Эта замѣна происходитъ независимо отъ того, находится-ли въ словѣ два одинаковыхъ плавныхъ звука, или нѣтъ, и мы ее видимъ постоянно въ такихъ словахъ, гдѣ стоитъ всего одинъ только какой-нибудь плавный; такая замѣна идетъ изъ глубокой старины.

Выше мы говорили о смягченіи звука *р* въ рязанскомъ нарѣчій въ положеніи передъ звукомъ *ц*. Объ этомъ

смягченіи мы можемъ сказать то-же самое, что говорили по поводу смягченія звука *н*, такъ какъ они смягчаются при одинаковыхъ условіяхъ. Что-же касается другихъ случаевъ мягкаго произношенія звука *р* въ рязанскомъ нарѣчій, то объ нихъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить вообще о смягченіи и отвердѣніи согласныхъ звуковъ въ рязанскомъ нарѣчій. Примѣры такого мягкаго *р* передъ *ч* мы видимъ, напр., въ словахъ: *сѣръца* — им. п. ед. ч. вмѣсто „сѣрдце“, *дварьца* — род. п. ед. ч. отъ слова „дворецъ“, *ахурьцы* = огурцы, *аднадворьцы* = одnodворцы (с. Бараково, Перки — „Перики“, по народному произношенію, Яблоново, Рождествено и друг. Скоп. уѣзда).

Передне-небные (шипящіе) звуки. Отличительной чертой рязанской фонетики служить также произношеніе звука *щ* какъ *ши*; это произношеніе распространено повсюду и принадлежитъ поэтому къ отличительнымъ особенностямъ рязанскаго говора. Правда, что иногда слышится въ произношеніи *шч* вмѣсто *ши*, хотя рѣже, а произношеніе *щ* встрѣчается совсѣмъ рѣдко, и только въ городахъ. Звукъ *щ* удержался только въ вольныхъ селахъ и деревняхъ въ мѣстоименіи „что“, которое здѣсь всегда произносится *що* (вѣрнѣе *щѣ*) и составляетъ отличительный признакъ говора вольныхъ крестьянскихъ селъ и деревень. въ отличіе отъ барскихъ селъ и деревень, гдѣ, какъ и въ городахъ, произносится „што“. Поэтому напрасно проф. Соболевскій (Лекціи. 2-е изд., стр. 102) думаетъ, что произношеніе „*що*“ извѣстно только въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ. Такое произношеніе звука *щ*, какъ *шч*, есть собственно древнее русское произношеніе, такъ какъ *щ* представляется комплексомъ звуковъ *ш* и *ч*, т. е. *шч*, и это произношеніе принадлежало русскому языку до окончательнаго отвердѣнія шипящихъ звуковъ, такъ что звуковое сочетаніе *ши* является какъ-бы вторичнымъ, происшедшимъ изъ *шч* послѣ ассимиляціи звука *ч* съ звукомъ *ш*; нынѣшнее рязанское *ши* почти вездѣ произносится твердо. Для примѣра приводимъ нѣсколько словъ

шáеть—3 л. ед. ч.=смущáеть, пришшамíть=прищемíть, вы́кряшшенъ=вы́кременъ, въ шшалѣ=въ щелѣ—предл. пад. ед. числа отъ слова „щель“, шшарбáтая=щербáтая, трияшшѣла=трещáла и друг. Такое произношеніе звукового сочетанія *щ* есть всеобщее въ Рязанской губерніи; его мы находимъ во всѣхъ уѣздахъ: въ Скопинскомъ, въ Спасскомъ, въ Рязанскомъ (напр., въ Бѣльской волости), въ Касимовскомъ, въ Егорьевскомъ, въ Сапожковскомъ, въ Зарайскомъ (хотя въ послѣднемъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, произношеніе *ши* вмѣсто *щ* не повсемѣстное: есть мѣста, гдѣ слышится ясно *щ*), въ Михайловскомъ, въ Данковскомъ, въ Пронскомъ, въ Рязкомъ и Рязанбургскомъ, — и во всѣхъ мѣстностяхъ, названія которыхъ приводились нами выше въ нашемъ трудѣ.

Иногда звуковое сочетаніе *щ* замѣняется звукомъ *ч*, напр., смучáю вмѣсто смущáю—с. Вослябово и друг. Скопинск. уѣзда.

Произношеніе же *щ*, каеъ *ши*, извѣстно давно рязанскому говору, и надо думать, что оно въ рязанскомъ говорѣ принадлежитъ къ числу исконныхъ его особенностей, т. е. начало жить въ этомъ нарѣчій съ тѣхъ самыхъ поръ, съ которыхъ обособилось само нарѣчіе, т. е. вѣка съ XV—XVI, когда рязанское нарѣчіе выработало свой нынѣшній типъ. Таеъ, мы читаемъ въ одной грамотѣ Солотчинскому монастырю, принадлежащей первой половинѣ XV-го вѣка (Пискаревъ. Ук. Соч. N 3), слово: „боровшииъ“, въ другой грамотѣ XV-го же вѣка (ibid. N 8): „ямшииъ“ и „боровшииъ“. Въ Отпискѣ чернеца Тарасія преосв. Юсифу, митрополиту Рязанскому и Муромскому, съ представленіемъ трехъ грамотъ, относящихся до постройки Собора въ Переяславлѣ Рязанскомъ, 1674—1682 года, читаемъ: „каменшиковъ“ (Пискаревъ N 40), въ Записи 1677 года о построеніи города и собора въ Переяславлѣ Рязанскомъ читаемъ: каменшиковъ и каменъшикомъ, толиною (ibid. N 43), въ одной Заемной Памяти 1681 года (Пискаревъ N 47) встрѣчаемъ: „займшикомъ“. Наконецъ, собственное имя „Солодча“, „Солодчинскій“ встрѣ-

чается часто съ такимъ написаніемъ: Солоди^иу — вин. п. ед. ч., Солоди^иинскій или Солоди^иинскій, а иногда и: Солоди^иу, Солоди^иинскій. (См. напр. Пискарева NN 1, 5, 6, 10, 9, 8, 7, 12 и друг.).

Звукъ *и* иногда не принимаетъ этого мягкаго произношенія, если онъ образовался отъ звука *х*, а остается этотъ послѣдній звукъ *х* вмѣсто *и*; напр. ўхи в^м. уши (Рязскъ), дых^атъ, слѣх^ай и проч. — Рязскъ. Хотя, вѣроятно, извѣстны и другія произношенія, и приведенные случаи могутъ свидѣтельствовать лишь объ образованіи по аналогіи: ўхи — ўхо, дых^атъ — дых^аніе, слѣх^ай — слѣх^а и проч.

Зато самъ по себѣ звукъ *и* въ окончаніи 2-го лица ед. ч. глаголовъ наст. времени, находясь передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся*, которое въ рязанскомъ нарѣчій обыкновенно произносится *си*, обращается по ассимиляціи тоже въ *с*: ашыбѣсьси (въ вольныхъ селахъ) = ошибѣсься, лажысьси — 2 ед. = ложисься, дярѣсьси = дерѣсься, вѣмасьси = вѣмоешься и проч. (См. выше, въ отдѣлѣ о звукахъ *с*).

Звукъ *ж* въ иныхъ словахъ переходитъ въ *ч*: напр., хлѣбъче(й) = хлѣбже, сравн. ст. отъ прилагательнаго „глу^бокій“; фонетически-правильное написаніе для передачи рязанскаго произношенія въ этомъ словѣ было-бы: хлѣпъчей и хлѣпъче*, такъ какъ въ этомъ словѣ мы слышали произношеніе и безъ послѣднаго *й*, присоединяемаго обыкновенно въ рязанскомъ говорѣ къ краткому окончанію сравнительной степени. Это-же слово слышится и въ другой формѣ, съ другимъ образованіемъ, безъ суф. *чи*, именно, „хлѣбѣй“ или хлѣбѣй“. Во всякомъ случаѣ въ формѣ хлѣпъчей звукъ *ч* стоитъ вмѣсто древняго *и*, что видно изъ стрсл. формы сравн. ст. ж. р. гл^гельши, такъ что прямой потомокъ этой формы былъ-бы *хлѣбше, но въ влр. языкѣ звукъ *и* въ этомъ словѣ перешелъ въ звонкій *ж* подъ вліяніемъ предшествующаго звонкаго звука *б*, случай довольно рѣдкій. Разсматривая съ исторической точки зрѣнія, рязанское произношеніе этой сравнительной сте-

пени держится до сихъ поръ ближе къ старинѣ, чѣмъ произношеніе другихъ губерній и литературное—„глубже“.

Случаи перехода звука *ж* въ *з* въ рязанскомъ нарѣчій почти не встрѣчаются, и намъ извѣстенъ одинъ только примѣръ изъ Касимовскаго уѣзда произношенія залѣза вмѣсто жалѣза или жылѣза (Тумскій край). Такъ-же произносится это слово: зылѣза въ Касимовск. уѣздѣ, въ сс. Ерахтурѣ, Нармушади, Куземкинѣ. Это явленіе, какъ видимъ, очень рѣдкое, если звукъ *ж* стоитъ передъ гласнымъ, но если онъ стоитъ передъ согласнымъ, то переходъ его въ *з*, именно, передъ суффиксомъ *си*, наблюдается постоянно, и это объясняется ассимиляціей звуковъ, за которой слѣдуетъ потомъ сокращеніе или упрощеніе согласныхъ сочетаній. Такъ, мы всегда слышимъ: Рязкѣ или Рязское, Рязкое, въ Рязкомъ вмѣсто Рязскѣ, въ Рязскѣ и проч. Это слово также давно такъ произносится въ рязанскомъ нарѣчій, на что мы находимъ указаніе въ одной грамотѣ бояръ Трубецкого и Заруцкаго пронскому воеводѣ 1612 года (Пискаревъ. N 21), гдѣ читаемъ: „въ Рязкомъ велѣли ямъ устроить“. Или, напр., въ Выписи съ Рязскихъ писцовыхъ книгъ 1629 года читаемъ: „Въ Рязкомъ внутри города мѣсто дворовое“ (Пискаревъ. N 26) и друг. Обратную замѣну звука *з* звукомъ *ж* мы видимъ въ такихъ словахъ, какъ: дразнить *вм.* дразнѣтъ и др.

Повсемѣстной особенностью великорусской фонетики, раздѣляемой и рязанскимъ нарѣчiemъ, служитъ произношеніе звука *ч* въ группѣ согласныхъ передъ звукомъ *и*, составляющимъ суффиксъ прилагательнаго, какъ *и*, т. е. переходъ звука *ч* въ звукъ *ш* въ указанномъ положеніи. Такъ, мы всегда слышимъ: „падьянѣшная платя“, „табашнай“, „скушная“, „ахурѣшная“, „святѣшная“ = цѣлѣтѣшный, „дабышнай“ = добычный (мужикъ, напр.). Но также: „пѣшита“ *вм.* пѣшита, и обратное явленіе перехода звука *ш* въ звукъ *ч* мы видимъ въ словѣ: „раскѣшная жысь“ вмѣсто „роскѣшная жизнь“ (сс. Кельцы, Корнево Свѣопин. у.). Слово „овощной“ по правилу произносится „авашной“, такъ какъ, по вышесказанному, въ рязанскомъ

нарѣчій вообще *иц* = *иш* или *ш*. Сравни произношеніе „апрішъ“ вм. „опрічъ“ въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда.

Наконецъ, къ числу частныхъ признаковъ рязанскаго нарѣчія, извѣстныхъ только мѣстами, но не повсемѣстно, относится чередованіе звуковъ *ч* и *ц* и ихъ взаимная мѣна. Это явленіе извѣстно по преимуществу въ Касимовскомъ, въ Егорьевскомъ и въ Спасскомъ уѣздахъ, хотя у насъ есть основаніе для предположенія, что такое звуковое явленіе, будучи занесено въ эпоху колонизаціи Рязанскаго края сѣверными выходцами-колонистами великороссами, развилось здѣсь въ однѣхъ мѣстностяхъ болѣе, въ другихъ менѣе, но во всякомъ случаѣ нашло благоприятную почву для развитія во всей Рязанской губерніи, и предрасположеніе къ замѣнѣ звука *ч* звукомъ *ц* и обратно коренится въ самомъ рязанскомъ нарѣчій, которому эта замѣна свойственна. Такое звуковое явленіе служить намъ новымъ подтвержденіемъ того положенія, что рязанское нарѣчіе, какъ таковое, не есть исконное, а сравнительно недавно образовавшееся (XV—XVI в.) изъ тѣхъ великорусскихъ и отчасти бѣлорусскихъ элементовъ, указанія на которые мы находимъ въ нынѣшнемъ рязанскомъ нарѣчій. Большее же или меньшее развитіе той или другой звуковой особенности въ разныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи объясняется дальнѣйшей исторіей и образомъ жизни народа, поселившагося въ Рязанскомъ краю еще въ XII—XIII-мъ вѣкѣхъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ (Тумскій край, Чарусь и проч.) мы слышимъ: *ацарѣднай* = *очередной*, *Быцковскимъ* = *Бычовскимъ*, *башмацкй*, *бобыцка* ¹⁾, *вилицають* = *величаютъ*, *вещерню*, *крицють* = *кричатъ*, *цатвѣрхъ*, *царвякъ*, *цець*, *кательцыкъ* = *котельчикъ*, *ницабъ* = *ничаво*, *ничего*, *сицась* = *сейчасъ*, *скуца* = *скаучаетъ* 3 л. ед. ч. наст. вр., *съ кохтыцкуй* = *съ кофточкой*, *самауцкуй* = *самоучкой*, *Василицъ*, *трецью* = *третью*, гдѣ *ц* изъ *ть*, *срѣценья*, срв. общерязанское *срѣченья* — выше, изъ

¹⁾ Игрушечка.

„срѣтенѣ“, х^рашѣни^цка = хорошенечко, х^оц^ышь — 2 л. ед. ч. = х^очешь, ц^ыт^ать, ц^уть, ц^атыр^я. Наоборотъ: авѣч^ь = овецъ, ч^арь = царь, ч^ерков^ь = церковь, ч^ѣп^ь, ч^ап^оч^ька и ч^ап^оч^ька и проч. Слово ч^ѣп^ь, ч^ап^оч^ька — произношеніе повсемѣстное, извѣстное во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. (Мы пишемъ „чѣп^ь“, а не „чѣп^ь“, какъ надо было бы писать, потому, что мы видимъ въ этомъ произношеніи рязанскаго нарѣчія не другое, отдѣльное слово, а тоже самое „чѣп^ь“, гдѣ звукъ *ч* показываетъ лишь способъ произносить всякое *ц*. По отношенію къ рязанскому нарѣчію очевидно, что это слово есть то-же самое — „чѣп^ь“, а не сохранившееся др.-русское „чѣп^ь“. Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 129). Въ Егорьевскомъ уѣздѣ намъ извѣстны произношенія: ч^ерков^ь, овч^а, ч^арь, ч^ап^оч^ька, ц^атыр^я, уч^ан^ица = ученица, это означаетъ „учительница“, уч^ѣтель, уч^ѣлиш^а и уч^ѣлища. Въ Спасскомъ уѣздѣ (сс. Ижевское, Юшта, Терехово, Иняино, Деревенское, Иваньково, дер. Тонино, Нефёдово и др.) слышимъ: ц^ав^о, ч^ап^оч^ька, ч^иг^ан^ь, ч^иг^ан^ьн^ак^ь и др. Въ селеніяхъ: Ерахтурѣ, Нармушади, Куземкинѣ Касимовскаго уѣзда всегда почти звукъ *ч* замѣняется звукомъ *ц*, напр., д^оц^ка, пѣц^ка, ц^ай вмѣсто дочка, печка, чай, а слово „д^оц^ка“ еще обыкновенно переноситъ удареніе на послѣдній слогъ: „дац^ка“. Въ нѣкоторыхъ селахъ Сапожковскаго уѣзда (сс. Путатино, Чутково) также есть эта замѣна: авч^а, ч^арь, царь, ч^ерков^ь, целовѣч^ь, пѣц^ка, цужой. Какъ видно изъ предложеннаго обзора, занимающее насъ теперь звуковое явленіе распространено преимущественно въ сѣверо-западной половинѣ Рязанской губерніи и наблюдается, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, особенно часто въ мѣстностяхъ, населенныхъ когда-то мещерой, мещеряками, такъ что и селенія эти и самый край слывуть до сихъ поръ подъ названіемъ „мещерскихъ“ селъ и „мещерскаго“ края, а самый мещерякъ называется „дуприкомъ“, вѣроятно, за свое цоканье. Есть случаи такой звуковой замѣны и въ Рязанскомъ уѣздѣ (с. Спасъ-Кляпий и другія мещерскія села): поц^ухай = поч^ухай = понѣж^ь — пов. н. „нѣжить“, ц^ав^о =

чаво, чего, турбацѣть = тормошить, пицѣшка = пичѣшка, птичка, цупцѣзникъ = цуполѣзникъ и др. Но что эта замѣна усвоена самимъ рязанскимъ говоромъ и, такъ сказать, лежитъ въ самомъ рязанскомъ нарѣчьи во всѣхъ его частяхъ, это видно. изъ того факта, что нѣкоторые слова съ такой замѣной произносятся во всѣхъ уѣздахъ Рязанской губерніи ¹⁾, напр., слово „чапѣчька“, „чѣпѣ“ извѣстны и постоянно въ ходу и въ Скопинскомъ уѣздѣ (сс. Яблоново, Корнево, Гремяча), и въ Рязскомъ (с. Быково); слова „церемонитѣся“ даже совсѣмъ мы не слышали, а постоянно слышали: чирямонитца, также „причандалы“. (Въ Словарѣ Даля помѣчено только Курской губерніей, и онъ пишетъ „причиндалы“, но въ Рязанской губерніи такъ не произносятся. Словарь Ж. В. Я. s. v.). Несомнѣнно, въ былое время около нынѣшняго Рязанскаго края группировались цѣлая масса нарѣчій русскаго языка, къ которымъ принадлежало прежде всего новгородское, псковское и полоцко-смоленское нарѣчія; суздальское нарѣчье, составлявшее какъ-бы часть новгородскаго и жившее одною жизнью съ нимъ, въ XIV-мъ вѣкѣ цѣло, на

¹⁾ Что рязанцы смѣшиваютъ звуки ч и ц, на это указываетъ слѣдующій интересный случай: когда я, находясь подъ впечатлѣніемъ прочитанной статьи Даля о рязанскомъ нарѣчьи (О нарѣчьяхъ. Стр. LXII), началъ толковать съ одной крестьянкой деревни Щелева Скоп. уѣзда и спросилъ ее: „Что у васъ называется цупцѣзникомъ? Что значить: цупцѣзни яво цупцѣзникомъ?“ То получилъ отъ нея отвѣтъ слѣдующій, который я и записалъ: „Што такія чупцѣзники? Я ня знаю ѣтава: учупцѣзни чупцѣзникамъ“. „Какой такой чупцѣзникъ?“ Она хотѣла повторить слово за мной, но повторила его со звукомъ ч вмѣсто ц. Другой примѣръ: когда я былъ въ селѣ Корнево Скоп. уѣзда, то разговаривая съ однимъ крестьяниномъ о мѣстной церкви и, слыша, что онъ называетъ ее „цѣрковь“, т. е. со звукомъ ц, а не ч, я замѣтилъ ему, что всегда слышалъ это слово такъ: цѣрковь, а не церкви, и что онъ, вѣроятно, картавый. На это онъ мнѣ сказалъ: „и у насъ скажутъ „цѣркафъ“! Вѣдь, павабѣрка-та аднѣ, што цѣркафъ, што цѣркафъ“.

что мы находимъ указанія въ спискѣ Лаврентьевской лѣтописи 1377 года, гдѣ довольно часто встрѣчаемъ замѣну звуковъ *ч* и *ц*, а, какъ ближайшіе сосѣди въ Рязанскому краю, суздальцы, конечно, находились въ числѣ колонистовъ въ Рязанскомъ княжествѣ¹⁾. Такъ, въ Лавр. спискѣ находимъ: *ци* *вм.* *чи*—вопросит. частица—119. 1. (Стр. 119, столб. 1, по изданію фотолитографированному), *отцѣство*—л. 77, *аци* *вм.* *ачи*—союзъ, л. 132, столб. 1. Затѣмъ: *ис* Торцьскаго—подъ 1184 годомъ *вм.* *ис* Торцьскаго (городъ), какъ въ другихъ спискахъ; Лучская—подъ 1185 г. *вм.* Лучская, какъ въ другихъ спискахъ, и др. Вообще, надо замѣтить, что языкъ Лаврентьевскаго списка начальной лѣтописи съ фонетической стороны представляетъ замѣчательное сходство съ фонетикой рязанскаго говора, и это обстоятельство даетъ намъ право предполагать, что главнѣйшей составной частью рязанскаго нарѣчія служило нарѣчіе сѣверно- и средне-великорусское; что же касается *аканья*, то оно не замѣчается въ спискѣ лѣтописи потому, что языкъ ея не былъ чисто-народнымъ, а съ примѣсью церковнаго, книжнаго элемента, хотя *аканье* въ XIV-мъ вѣкѣ несомнѣнно уже установилось, какъ было говорено объ этомъ выше, и, развившись въ Москвѣ и около нея, перешло отсюда вмѣстѣ съ московскими выходцами въ Рязанскую землю. Такимъ образомъ колонизація Рязанскаго края, по всей вѣроятности, шла по преимуществу съ сѣвера и вносила съ собой въ языкъ мѣстнаго населенія особенности московскаго и сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Не лишено основанія мнѣніе, приводимое, но не раздѣляемое Далемъ (О нарѣчіяхъ. LXII), что на сѣверѣ Рязанской губерніи говорили прежде на *о*, т. е. *окали*; мы основываемся на томъ фактѣ, что передразнивая очень старыхъ старухъ, здѣсь стараются передать ихъ слова съ произношеніемъ на *о*, говоря, что такъ говорятъ старые люди, и смѣясь надъ этимъ; а затѣмъ намъ при-

¹⁾ См. *Иловайского. Исторія Рязанскаго княжества*. Гл. I. Стр. 7. Пр. 5., Гл. II. Стр. 39—55. М. 1884.

шлось самимъ слышать разговоръ одной старухи изъ деревни Пронскаго уѣзда, которая произносила „молѳдчикъ“ и „проо“ вмѣсто „праа“ = право (= въ самомъ дѣлѣ). „Соколикъ“, „поди-ка“, с. Дурново Пронскаго у. Быть можетъ, сначала слѣды сѣверно-великорусскаго (или точнѣе — владимирскаго и суздальскаго) нарѣчія слышались явственнѣе, чѣмъ теперь, въ рязанскомъ говорѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя цоканье рязанскаго говора считать элементомъ не русскимъ, а мещерскимъ въ Рязанской губерніи, въ виду неконнаго цоканья сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, видѣть въ этомъ явленіи указаніе на сѣверную колонизацію Рязанскаго края. Въ свр. нарѣчій издавна и до сихъ поръ это цоканье составляетъ отличительную черту; для примѣра достаточно обратиться къ Сборнику былинь Гильфердинга или Рыбникова, чтобы убѣдиться въ распространенности этой звуковой замѣны *ц* и *ч*. Постоянно встрѣчающееся у Гильфердинга въ былинахъ „Илья Муромецъ“ (напр., былина о Дюкѣ. Столб. 1036) очень напоминаетъ рязанское выраженіе: „откуда молодецъ“? — „Спасскій купецъ“! Выраженіе, которымъ хотятъ обыкновенно съ шуткой указать на цоканье. Такимъ образомъ, выводы на основаніи данныхъ современнаго рязанскаго говора вполне соответствуютъ выводамъ на основаніи историческихъ памятниковъ относительно состава и образованія Рязанскаго княжества, которое, подобно Суздальскому, обязано своимъ существованіемъ системѣ княжеской колонизаціи ¹⁾ и не имѣло въ своихъ предѣлахъ никакихъ мѣстныхъ особенностей *неконнаго* рязанскаго нарѣчія, какъ части древне-русскаго языка.

Переходъ звонкихъ въ глухіе звуки. Это явленіе самое обычное во всемъ великорусскомъ языкѣ и состоитъ оно собственно въ ассимиляціи двухъ разностепенныхъ звуковъ въ зависимости отъ ихъ положенія въ словѣ и

¹⁾ См. Ук. Соч. Иловайскаго. Стр. 217. Выводъ I.

въ рѣчи. Рязанское нарѣчіе, строго говоря, въ этомъ отношеніи не отличается отъ прочихъ великорусскихъ нарѣчій, но представляетъ нѣкоторыя интересныя частности. По разнымъ поводамъ мы уже говорили выше о переходѣ звонкихъ въ глухіе и глухихъ въ звонкіе (напр., случаи такого перехода въ положеніи передъ гласнымъ звукомъ; сюда-же присоединимъ теперь произношеніе „жаранѣть“ вм. жаронѣть въ сс. Ерахтурѣ, Нармушади, Куземинѣ и друг. Касимов. уѣзда), но вообще можно сказать слѣдующее: каждый звонкій, находясь въ концѣ слова и рѣчи или въ серединѣ слова передъ глухимъ, переходитъ въ глухой. Этотъ общій законъ оказалъ вліяніе и на случаи другого положенія звонкихъ звуковъ, такъ что, благодаря этому фонетическому закону, сдѣлались возможными нѣкоторыя новообразованія по аналогіи съ тѣми формами, въ которыхъ проявленіе этого звукового закона было обязательнымъ. Напр., въ рязанскомъ нарѣчій нерѣдко въ деревняхъ слышится названіе „насъ“ вмѣсто „карасинъ“ — керосинъ; въ словѣ „насъ“ = газъ переходъ звука *з* въ *с* обязательнъ, но мы слышимъ и въ прочихъ надежахъ съ гласными суффиксами: „насу“, „насамъ“ и пр. Наоборотъ, названіе птицы „чѣбисъ“ произносится „чѣбѣсъ“, гдѣ гласный звукъ послѣ *б* звучитъ почти какъ *я*, во множественномъ-же числѣ постоянное произношеніе: „чѣбѣзъ“, гдѣ *з* явилось подъ вліяніемъ такихъ словъ, какъ „образъ“ — „образа“ и т. п. Точно такъ-же: штѣбѣ, въ штѣбѣи, штабѣ (с. Яблоново, Щелево, Кельцы Скоп. у.); сравни, напр., „рукаѣбѣ“ — „рукабѣ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается переходъ звонкаго *д* передъ звонкимъ-же *н* въ *т*, напр., парѣтнай вм. парѣднѣй, ахрамѣтнай вм. громаднѣй и нѣер. др. Срв. въ былинѣ о Дюгѣ: „Выходили на улицу паратную“ (Гильфердингъ. Онежск. был. Столб. 1074). Такой переходъ звонкихъ въ глухіе — общее правило при произношеніи звонкихъ въ концѣ слова и рѣчи — не нашелъ себѣ мѣста въ нашемъ смѣшанномъ правописаніи, но случайно прикрѣпился на письмѣ къ слову „прыть“, „прытѣй“, хотя это слово въ этимологиче-

скомъ написаніи должно бы изображаться черезъ *д* вмѣсто *т*. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-ое изд., стр. 109. Срв. Miklosich. Etym. Wtb. s. v. *pruti*). Какъ общее правило, въ фонетикѣ рязанскаго нарѣчія наблюдается переходъ конечнаго *г* въ *х*, а не *к*, какъ въ иныхъ влр. говорахъ, напр., часто въ московскомъ. (См. Потебня. О звуковыхъ особен. рус. нар. Ф. З. 1865. I. Стр. 70). Вообще, надо замѣтить, что въ рязанскомъ нарѣчіи, измѣняющемся *г* на *х*, конечный *г* тоже измѣняется на *х*, но по вышеизложенному закону это *х* въ концѣ слова переходитъ въ *г*, напр., Бохъ, нохъ, друхъ и проч. — Бѣна, наѣна, друѣна — въ родительномъ падежѣ. Такому же переходу въ *г*, хотя безъ посредствующаго звука *х*, подвергается въ рязанскомъ нарѣчіи и звукъ *к*, находясь въ извѣстномъ положеніи, какъ на это было указано выше: напр., *хъ* пѣпи, *хъ* тѣти и проч., но *хъ* мѣми, *хъ* нѣни, *хъ* бѣби, *хъ* Вѣськи, (сравни: *хъ* вѣшимъ — въ Тумскомъ краю Касимовскаго уѣзда), *хъ* дѣди, *хъ* жанѣ, *хъ* каму, *хъ* людамъ, *хъ* рякѣ; мы видимъ, что звукъ *к* остается только передъ губными-носовыми, передъ губнымъ *с* и передъ плавными-язычными; въ прочихъ случаяхъ онъ переходитъ въ *х*, который передъ звонкими слышится какъ *х* по аналогіи съ случаями, гдѣ этотъ звукъ *х* вмѣсто звука *г* передъ звонкими. Въ московскомъ нарѣчіи такой правильности нѣтъ въ этомъ отношеніи, какъ нѣтъ строгости и въ аканьѣ, что, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ рязанскомъ нарѣчіи сохранилась эта правильность, какъ бы, въ видѣ осадковъ, которые осѣли на дно, т. е. остались въ основаніи рязанскаго нарѣчія, будучи получены въ эпоху колонизаціи края извнѣ, изъ московскаго нарѣчія и, быть можетъ, суздальскаго, начавшихъ жить и развиваться быстрѣе подъ вліяніемъ историческихъ условій и потому, быть можетъ, не сохранившихъ (по крайней мѣрѣ, можно сказать про московскій говоръ) кое-чего изъ прежнихъ особенностей. Иначе какъ себѣ объяснить произношеніе московское „Богъ“ и „друзъ“ или „порѣгъ“ (=порѣгъ), дѣрогъ (=дѣрогъ) и дѣрогъ и род. множ. чи-

сла дорѡхъ=дорѡгъ. (Пословица: „Разсыпался горѡхъ по сту дорѡхъ“...). См. Лекціи Соболевскаго. 2-е изд., стр. 108. Сравни: ряз. лягхѡ, моск. лигхѡ; ряз. палѣгхыла, моск. палѣжила или палигхѣла; ряз. мѣжа, моск. мѣжа; ряз. мяжѣть, моск. мѣжѣть; ряз. таварѡхъ, моск. тварѡхъ; ряз. таврагѡмъ, моск. тварагѡмъ.

Вставка и перестановка согласныхъ звуковъ. Нѣкоторые случаи вставки согласныхъ звуковъ мы видѣли выше; здѣсь мы приведемъ примѣры вставочныхъ звуковъ, оправдываемыхъ давностью и фонетикой старославянскаго языка. Къ такимъ примѣрамъ надо прежде всего отнести слово „здрѣ“ (Тумскій край Касимов. у.) вмѣсто „зря“, срв. старосл. *раздрѣшити*, *издржкы* и проч. Эта вставка звука *д* послѣ *з* и передъ *р* указываетъ, по мнѣнію Н. П. Некрасова, на фізіологическую связь звука *з* съ звукомъ *д* ¹⁾. На это же обстоятельство указываетъ и вставочный звукъ *т* послѣ *с* и передъ *р*—явленіе, встрѣчаемое и въ рязанскомъ нарѣчій въ общезвѣстныхъ словахъ. Напр., ряз. „*страматѣтца*“ вмѣсто „*страмѣться*“ или „*срамѣться*“ и др. Вѣроятно, образовано прямо отъ слова „*страматѣ*“. Кромѣ этого явленія, отмѣтимъ еще произношеніе „*бляжнѣль*“, гдѣ звукъ *ж* имѣетъ этимологическое значеніе, но въ общерусскомъ языкѣ выпускается; съ указаннымъ произношеніемъ это слово извѣстно намъ также въ Тумскомъ краю Касим. у. Наконецъ общерязанское произношеніе „*здарѡжатца*“ вмѣсто „*здороватѣсь*“ представляетъ тоже вставочное *ж*, но неясное по своему значенію.

Что касается перестановки согласныхъ звуковъ между собою или съ сосѣднимъ гласнымъ, то такое явленіе

¹⁾ Н. Некрасовъ. Очеркъ сравнит. ученія о звукахъ и формахъ др. слав. языка. СПб. 1889. Стр. 76. Слово „здрѣ“ извѣстно съ такимъ-же вставочнымъ звукомъ *д* въ ярославскомъ говорѣ. См. статью А. Тихвинскаго. Особенности говора Ярославскаго уѣзда. Р. Ф. В. 1890. N 3. Стр. 51.

чаще всего встрѣчается въ сочетаніяхъ съ плавн. звукомъ, преимущественно *р*. Напр., „смардъ“ (произн. „сма́ртъ“) вмѣсто „сма́рдъ“ (Скоп. и друг. уѣзды), вратъ вѣ. рвратъ (Касим. у. сс. Нармушадъ, Куземкино и проч.), „савралъ“ вѣ. „сорвалъ“ (Касим. у. Тумскій край)¹⁾, „искриками“ вѣ. „иска́рками“ — твор. пад. мн. ч. отъ „иска́рка“ (См. здѣсь пѣсню N 2). О другихъ случаяхъ перестановки мы говорили выше, по поводу перестановокъ гласныхъ звуковъ.

Выпаденіе согласныхъ звуковъ. Выпаденіе согласныхъ звуковъ имѣетъ, по большей части, свою цѣлью упрощеніе согласныхъ сочетаній, образовавшихся въ словѣ съ теченіемъ времени послѣ различныхъ фонетическихъ видоизмѣненій, какъ напр., послѣ исчезновенія глухихъ звуковъ. Случаи такихъ упрощеній мы видимъ, напр., въ словѣ „Ряскъ“ вѣ. Ряжскъ черезъ форму *Рязскъ (см. выше о замѣнѣ звука *ж* звукомъ *з*), „въ Ряскамъ уѣзди“, „Ряскава приходу“ — род. п. ед. ч., „Баракѣйской“ вѣ. Бараковскій, „Маскѣйской“ вѣ. Московскій и т. п. „Крѣсной“ и „хрѣсной“ вѣ. крестный, „нявѣска“ вѣ. невестка, „радасъ“ вѣ. радость, „жысь“ и „жысть“ вѣ. жизнь. Нерѣдко видимъ выпаденіе цѣлаго слога: „кѣтитъ“, „пиракѣтитъ“ вмѣсто креститъ, перекреститъ²⁾, „встрѣла“ вѣ. встрѣтила, „блѣнастють“ и „блѣнистють“ вѣ. бѣговѣстать — 3 л. мн. ч. наст. вр. Сюда-же относимъ произношеніе „куруза“ вмѣсто „кукуруза“ (Скоп. уѣздъ); впрочемъ, вмѣсто этого слова обыкновенно говорятъ „пачатокъ“, „пачатки“ въ здѣшнемъ краю; „съ минамъ“ вѣ. съ тѣмною, „раза“ вѣ. „развѣ“ и проч. (См. Лекціи. Соболевскаго. 2-е изд.,

¹⁾ Такая-же перестановка согласныхъ звуковъ извѣстна въ этомъ словѣ и въ сѣв.-вѣр. языкѣ, напр., въ Вологодской губерніи. См. *Н. Вѣлоруссовъ*. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. В. 1887. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Стр. 43.

²⁾ Такое-же произношеніе этого слова извѣстно и въ Вологодской губерніи. См. *Ук. Соч. Вѣлоруссова*. Стр. 42.

стр. 102—103). Выпаденіе звука *и* извѣстно въ словѣ „восемнадцать“, которое почти всегда произносится „ась-маццать“ (напр., въ Тумскомъ краю Касим. уѣзда и въ другихъ). Выпаденіе цѣлаго слога въ словѣ „баславлять“ или „блаславлять“ объясняется прежде всего особымъ произношеніемъ звука *г* въ этомъ словѣ какъ *h*.

Твердость и мягкость согласныхъ звуковъ. Отвердѣніе первоначально мягкихъ согласныхъ и смягченіе первоначально твердыхъ началось въ языкѣ вообще очень рано: это явленіе слѣдуетъ признавать столь-же древнимъ, какъ и явленіе аналогіи въ языкѣ. Старославянскій языкъ самъ уже указываетъ намъ примѣры какъ того, такъ и другого явленія, а др.-русскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи еще большее количество случаевъ. Обыкновенно наблюдается смягченіе или отвердѣніе согласнаго звука или въ серединѣ слова или въ концѣ его. Необходимо допустить, что нѣкоторые согласные звуки въ концѣ словъ отвердѣли или, по крайней мѣрѣ, начали твердѣть еще въ эпоху общерусскаго языка и таковыми были получены изъ этой эпохи русскими нарѣчіями. Такъ, напр., конечный звукъ *м* въ падежныхъ или личныхъ окончаніяхъ произносится теперь твердо во всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчіяхъ, что доказываетъ собой принадлежность этого твердаго согласнаго эпохѣ общерусской, во всякомъ случаѣ, очень древней. Звукъ *ш* въ личномъ окончаніи 2-го лица также отвердѣлъ очень рано, какъ показываютъ современныя русскія нарѣчія. (Окончанія *ши* во 2-мъ лицѣ въ русскомъ языкѣ, вѣроятно, не было). Напротивъ того, отвердѣніе звука *т* въ окончаніи 3-го лица ед. числа произошло сравнительно недавно и потому мягкое *т*, принадлежавшее искони русскому языку въ окончаніи этой формы, еще во многихъ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось, не успѣвши отвердѣть, и представляетъ собой остатокъ древности. Къ числу такихъ нарѣчій принадлежитъ и рязанское изъ великорусскихъ (также—курское) и бѣлорусское, и малорусское; да вообще можно сказать, что окон-

чаніе *тѣ*, т. е. мягкое *т*, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. времени глаголовъ извѣстно пока еще всему русскому языку, и мѣстностей съ отвердѣвшимъ *т* въ этой формѣ пока еще меньше, чѣмъ сохраняющихъ древнюю мягкость этого звука въ указанномъ случаѣ. Къ такимъ-же недавно отвердѣвшимъ звукамъ принадлежитъ звукъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчій, почти неизвѣстный другимъ русскимъ нарѣчіямъ. Этотъ процессъ отвердѣнія звука *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчій начался и завершился въ эпоху, какъ надо полагать на основаніи памятниковъ языка, отъ XIV до XVI-го столѣтія. (См. Недешевъ. Ук. Соч. Стр. 30—32). Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣкоторые звуки въ русскомъ языкѣ находятся еще въ процессѣ своего отвердѣнія или смягченія, еще процессъ не кончился, и можно ожидать дальнѣйшихъ измѣненій. Наблюденія надъ языкомъ уже давно показали, что возможною причиною такого отвердѣнія или смягченія согласнаго звука является положеніе этого звука въ словѣ и въ рѣчи, т. е. вліяніе сосѣднихъ звуковъ на качественное измѣненіе ихъ. Такое вліяніе слѣдующихъ звуковъ или слоговъ на предыдущіе звуки было предположено даже для эпохи старославянскаго языка, и, именно, акад. Ягичъ этимъ вліяніемъ объясняетъ такіе случаи правописанія (быть можетъ и произношенія) въ Зографскомъ Евангеліи, какъ: *зѣдати* и *вѣдати* или *вѣрны* и *вѣрны* и проч. (V. Jagić. Studien über das Zographos-evangelium. Archiv für slav. Philologie. I. 53. II. 258). Несомнѣнно, что въ современномъ русскомъ языкѣ также главною причиною отвердѣнія или смягченія согласныхъ звуковъ является ихъ соседство съ слѣдующими твердыми или мягкими звуками или слогами. Это наблюдается почти во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, и этимъ объясняются случаи качественнаго измѣненія согласныхъ звуковъ и въ разанскомъ нарѣчій. Примѣры въ родѣ: *пиръварнѣлъ*, *дѣфѣки*, *Марѣфи*, *шапѣки*, *пайрѣчитай* (=поярковый, сдѣланный изъ шерсти поярка, овцы, стриженной осенью: по-яр-ов-ѣ) и проч., мы приводили выше, въ отдѣлахъ соотвѣтственныхъ смяг-

чаемых согласныхъ, а потому мы, оставляя въ сторонѣ эти и подобные примѣры, обратимъ вниманіе теперь на тѣ случаи, которые составляютъ особенность рязанскаго нарѣчія. Здѣсь мы припомнимъ прежде всего, что въ рязанскомъ нарѣчіи наблюдается вообще рѣдкое явленіе — вліяніе предыдущаго, а не послѣдующаго мягкаго слога; это явленіе мы видѣли, именно, при смягченіи звука *ж* подъ вліяніемъ, по крайней мѣрѣ, какъ намъ кажется, предыдущаго мягкаго слога или конечнаго звука въ предыдущемъ слогѣ; отсюда получается возможность сочетаній: -нѣ, -ка, -кю, встрѣчаемыхъ въ Курской губерніи, а отчасти, впрочемъ рѣдко, и въ сѣв.-востр. нарѣчіи. (См. указ. соч. Халанскаго, Бѣлоруссова, Тихвинскаго). Кромѣ этого явленія, мѣстною особенностью рязанскаго нарѣчія, обусловленною вліяніемъ слѣдующаго слога, а не предыдущаго, какъ въ смягченіи согласнаго *ж*, служитъ переходъ звука *ѣ* въ *е* въ настоящемъ времени глаголовъ, но такъ какъ мы разсматриваемъ теперь согласные звуки, то объ этой особенности мы упомянули только постольку, поскольку она обуславливается сосѣдствомъ съ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ или звукомъ. Такимъ образомъ, говоря вообще, въ рязанскомъ нарѣчіи извѣстны оба фактора качественныхъ измѣненій звуковъ: вліяніе предыдущаго и послѣдующаго слога на измѣняемый согласный или гласный звукъ, причемъ послѣдующій слогъ оказываетъ рѣшительное дѣйствіе и на гласный, и на согласный элементъ предыдущаго слога. (О переходѣ *ѣ* въ *е* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога см. ниже). Особенность рязанскаго нарѣчія состоитъ по отношенію къ разсматриваемому вопросу въ томъ, что здѣсь иногда встрѣчается смягченный или отвердѣвшій звукъ въ серединѣ или въ концѣ слова тамъ, гдѣ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ такого явленія не наблюдается. Напр., смягченіе звуковъ *р* и *н* передъ слѣдующимъ *ц*: сѣрѣца, канѣца, вянѣцомъ (=вѣнцомъ), къ вянѣцѣ и проч. Нѣчто подобное, правда, мы видимъ и въ сѣв. нарѣчіи (Вологодск. губ. См. указ. соч. Бѣлоруссова. Стр. 28, 31), но здѣсь звукъ *ц* при этомъ

сохраняетъ свою мягкость, въ рязанскомъ же нарѣчій *и* остается твердымъ, какъ показываютъ вышеприведенные примѣры, и, несмотря на это, звуки *р* и *н* звучатъ совершенно мягко. О томъ, что въ этой мягкости звуковъ *р* и *н* сохраняется слѣдъ гласнаго *ѣ* суффикса *ицѣ*, не можетъ быть и рѣчи: такой слѣдъ можно усматривать развѣ только въ мягкости другихъ согласныхъ, напр., *л*: палець—пальца и проч., а звуки *р* и *н* не представляютъ основаній для такого предположенія ¹⁾. Явленіе, подобное рязанскому, встрѣчается еще только въ курскомъ говорѣ, какъ можно видѣть изъ пѣсенъ, собранныхъ Халанскимъ, но и въ этомъ говорѣ звукъ *и* въ такомъ случаѣ самый мягкій, если только транскрипція точна. (См. пѣсню Путивльскаго у. Курск. губ. N 1). Кромѣ этого смягченія, приведемъ также отдѣльные слова съ качественнымъ измѣненіемъ согласныхъ звуковъ въ серединѣ или концѣ словъ, которыя покажутъ особенность рязанскаго произношенія. Напр., особенною склонностью къ смягченію обладаетъ звукъ *р*: мусарь — жен. рода — вмѣсто мусоръ: „мусарь *всѣ* ляжыть“; камарь -ря -рю и т. д., дохтурь -ря -рю и т. д., дохтурёмъ—твор. ед. (с. Свистовка Скоп. у.), дохтуря—им. п. мн. ч. (с. Яблоново, Скоп. у.). Последнее слово, быть можетъ, по аналогіи съ „лѣварь“—„лѣваря“, дыря вм. дыра, дырька вм. дырка, нутрёмъ вм. нутромъ, изъ нутря вм. изъ нутра, старышня, у старышнѣ, старыша-й — сравн. ст.=старше; канторьшыкъ -ки и проч. вмѣсто канторщикъ, гдѣ *р* произносится въ литературномъ русскомъ языкѣ *мягко* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука *и*, но въ рязанскомъ стоитъ не *и*, а твердое *ш*, а *р* всегдѣ остается *мягкимъ*; абрыщикъ вм. абращикъ (с. Вослябово, Скоп. у.), стёрва—с. Яблоново, Скопин. у., чирвѣй—род. мн. ч., но чирвакофъ и чярвакъ —с. Кельцы, Скоп. у.; также: цѣркафъ съ твердымъ *р*. Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ представляютъ

¹⁾ Въ рязанскомъ-же нарѣчій мы видимъ въ этомъ отношеніи правильность: *старецъ, старыца, старыцы* (=нищѣ) и проч.

остатки старого смягченія звука *р* въ положеніи не передъ твердымъ зубнымъ звукомъ, а другіе представляютъ мѣстную особенность рязанскаго говора и, вѣроятно, могутъ быть объяснены какою-нибудь аналогіей ¹⁾. Кромѣ

¹⁾ Слово „старѣшій“ съ мягкимъ *р* произносится въ русскомъ языкѣ уже давно и не въ одномъ рязанскомъ говорѣ, а и въ московскомъ, какъ и другія слова съ мягкимъ *р* въ положеніи не передъ твердымъ зубнымъ. Написаніе: „старѣшимъ“, встрѣчаемое во многихъ грамотахъ, напр., въ рязанской грамотѣ 1433 года: „имѣти имъ мене себѣ братомъ старѣшимъ“ (Собр. госуд. гр. и догов. I. N 48. Срв. N 127 и др.), объясняемъ мы себѣ, именно, тѣмъ, что въ этомъ словѣ звукъ *р* произносится мягко, такъ, какъ онъ произносится и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ и въ рязанскомъ. Такимъ образомъ, видно, что влр. нарѣчіе обладаютъ свойствомъ смягчать звукъ *р* въ отличіе отъ блр. нарѣчія, которому единственно свойственно отвердѣніе *р*, рѣзко отличающее это послѣднее нарѣчіе отъ прочихъ нарѣчій влр. и отчасти млр. языка. Справедливо мнѣніе, что такое отвердѣніе звука *р* въ бѣлоруск. нарѣчій объясняется, вѣроятно, близостью къ польскому языку, гдѣ мягкій *р* переходитъ по существу въ другой звукъ, принимая въ себя новый элементъ — шипящій (гз). Примѣры такого твердаго *р* въ блр. языкѣ мы видимъ не только въ языкѣ народномъ, но и въ официальной литературѣ, и очень рано, съ самаго конца XIV-го вѣка, съ начала XV-го; напр., въ Грамотѣ 1469 г. князя Ивана Юрьевича читаемъ: олтаромъ, пономаромъ; въ Грамотѣ 1499 года: кривду, наперодъ; въ Грамотѣ 1507 года: всимъ владникомъ и др. Срв. въ Грамотѣ 1589 г.: урядника. (См. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ. I. М. 1824. NN 2, 3, 5, 24 и др.). И чѣмъ новѣе грамота, тѣмъ такихъ случаевъ больше въ ней встрѣчается. Въ народномъ же языкѣ это явленіе твердаго *р* можно прослѣдить, напр., хоть по пѣснямъ, изданнымъ и собраннымъ г. Шейномъ: въ Могилевской губерніи — запрагаѣ (N 57), дворанинѣ (N 60); въ Минской губ.: гораць — 3 л. мн. ч. наст. вр. (N 67), зара (N 73), господаръ (N 74), крастителъ (N 77), мора (N 79), на той рацѣ (N 86), варыла (N 165); въ Витебской губ.: бяроза коравнастая (N 221), въ Гродненской губ.: прасци — неопр. накл. (N 546. а.); кудраво (N 471) и мн. др. (Матеріалы для изученія быта и языка р. населенія сѣв.-зап. края. Собр. Шейномъ. Т. I. Ч. I. СПб. 1887).

звука *р*, мы видимъ еще смягченіе и отвердѣніе звуковъ *н*, *д*: *кѳршунѳ* — с. Яблон. Скоп. у.; но *палынѳ*, твор. п. *палынѳмѳ* — муж. р. (Ср. пѣсню N 14. Щигров. у. Курск. губ. у Халанскаго: „Павилѳка съ палынѳмѳ“). Съ другой стороны мы видимъ: *тѳнѳ* — твор. пад. *тѳнямѳ* вм. *тѳнѳ*, *тѳномѳ*. (См. здѣсь Приложеніа. Пѣсня N 10). Также: *прастинѳ* вм. *прастынѳ* и *усады*, гдѣ *д* твердое. (С. Корневое. Скоп. уѣзда).

Частные признаки рязанскаго нарѣчія. Изъ обзорѣ фонетики рязанскаго нарѣчія мы видѣли, что нѣкоторые особенности принадлежать полному составу рязанскаго говора, другія же преимущественно извѣстными мѣстностямъ. Къ частнымъ признакамъ относятся слѣдующіе: чередованіе *ч* и *щ*, переходъ *д* въ *н* передъ *н* (аннѳжды, два ннѳ, вѳнна; и передъ *д*: андахнѳтъ. Срв. Потѣбни. О звуковыхъ особ. р. нар. Ф. З. 1865. I. Стр. 91. и Н. Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языѣ жителей Вологодской губ. В. 1887. Стр. 30), окончаніе *аѳо* и *ѳѳо* въ именахъ прилагательныхъ, гдѣ *з* не перешло въ *е* (особенность вольныхъ селъ и деревень), переходъ *ѳѳд* въ *ѳѳж*: *дѳбѳишѳ* — *дажѳжѳ*; *дажѳжѳсалѳ* и проч. вмѣсто *дожѳдалѳсѳ* (Касим. у. Тумскій край) и, наконецъ, самая важная изъ частныхъ особенностей принадлежитъ области гласныхъ звуковъ и составляетъ признакъ говора вольныхъ селъ и деревень: это, именно, отсутствіе обще-южновеликорусскаго расширенія звука *е* подъ удареніемъ передъ мягкими личными окончаніями глагола въ *ѳ*, гдѣ это расширеніе, конечно, не законное, а происшедшее по аналогіи съ формами, въ которыхъ звукъ ударяемый *е* стоитъ передъ твердыми личными окончаніями и потому расширяется. Но въ виду того обстоятельства, что это, такъ сказать, аналогичное расширеніе вошло въ правило, въ силу, мы и обозначили особенность говора нѣкоторыхъ мѣстностей Рязанской губерніи, какъ отсутствіе расширенія въ указанномъ положеніи звука *е*. Собственно говоря, точнѣе было бы выразиться такъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рязанскаго

говора, именно, въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, замѣчается *сохраніе* первоначальнаго (узкаго) ударяемаго звука *е* передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ въ формахъ глагола настоящаго времени, гдѣ въ прочихъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка этотъ звукъ *е* расширился въ *ѣ* по аналогіи съ правильными формами. Такая формулировка нашего наблюденія точнѣе будетъ въ виду того, что самый законъ расширенія *е* въ *ѣ* въ русскомъ языкѣ формулируется слѣдующимъ образомъ: „Это расширеніе происходитъ подъ удареніемъ, передъ твердымъ согласнымъ“. (Брандтъ. Лекціи по фонетикѣ р. языка. Стр. 17 и слѣд.). Такимъ образомъ, очевидно, что въ томъ случаѣ, гдѣ за звукомъ *е* не слѣдуетъ твердаго согласнаго, а мягкій, тамъ звукъ *е* не расширяется по закону фонетики, а сохраняетъ свою первоначальную узкость, свой первоначальный видъ. Вотъ это сохраненіе первоначальнаго звука *е* мы и видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ рязанскаго говора: привязе́тъ — 3 л. ед. ч. (с. Городецкое, Скоп. у.), живе́тъ — *ib.*, нясѣ́тъ, вязе́тъ, вадѣ́тъ, дыхне́тъ, падае́тъ — с. Вослябово Скопин. у., тьвяте́тъ — д. Пупки, Скоп. у., д. Тошила Скопинск. у., баре́тъ — *ib.*, худе́тъ — Вослябово, (=гуде́тъ), плате́тъ — *ib.*, палѣ́тъ, бые́тъ — с. Корневое, Скоп. у., тиче́тъ — с. Гремячка, Скоп. у., жре́тъ — с. Корневое, Скоп. у. (=жре́тъ), пайде́тъ, вазме́тъ — д. Побѣдинская, с. Вослябово, Скоп. у., hryzéтъ, начѣне́тъ, живе́тъ — с. Корневое, Скопин. у., с. Ильинское (Ильиняцъ тоже, по народному произношенію), Скоп. у., заряве́тъ — с. Вослябово, замѣне́тъца, затеве́тъца, заикне́тъца — с. Вослябово, страсе́тъца, нападе́тъца — *ib.*, дажде́теса — 2 л. мн. ч. — *ib.* и т. п. Такъ какъ въ рязанскомъ нарѣчій сохранилось древне-русское произношеніе личнаго окончанія 3-го лица *тъ* (это произношеніе единственное и повсемѣстное въ рязанскомъ говорѣ: окончанія *тъ* нѣтъ совсѣмъ), то звукъ *е* является законнымъ въ 3-мъ лицѣ ед. числа и во 2-мъ лицѣ множ. числа передъ мягкими согласными *т* въ окончаніяхъ *тъ* и *те*, но сила аналогіи сказалась и въ этомъ случаѣ: тѣ-же мѣстности, гдѣ въ

указанныхъ лицахъ произносится звукъ *е* по закону, сохраняютъ этотъ звукъ *е* и въ прочихъ лицахъ при спряженіи; звукъ *е* является по аналогіи и во 2-мъ лицѣ ед. числа передъ окончаніемъ *иѣ*, въ которомъ звукъ *и* отвердѣлъ очень рано, и потому слѣдовало-бы звуку *е* расширяться въ *ѣ*, и въ 1-мъ лицѣ множ. числа, гдѣ окончаніе *иѣ* съ твердымъ согласнымъ *м*. Такимъ образомъ, мы находимъ: привязе'шь — 2 л., приде'шь, вазме'шь, падажме'шь, найде'шь (съ переносомъ ударенія на представку) — с. Вослябово, баре'шь, ашыбе'сьи (гдѣ *е* собственно правильно), напраде'шь; привязе'мъ — 1 л. мн. ч., с. Вослябово; жыве'мъ, вазме'мъ, бье'мса, паке'мъ = печемъ, гдѣ *и* изъ 1-го лица ед. числа: пие'у; баре'мъ, иде'мъ (съ переносомъ ударенія на корень) — с. Кремлево, Скоп. у., найдемъ — тоже, *ibid.*, придемъ — тоже, с. Вослябово. Всѣ эти примѣры взяты изъ Скопинскаго уѣзда, но, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, это же явленіе наблюдается съ такою-же послѣдовательностью и въ другихъ уѣздахъ, напр., въ Данковскомъ уѣздѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ, въ Пронскомъ, Рязскомъ, Михайловскомъ и другихъ. Подобное явленіе мы встрѣтили еще въ говорѣ Курской губерніи, какъ намъ сообщилъ объ этомъ тамошній учитель, преподаватель мѣстной гимназіи, М. В. Куелинъ, которому приносимъ здѣсь свою благодарность за сообщеніе, но онъ замѣчаетъ въ своемъ сообщеніи только о 2-мъ лицѣ ед. числа и приводитъ примѣръ — иде'шь; но изъ трудовъ Халанскаго мы знаемъ, что это явленіе извѣстно и въ Курской губерніи, въ Оболенскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ, напр., въ пѣсняхъ: пашле'тъ — N 1, бье'тъ — *ib.* и друг. (Свѣд. и Зам. о говорахъ р. языка. III. Саяны. Отд. оттиска изъ Р. Ф. В.). Но всетаки строгой послѣдовательности здѣсь не замѣчается, и примѣровъ вообще очень мало; быть можетъ, это надо приписать неточности транскрипціи. Причины такого сохраненія первоначальнаго звука *е* въ мѣстностяхъ рязанскаго говора очень должны быть интересны, и мы старались себѣ ихъ уяснить въ Введеніи къ настоящему труду (см. выше). По нашему мнѣнію,

многія черты древности русскаго говора сохранились, и-менно, въ вольныхъ селахъ и деревняхъ Рязанской губер- ній, такъ какъ послѣднія были всегда отдѣлены и есте- ственными и культурными условіями отъ процесса лите- ратурнаго развитія языка и, не приходя почти въ столѣ- новеніе съ элементами, развившимися въ русскомъ языкѣ книжнымъ путемъ, дольше другихъ сохраняли и сохраня- ютъ живыя силы русскаго языка, т. е. тотъ внутренній духъ, который скрывается въ самомъ языкѣ. Наши наблю- денія и справки относительно вольныхъ селъ и деревень Рязанской губерніи* подтверждаютъ наше предположеніе и тѣмъ обстоятельствомъ, извѣстнымъ самимъ мѣстнымъ жителямъ Рязанской губерніи, что въ таковыхъ селахъ и деревняхъ до сихъ поръ еще живутъ особые обычаи, об- ряды и даже одежды, которые уже выходятъ изъ употребле- нія или даже вышли въ барскихъ селахъ, деревняхъ и городахъ Рязанской губерніи. Такимъ образомъ, намъ ка- жется; въ языкѣ Рязанской губерніи нужно признать эле- менты различныхъ эпохъ, различной давности и пришедше изъ различныхъ русскихъ губерній или мѣстъ въ эпоху колонизаціи; несомнѣнно, что нѣкоторые элементы полу- чили и свое мѣстное развитіе и составили современную особенность рязанскаго говора, какъ мы видѣли выше.

Точки соприкосновенія рязанскаго говора съ другими русскими говорами оказываются слѣдующія: по своему ака- нью, произношенію звука *г*, окончанію *тъ* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ, чередованію звуковъ *е* и *у*, произношенію зву- ка *ѣ* и взаимной мѣнѣ звуковъ *и* и *ч* рязансей говоръ близко стоитъ къ бѣлорусскому, причемъ послѣдняя фоне- тическая особенность должна быть признана существовав- шей нѣкогда въ говорахъ, сосѣднихъ съ чисто-бѣлорус- скими (см. Соболевскаго. Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Стр. 2; 14, 15, 17); какъ показываютъ памятники письменности, древній говоръ смоленско-полоцкихъ кривичей былъ промежуточ- нымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ кривичей (Нов- городъ-Псковъ), съ одной стороны, и дреговичей, предковъ

нынѣшняго бѣлорусскаго нарѣчія, съ другой. По исторіи извѣстно, что рязанскій край населялся колонистами съ сѣвера и юго-запада; такимъ образомъ, мѣна звуковъ *ч* и *ц* могла осѣсться въ рязанскомъ нарѣчьи, какъ результатъ двусторонняго теченія съ запада и сѣвера въ рязанскій край, а чередованіе звуковъ *е* и *у* въ рязанскомъ нарѣчьи доказываетъ собой, что западная струя была болѣе широкой и могла нести съ собой свои элементы уже съ XIII-го вѣка; вѣка кипучаго колонизаціоннаго движенія въ рязанскомъ краю, благодаря политикѣ рязанскихъ князей. Само собой разумѣется, что развившаяся въ историческое время мѣна звуковъ *е* и *у* въ новгородскомъ нарѣчьи могла и въ рязанскомъ нарѣчьи развиться впоследствии и придти съ сѣвера, но за неимѣніемъ данныхъ мы этого вопроса точно рѣшить не можемъ, а противъ того предположенія, что рязанскій говоръ долженъ былъ складываться и получать готовыми извнѣ тѣ зерна, которыя съ теченіемъ времени лишь развивались, въ эпоху заселенія края, высказаться рѣшительно также трудно. Думаемъ, что еслибы мѣна *е* и *у*, а также чередованіе *ц* и *ч* въ рязанскомъ нарѣчьи были явленіемъ новымъ, развившимся недавно, то какъ одно, такъ и другое фонетическое явленіе было бы распространеннымъ, а не отживающимъ и спорадическимъ, равно какъ и оканье, жалкіе слѣды котораго слышатся кое-гдѣ изъ старыхъ устъ въ рязанскомъ нарѣчьи, на этомъ самомъ основаніи и безспорно не можетъ быть признано принесеннымъ недавно или зародившимся въ недавнее время. Съ сѣверно-великорусскимъ рязанское нарѣчіе, конечно, тоже имѣетъ много точекъ соприкосновенія: мѣна *ч* и *ц*, переходъ *е* и *у* взаимный, опущеніе окончанія *ть* въ глаголѣ, случаи произношенія *ъ* какъ *и*, чередованіе звуковъ *ѣ* и *х*, цоканье (Черновецкій уѣздъ Новгородской губерніи), произношеніе ударяемаго *я* какъ *е*, *и* какъ *иш*, умягченіе звука *к* въ разсмотрѣнныхъ выше положеніяхъ, умягченіе звуковъ *р* и *н*, переходъ *д* въ *н*, наконецъ, — различные случаи морфологическаго характера (смѣшеніе падежей: *у* сясѣтрѣ, отъ

жанѣ; род. падежъ множ. ч. именъ ж. р. на *оэз*: картинковъ, подушковъ, комнатовъ и нѣкр. друг.). Всѣ эти особенности мы находимъ въ говорѣ или новгородскомъ, или суздальскомъ, шуйскомъ, вологодскомъ, тверскомъ, торжковскомъ, ржевскомъ, псковскомъ, устюжскомъ, муромскомъ, олонецкомъ, востромскомъ, вятскомъ и нѣкр. другихъ. (См. статью *Далъ*. О нарѣчіяхъ р. языка. *Колосова*. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области свр. нарѣчій. Первые два отчета Отдѣленію р. языка и словесности. СПб. 1876. Стр. 17 et passim. Указ. соч. *Бѣлорусова* о Вологодскомъ нарѣчій. Стр. 17, 22—24, 26—28, 30, 31, 37, 39, 40, 42. *Гильфердина* Он. был. и *Рыбникова* Пѣсни. Passim.).

Такимъ образомъ, мы видѣли, что почти всѣ элементы нынѣшняго рязанскаго нарѣчія находятся порознь въ прочихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, но то обстоятельство, что въ рязанскомъ нарѣчій эти элементы находятся вмѣстѣ и смѣшаны, есть очень интересный фактъ и даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ для предположенія относительно первоначальнаго состава населенія рязанскаго края и отношенія рязанскаго нарѣчія къ прочимъ нарѣчіямъ русскаго языка на западѣ и сѣверѣ.

МОРФОЛОГІЯ.

Членъ. Прежде всего въ разанскомъ нарѣчій обращаетъ на себя вниманіе членъ, который присутствуетъ совершенно замѣтно въ говорѣ и особенно прозраченъ при именахъ существительныхъ женскаго рода, принимая постоянно окончаніе стоящаго передъ нимъ имени существительнаго. Такъ, напр., *хліна-та, хліны-ты, хліни-ты, хліну-ту, хлінай-та, въ хліни-ты.* Или: въ *лафѣки-ты, лафѣку-ту; дѣньи-ты, „въ крайнимъ доми-ты, въ харошымъ-та“; „въ друхія нѣху-ту“* (с. Кремлево; Скоп. у.); *дѣски-ты* и проч. Такъ-же измѣняется членъ и въ томъ случаѣ, если онъ присоединяется не къ имени существительному, а къ другой части рѣчи: къ имени прилагательному или къ прош. времени глагола; напр., *„дѣски-ты, высѣки-ты“, „ѣхали-ты“* и проч. При именахъ мужскаго рода, насколько мы замѣтили, такого правильнаго измѣненія члена нѣтъ, а большею частью онъ остается въ неизмѣняемой формѣ — *та*; но въ формахъ, имѣющихъ окончаніе *и* или *и* (изъ *ъ* или изъ *и*), а равно и во множественномъ числѣ съ такимъ окончаніемъ членъ принимаетъ форму — *ты*: въ *хѣради-ты, въ пѣли-ты, дѣфѣки-ты, бѣбы-ты, мужики-ты* и т. п. Такимъ образомъ, членъ въ русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ великорусскомъ еще живетъ и, если не въ полной силѣ, то всетаки съ достаточной энер-

гійей. (Срв. Соболевскаго. Лекція. 2-е изд., стр. 203 — 204, гдѣ сказано только про свр. говоръ).

Родъ. Вслѣдствіе фонетическихъ причинъ, именно, строгаго абанья въ рязанскомъ нарѣчій почти совершенно исчезъ средній родъ, и его признаки теперь слышатся довольно рѣдко въ просторѣчій. Процессъ этотъ прежде всего охватилъ тѣ имена существительныя, которыя оканчивались на безударное *о* или *е*, произносившіяся, какъ *а* или *я*; такимъ образомъ, естественнымъ путемъ эти имена переходили въ женскій родъ въ именительномъ падежѣ. Отсюда вытекала необходимость ставить при такихъ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ части рѣчи въ женскомъ родѣ. || Такъ, мы постоянно слышимъ: красная плѣть, бѣлая платѣньца, горькая мѣсла, жаркая лѣтъ и проч. Сила аналогіи сказалась въ употребленіи именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женскаго рода при такихъ существительныхъ и въ томъ случаѣ, когда прилагательныя или мѣстоименія имѣли удареніе на родовомъ окончаніи. Напр., худѣя вѣдрѣ, всѣ лѣтъ, святѣя плѣть, балѣя аенѣ, такѣя винѣ, адѣя палѣна, чѣя полѣ и пр. Правда, что при склоненіи обнаруживаются нерѣдко падежныя окончанія средняго (мужскаго) рода, но это далеко не всегда: напротивъ того, часто склоненіе прилагательныхъ или мѣстоименій естественнымъ путемъ принимаетъ женскія падежныя окончанія: такѣю винѣ, пѣютъ жеѣ (вино), ѣту винѣ, „мѣсла всѣ кончѣлась, анѣ ушѣ испѣртилась“, „выбралѣ любѣя, ѣту плѣть“, всѣ лѣтъ, „падѣ малинавай адѣялай“ и т. п.

Рядомъ съ этимъ явленіемъ перехода именъ средняго рода въ женскій замѣчается употребленіе именъ женскаго рода въ мужескомъ; это, большею частью, бываетъ въ томъ случаѣ, если родовыя окончанія мужскаго и женскаго рода одинаковы, т. е. въ именахъ съ окончаніемъ имен. пад. на *ъ*: такъ, слово „мышѣ“ всегда мужскаго рода: „какой большѣ мышѣ“, „скѣтерѣ“ также употребительно въ муж. родѣ. Отдѣльно отмѣтимъ слова: „об-

лакъ" — муж. р. — „облакъ нибальшой“, „за облакъ зашла“; „стѹла“ вм. „стѹлъ“ (вѣроятно, среднего рода — „стѹло“), „сякѹтъ“ вм. секѹнда: „въ одинъ сякѹтъ“; „ти́хра“ — жен. рода вмѣсто „ти́гръ“ и нѣкот. друг., напр., болѣзнь — „боръ“ — муж. рода и проч.

Склоненіе. Имя существительное. Въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода не представляется рѣзкихъ особенностей, за исключеніемъ того, что особенно часто и охотно употребляются окончанія *у* въ родительномъ и предложномъ падежахъ ед. числа вмѣсто *а* и *ъ*: Бахавленскава прихóду, изъ бóраду; въ пясѣу, на коню, на-сто́лику ¹⁾ на ма́линьимъ, въ корю, на дьячкю; даже иногда и въ среднемъ родѣ: „въ ка́жнамъ акнѹ“. Въ этомъ падежѣ вообще замѣчается удареніе на падежномъ окончаніи, хотя намъ встрѣтилась и форма „въ Ильи́нцу“ (Вослябово) вмѣсто „въ Ильи́нцѣ“, отъ названія села „Ильи́няцъ“ (по-народному, вм. „Ильинское“). Рядомъ съ этимъ явленіемъ замѣчается склонность употреблять въ именит. п. множ. числа отъ именъ муж. рода этого-же склоненія (съ основой на *ѣ* — *о* — *ѣ*) окончаніе *а* съ удареніемъ на немъ: што́фъ — штава́, возъ — ваза́ (формы „возы́“ мы ни разу не слышали). Обычнымъ окончаніемъ для всѣхъ разновидностей именъ этого склоненія въ род. падежѣ множ. числа служитъ окончаніе *овъ* и *евъ*; это окончаніе господствуетъ до такой степени, что почти постоянно употребляется даже въ род. падежѣ множ. числа отъ именъ женскаго рода на *а* (*я*): Окончаніе же *ъ* въ род. падежѣ множ. числа именъ муж. рода на *ъ* (*ъ*) или окончаніе *ей* этого-же падежа крайне рѣдки. Такъ, напр., постоянно слышится съ окончаніемъ *ъ* въ родит. множ. числа только слово „зубѣ“, отъ котораго форма

¹⁾ Такія формы мы встрѣчали вообще очень рѣдко, и онѣ объясняются, вѣроятно, аналогіей. Напр., данная форма „на сто́лику“ быть можетъ употреблена по аналогіи съ формой „на столу́“, которая слышится часто.

„зубовъ“ совершенно не употребляется, а всегда: „нѣтъ зубъ“, „безъ зубъ“, „трѣхъ зубъ“ и проч. Слово „глазъ“ допускаетъ въ род. п. мн. числа двойную форму въ живомъ употребленіи: глазовъ и глазъ. Напр., „карта апъ трѣхъ хлѣсъ“=тройка. Ср. ниже объ управленіи предлога „объ“: „абъ дяловъ“. Замѣтимъ также род. мн. числа: „для воласъ“ вм. „для волостъ“, хотя есть и „волосовъ“. Обыкновенно же употребляется, какъ сказано, окончаніе *овъ* и *евъ*: „храбѣ“—род. п. мн. ч. отъ „грачъ“, „спасителевъ“—род. п. мн. ч. отъ слова „спаситель“. (Бстати сказать, слово „спаситель“ въ деревняхъ служитъ названіемъ для церковной хоругви: „спасителяѣ насѣтъ“=хоругви несутъ); хѣстѣ или гѣстѣ—род. п. мн. ч. отъ слова „гость“: „нѣхъ хѣстѣ у насъ на бѣдѣ“; салдѣтѣ, аршинѣтѣ и проч. Это же окончаніе употребительно и при именахъ существительныхъ, образованныхъ съ окончаніемъ именит. падежа множ. числа для именъ собирательныхъ: таракѣнѣ (формы „таракѣнѣ нѣтъ“) — таракѣнѣтѣ, а также въ именахъ среднего рода на *о* (*e*): хѣзѣтѣ—род. мн. отъ „хѣздѣ“, сѣлаѣтѣ—род. мн. отъ „селѣ“, бѣрнаѣтѣ—род. мн. ч. отъ слова „бѣрно“, употребляемаго обыкновенно вмѣсто слова „бревнѣ“; родит. падежъ множ. числа „бѣрянѣ“ намъ приходилось слышать, но рѣже. Наоборотъ, имен. падежъ множ. числа отъ именъ средн. рода на *о* (*e*), въ силу аканья, постоянно имѣетъ окончаніе *и*, если оно безударное, и въ этомъ сходитсѣ съ этимологическимъ окончаніемъ именъ муж. рода: бѣны, хѣзѣды, сѣлы, кѣльцы и проч. (какъ и въ Москвѣ). Замѣтимъ еще им. падежи множ. числа: просѣ, овсѣ, рѣи, сѣмѣ и конопѣ отъ словъ: просѣ, овсѣ, рѣи, сѣмѣ и конопѣ, которое рѣдко употребляется въ ед. числѣ въ этой формѣ.

Въ именахъ существительныхъ женск. рода на *a* (*я*) обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, три особенности: употребленіе родительнаго падежа ед. числа съ окончаніемъ современнаго дательнаго падежа — *ѣ* (въ слогѣ послѣ ударяемаго звучитъ, какъ *и*), родительный

падежъ множ. числа на *-овъ* и *-евъ* по аналогіи съ именами муж. рода, и творит. падежъ множ. числа съ окончаніемъ *-ими* вм. *-ами* и *-ями*, преимущественно послѣ задне-небныхъ звуковъ *з, н, ж*. Прежде всего насъ поражаетъ въ рязанскомъ нарѣчій строго выдержанное употребленіе въ род. пад. ед. числа отъ именъ сущ. женскаго рода на *а* (*я*) окончаніе *ъ* (*и*); это употребленіе повсемѣстное и такъ укоренилось, что формы на *ъ* (*и*) въ род. падежѣ слышишь не только въ селахъ и деревняхъ, но и въ городахъ, и часто отъ лицъ грамотныхъ и образованныхъ. Такъ, напр., у сестрѣ, у стянѣ, у казѣ, „баюсь казѣ“ (д. Щелево, Скоп. у.), „аѣ зямлѣ не видать“, „съ травѣ пыль абмачила“, у старышнѣ, съ адной старанѣ, у лисѣ, аѣ вадѣ, у вдавѣ, аѣ жанѣ и т. п. Если съ этими формами мы сравнимъ слѣдующія: у навѣсти, безъ шляпи, у Марьфи, у Надѣжди Ивановни, у Стипанѣди, „Матрѣни нѣту“, „около Тѣли“, у Аграфѣни Янѣровни, у Микѣли, у папи, аѣ мами, аѣ лампыи, у кѣкли, у старости (= у старосты), съ работѣ, для скотѣни и проч., то обнаружится, что въ послѣднихъ формахъ, гдѣ слышится въ род. падежѣ ед. числа на концѣ *и*, это *и* произошло изъ *ъ*, стоящаго въ слогѣ безъ ударенія.

Трудно предположить, чтобы рязанскій говоръ оказался въ этомъ отношеніи архаичнѣе другихъ и сохранилъ въ падежномъ окончаніи именъ сущ. съ основой на *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или *ј* рефлексъ старославянскаго *ѣ*, т. е. древне-русское *ъ*, но несомнѣнно, что въ древне-русскомъ-то языкѣ эти формы на *ъ* должны быть объясняемы изъ основныхъ на *ѣ* = *an + s* въ родительномъ падежѣ¹⁾. Формы такіа, каѣтъ „съ

¹⁾ Собственно говоря, эта форма и это окончаніе принадлежатъ не родительному падежу ед. числа, а винительному множественнаго, откуда оно перешло сначала въ именит. множ. ч., а затѣмъ въ родит. единств. числа для избѣжанія совпаденія формъ различнаго значенія. См. Ф. Θ. Фортунатова. Лекціи по сравнит. склоненію. Изд. 1884—5 г. Стр. 255, 257, а также 244—245.

высотъ“ извѣстны русскому языку уже съ XI-го вѣка (Миней 1096 г., стр. 64) и должны объясняться вліяніемъ формъ мягкаго склоненія, гдѣ родительный падежъ имѣлъ окончаніе *ъ*. Вопросъ этотъ былъ подробно разсмотрѣнъ и обсужденъ проф. Соболевскимъ въ сочиненіи: „Исслѣдованія въ области русской грамматики“ (Варшава. 1881. Стр. 1—40). Что касается современнаго рязанскаго нарѣчія, то мы объясняемъ себѣ эту морфологическую особенность въ немъ не слѣдствіемъ его архаичности вообще, не тѣмъ, что, именно, въ рязанскомъ нарѣчій живеть остатокъ глубокой старины — древне-русское *ъ* изъ *а* въ род. падежѣ ед. числа именъ женскаго рода на *а* (*я*), а, такъ сказать, повторившимся, вторичнымъ процессомъ аналогіи слѣдующаго рода: всѣ имена женскаго рода, принадлежащіи этому склоненію, мягкаго различія, а также и тѣ, которыя стали таковыми въ рязанскомъ нарѣчій вслѣдствіе особенности послѣдняго умягчать звукъ *ж*, стоящій послѣ мягкаго согласнаго или *й*, если только они не имѣли ударенія на падежномъ суффиксѣ, представляли въ дат. и родит. падежахъ ед. числа формы, тождественныя въ звуковомъ отношеніи, такъ какъ *ъ* въ слогѣ послѣ ударяемаго произносится въ падежныхъ суффиксахъ всегда, какъ *и* (см. Фонетику). Такимъ образомъ, получается звуковое тождество формъ: „по воли“ и „безъ воли“, „къ бани“ и „у бани“, „къ Вани“ и „безъ Вани“, „къ пѣчки“ и „у пѣчки“, „къ скамейки“ и „у скамейки“, „къ тѣти“ и „у тѣти“ и проч. Съ другой стороны, исконное тождество разсматриваемыхъ формъ въ именахъ женскаго рода съ основой на *ъ* (*ѣ*), какъ: кости, нѣчи, лошади, дѣри въ род. и дат. падежахъ ед. числа — таковымъ же осталось и въ нынѣшнемъ рязанскомъ нарѣчій. Эти два обстоятельства, по нашему мнѣнію, оказали вліяніе и на тѣ имена женскаго рода мягкаго различія, которыя имѣли удареніе на падежномъ суффиксѣ, какъ напр.: землѣ — дат. землѣ и родит. сдѣлался: землѣ, а ужъ отсюда аналогія коснулась и именъ женскаго рода твердаго различія, сперва съ безударнымъ окончаніемъ, а затѣмъ и съ ударяемымъ: у ма-

ми, у Матрёни; а затѣмъ: у водѣ, отъ жанѣ, у сестрѣ, у казѣ и проч. Такимъ образомъ, былъ процессъ слѣдующій: уже съ XIV-го вѣка (когда вообще развилось аканье) въ произношеніи безударный падежный суффиксъ *ъ* смѣшался съ *и*, эта звуковая причина повлекла за собой морфологическія новообразованія по аналогіи, которая получила широкое развитіе въ склоненіи именъ женскаго рода на *а*. Собственно говоря, въ этомъ морфологическомъ явленіи конечной причиной служитъ фонетическая особенность акающихъ говоровъ. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, сильнѣйшимъ падежомъ оказался дательный, отъ котораго и распространилось вліяніе на родительный, быть можетъ, оттого, что дательный, въ свою очередь, былъ сходенъ также съ предложнымъ падежомъ въ этомъ склоненіи женскаго рода, и потому болѣе употребительное окончаніе оказало перевѣсъ. Стало быть, въ рязанскомъ нарѣчій формы: у водѣ, у жанѣ, у сестрѣ и проч. образовались не непосредственно отъ вліянія формъ — зямлѣ и т. п., а черезъ посредство формъ съ неударяемымъ окончаніемъ, такъ какъ сама форма — зямлѣ обязана своимъ существованіемъ формамъ: волѣ(и), банѣ(и), вишнѣ(и) и проч. Дательный и родительный типа „воли“ и дательный типа „Матрёни“ повліяли на родительный „Матрёны“, откуда и произошелъ потомъ родительный „Матрёни“. А мягкія основы съ удареніемъ не на падежномъ суффиксѣ повліяли на мягкія основы съ удареніемъ на падежномъ суффиксѣ, откуда получилось, какъ „воли“ въ род. и дат. п., такъ и „замлѣ“ — род. и дат. п. Твердыя основы съ удареніемъ не на падежномъ суффиксѣ повліяли на твердыя основы съ удареніемъ на падежномъ суффиксѣ, откуда получилось какъ „Матрёни“ въ род. и дат. падежахъ, такъ и „жанѣ“ въ род. и дат. падежахъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти формы сводятся къ древне-русскимъ формамъ родительнаго падежа ед. числа на *ъ* въ именахъ женскаго рода съ основой на *а* мягкаго различія, такъ какъ это окончаніе *ъ* есть древнѣйшее окончаніе народнаго русскаго языка. (См. Соболевскаго. Лекціи.

2-е изд., стр. 134). Если бы здѣсь дѣло шло не о рязанскомъ нарѣчїи, то, конечно, весь вопросъ сводился бы къ смѣшенію твердыхъ и мягкихъ основъ женскаго рода и къ вліянію мягкихъ основъ на *а* на твердые основы. Несомнѣнно, что рязанскій говоръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ интересный образецъ и доказываетъ, что формы род. падежа на *ъ* не исчезли изъ живого русскаго языка, тѣмъ болѣе, что въ рязанскомъ нарѣчїи другихъ формъ, кромѣ вышеназванныхъ и подобныхъ имъ, не существуетъ: обыкновенныхъ литературныхъ формъ род. падежа ед. ч. женскаго рода на *и* или *и* (ударяемыя) нѣтъ.

Такимъ образомъ, предложеннымъ разборомъ женскаго склоненія вносится нѣкоторая поправка въ изслѣдованіе проф. Соболевскаго о русской грамматикѣ (В. 1881. Стр. 33), гдѣ онъ говоритъ, что „формы на *ъ* вмѣсто *и* въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мало извѣстны“ ¹⁾.

Что касается родительнаго падежа множ. числа именъ этого склоненія, то почти единственнымъ окончаніемъ его служить окончаніе *овъ* и *евъ*, перешедшее сюда изъ именъ мужескаго склоненія, которое, какъ сказано выше, охотно пользуется въ рязанскомъ нарѣчїи флексіями утратившагося склоненія съ основой на *й* (*ъ*). Такъ, напр. мы постоянно слышимъ: комнатафъ, дѣньгафъ, пушкафъ (имен. ед. пушка), лѣнтафъ, баранѡфъ (им. ед. боронѡ), рѡмкафъ (им. ед. рѡмка), люльѣфъ (им. ед. люлька), пѣчьѣфъ (им. ед. пѣчька), пѣсняфъ, платѣяфъ (им. ед. платѣя), пастѣляфъ (им. ед. постѣля) и проч. А также: чашкафъ, ва-

¹⁾ Впрочемъ, проф. Соболевскій здѣсь-же оговаривается въ скобкахъ, что малоизвѣстность этого явленія слѣдуетъ, можетъ быть, приписать небрежности, съ которой записываются у насъ произведенія народнаго слова. Однако, сравни у того же Соболевскаго (Лекціи. 2-е изд. 1891 г., стр. 167), черезъ десять лѣтъ повторяется то-же утвержденіе о небольшомъ количествѣ формъ род. ед. твердыхъ основъ на *ъ* вмѣсто *и* въ современномъ русскомъ языкѣ.

ро́нафъ, на́лкафъ, вѣ́дмафъ, дѣ́вкафъ (им. ед. дѣ́вка), за-
паднѣ́въ, му́щинафъ, ку́харкафъ, ку́хняфъ, карто́шкафъ, ка-
ло́шафъ, ка́ртафъ и пр. Замѣчательна также форма „гос-
подо́въ“ (гаспадо́фъ) вм. господѣ́ (Журавинка, Скопин. у.)
и „сѣ́мянѡвъ“—іѡ. въ муж. и ср. р.

Выше, въ отдѣлѣ фонетики, мы вскользь упомянули,
что такіа формы извѣстны не въ одномъ рязанскомъ на-
рѣчїи: ихъ мы находимъ, напр., въ тверскомъ нарѣчїи,
въ старицкомъ нарѣчїи, въ колязинскомъ и отчасти въ
псковскомъ говорѣ ¹⁾.

Наконецъ, къ этому же склоненію, а равно и къ муж-
ескому и среднему, принадлежитъ третья особенность,
рѣзко подмѣчаемая въ рязанскомъ говорѣ, именно, окон-
чаніе *ими* вм. *ами* въ творит. падежѣ множ. числа, пре-
имущественно послѣ звуковъ *г, н, ж*. Эта особенность, вѣ-
роятно, фонетическаго происхожденія, хотя можно думать
и объ аналогіи съ прилагательными, такъ какъ звукъ *а* (*я*)
фонетически не переходитъ обыкновенно въ *и*, кромѣ слу-
чаевъ, указанныхъ выше, въ отдѣлѣ фонетики. Такъ, мы
слышимъ: свѣ́ткими, дѣ́ньгими, бѣ́лками, бара́шками, „до-
рога устлана вѣ́шками“ (=вѣ́шками, отъ сл. „вѣ́ха“; срв.
не́бо вм. небо въ значеніи *coelum*), була́вками, нѣ́ткими,

¹⁾ Нѣсколько странно, что среди богатыхъ примѣчаній,
которыми дополнена „Сравнительная морфологія“ Миклошича
въ переводѣ Н. Шлякова подъ редакціей проф. Р. Ѳ. Бранд-
та, нигдѣ не упомянуто объ этихъ формахъ родит. падежа
множ. числа именъ женскаго рода на *овѣ* и *евѣ*. См. Сравнит.
Морфологію Миклошича. Русскій переводъ подъ ред. Р. Бранд-
та. Вып. III. М. 1886. Стр. 404—422. Кстати замѣтить, что
родительнаго падежа „солнце́въ“ мы сами также не слышали,
но въ рязанскомъ говорѣ скажутъ не иначе, какъ „со́нцафъ“.
(См. ук. соч. Миклошича. Стр. 418, пр. 1). На это явленіе мы
не нашли указанія также въ трудѣ проф. Соболевскаго „Лек-
ціи по исторіи рус. языка“ ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ изданіи.
Срв. Келосова „Обзоръ звук. и форм. особенностей нар. рус.
языка“. В. 1878. Стр. 215—216, а также статью Даля „О на-
рѣчїяхъ р. языка“. Стр. XLVII—XLVIII и др.

собаками, лавьими, кесёмьими, абшывьими, шайкими, падабоньими, зубкими, колокольчиками, палками, рожками, вязанками, ножками, кошками, кресникими и друг., но также мы слышали и яйцами, перьями, стульями и проч., гдѣ это окончаніе стоитъ не послѣ гортанныхъ звуковъ. Надо замѣтить, что оно вообще распространено, но особенно бросается въ глаза въ положеніи послѣ гортанныхъ звуковъ. (Срв. Колосова. Замѣтки о языкѣ.... въ области свр. нарѣчія. Отчетъ 4-й. СПб. 1877. Стр. 24. Муромское нарѣчіе). Иногда и въ дат. пад. множ. числа вмѣсто окончанія *амъ*, *ямъ* слышится окончаніе *имъ* или *ымъ*. Напр., въ Касим. у. слышимъ: „на угоды~~мъ~~-та нашимъ“ и т. п. Иногда творит. падежъ множ. числа отъ именъ этого склоненія имѣетъ окончаніе *-ми* по аналогіи съ именами женскаго рода на *ѣ* (основа на *ѣ*); напр., душии в.м. душами, какъ лошадыи, дверьми и т. п. Въ рязанскомъ нарѣчіи вообще такихъ примѣровъ не много, и всѣ они имѣютъ удареніе на падежномъ окончаніи, напр., слезми и проч., а потому, кажется, могутъ быть объясняемы единственно аналогіей съ именами склоненія на *ѣ* женскаго рода ¹⁾. Въ склоненіи съ основой на *ѣ* (ѣ) женскаго рода замѣчается также особенность въ предложномъ падежѣ единственнаго числа, особенность, уже засвидѣтельствованная памятниками др.-русскаго языка, — это, именно, *смышеніе основъ*, т. е. окончаніе *нъ* въ предложномъ падежѣ вмѣсто *и* по аналогіи со склоненіемъ основъ на *а* (*я*) женскаго рода. Это *нъ* въ рязанскомъ нарѣчіи носить на себѣ всегда удареніе, а формъ, нынѣ употребительныхъ въ литературномъ языкѣ, не встрѣчается. Напр., всегда говорятъ: на дварѣ, на пятѣ, въ (по) хрязѣ, на

¹⁾ О выпущеніи гласнаго звука передъ окончаніемъ *-ми* едвали можно думать, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ рязанскому нарѣчію, такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣтъ причины къ такому выпущенію. Срв. Колосова Обзоръ... Стр. 222, а также Сравнит. Морфологію Миклошича, русскій пер. III. Стр. 420—421.

лошадѣ, въ пылѣ, въ шарьстѣ, на чяпѣ, въ шпалѣ, на зямѣ (отъ имен. пад. „земь“, на земь); срв. на пирадѣ и внутрѣ вѣм. напередѣ и внутрѣ. Форма „внутрь“ показываетъ, что это слово измѣнялось по двумъ склоненіямъ, имѣя въ языкѣ двѣ основы: на о (нутрѣ, ряз. нутрѣ, -ѣ, -ѣмъ, нар. изнутрѣ и проч.) и на ъ: вѣнутрѣ, внутрѣ вѣм. внутрѣ; на стаяѣ и т. п. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что только сѣверно-великорусскіе говоры имѣютъ въ этомъ падежѣ и склоненіи ѣ вмѣсто и, какъ сказано это въ „Лекціяхъ“ Соболевскаго (2-е изд., стр. 165). Срв. Колосова Обзор. Стр. 223. Само собой разумѣется, что всѣ эти неточности своимъ происхожденіемъ обязаны изученію русскихъ нарѣчій по изданнымъ сборникамъ и книгамъ, а не на мѣстѣ ихъ употребленія. Легкость перехода именъ съ основой на ѣ (ѣ) въ склоненіе именъ съ основой на а (а, я) во множественномъ числѣ засвидѣтельствована даже литературнымъ, книжнымъ языкомъ, какъ указано въ Сравнительной Морфологіи Миклошича (русск. пер. III, стр. 429), а потому такой переходъ естественъ и въ единственномъ числѣ. Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій разсматриваемое явленіе обычно, между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ нарѣчій, кромѣ рязанскаго, оно не встрѣчается, и потому намъ кажется, что въ рязанскомъ нарѣчій его надо считать пришлымъ изъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія; но въ приволжскихъ губерніяхъ оно также встрѣчается довольно часто. Даже въ нарѣчій нѣкоторыхъ уѣздовъ Курской губерніи, напр., въ Щигровскомъ, Путивльскомъ, Обоянскомъ, которое наиболѣе сходно съ рязанскимъ нарѣчіемъ, даже до деталей, насколько можно судить по изданнымъ г. Халанскимъ пѣснямъ, и то подобныхъ формъ дат.-предл. падежа на ѣ вмѣсто и не встрѣчается ¹⁾.

¹⁾ Много такихъ формъ мы встрѣчаемъ въ народныхъ произведеніяхъ, изданныхъ въ Запискахъ Русскаго Географ. Общества по Отдѣлу Этнографіи. XII. Напр., степѣ — N 4 стр. 29, въ кровѣ — N 19 стр. 101, на цѣпѣ — N 23 стр. 111,

Въ именахъ существительныхъ съ основой на согласный звукъ въ рязанскомъ нарѣчїи поражаютъ случаи архаическихъ окончаній, съ одной стороны, и полная потеря слѣдовъ согласнаго склоненія, — съ другой. Напр., для слова „свекровь“ есть только названіе „свѣкръ“: моя свѣкры, „маей свѣкрѡви“ и проч., но рядомъ съ этимъ при именительномъ падежѣ ед. числа „мать“ и „дочь“ винительный постоянно „матерю“ и „дѡчерю“, какъ будто бы именительный былъ съ основой на *а* (*я*). Срв. Колосова Обзоръ. Стр. 209, 218. Въ Сборникѣ русскихъ пѣсень Шейна приведена пѣсня изъ Калужской губерніи Малояросл. уѣзда (N 91, стр. 139), гдѣ встрѣчается также слово „свѣкры“ въ именит. падежѣ, но въ этой-же пѣснѣ попадаетъ нѣсколько выше и „свекровь“; въ рязанскомъ же нарѣчїи слова „свекровь“ отъ простыхъ людей мы не слышали ни разу. (См. также Сравн. Морфол. Миклошича. III. 431 и 435. Прим. 3, гдѣ приведена форма „дѡчерю“ изъ Сказокъ Аванасьева).

Что касается прочихъ именъ согласнаго склоненія, то надо замѣтить, что оно почти цѣликомъ по своимъ падежнымъ окончаніямъ перешло въ склоненіе на *о* или *а* или *ѡ*: такъ, слово „время“ склоняется по склоненію на *о* безъ всякаго воспоминанія о согласной основѣ; косвенные падежи слова „время“ въ народномъ говорѣ рязанскомъ предполагаютъ именительный пад. ед. ч. въ формѣ средн. рода „време“, которая въ силу аканья совпадаетъ съ древней формой „время“. О формѣ „време“ или „времѣ“ см. Колосова Обзоръ. 215. Пр. 3 и Сравн. Морфол. Миклошича. III. 433. Пр. 1 и 2. Слово „дитѣ“ вм. „дитя“, образовано какъ и слово „времѣ“, причемъ твор. ед. „дитѣй“ и „дитѣмъ“; слово „цѣркваѣ“, склоняясь по образцу именъ на *ѡ* женскаго рода, въ твор. пад. ед. числа имѣетъ и форму „цѣрквай“, какъ-бы отъ именительнаго

на пѣчѣ—N 60 стр. 188. Срв. также: путѣ—*ibid.* N 5 стр. 44. („Путь“ въ народномъ языкѣ обыкновенно женскаго рода, во многихъ влѣкр. нарѣчїяхъ).

на *а* — „перевъ“, котораго однако въ живомъ говорѣ не слышно. Наконецъ замѣтимъ, что слова „плѣмя“ или „плѣмень“ въ народѣ не слышно, а говорится постоянно „пѣлынь“, род. ед. — „пѣлыню“ и проч.

Здѣсь же отмѣтимъ нѣкоторые отдѣльные случаи аналогіи и управленія падежей: такъ, напр., предложный падежъ „въ дуплѣ“ породилъ собой форму родительнаго падежа „до дуплѣ“ вм. „до дупла“ (См. Колосова. Замѣтки о языкѣ... въ области свр. нарѣчій. Отчетъ 4-й. СПб. 1877. Стр. 18. Во Владим. губ. — дуплѣ — имен. падежъ); а предлогъ „при“ нерѣдко употребляется съ формой род. пад. множ. числа на *ей* отъ именъ на *з*: напр., „при гастей“ = „при гостей“; или предлогъ „объ“ соединяется часто съ родит. падежомъ множ. числа на *-овъ*: „нужна въ людяхъ *абъ дяловъ* думать“ (с. Яблоново, Скоп. уѣзда) и нѣбр. друг.

Имена прилагательныя. Измѣненія въ падежныхъ флексіяхъ именъ прилагательныхъ сравнительно съ флексіями русскаго литературнаго языка объясняются въ большинствѣ случаевъ особенностями фонетики рязанскаго говора и были разсмотрѣны нами выше. Такъ, напр., окончаніе *ай, яй* въ имен. пад. ед. ч. муж. р. вмѣсто *ий, ій*; окончаніе *ава, ява* (*аһа, яһа*) въ родит. п. ед. ч., — окончаніе *уя* вм. *ую* въ вин. п. ед. ч. женскаго рода, наконецъ, окончаніе *ымъ, имъ* въ предл. пад. ед. числа муж.-средн. рода: въ бѣлымъ, на жѣлымъ на пяску¹⁾ и проч., хотя рядомъ съ этимъ и окончаніе *-амъ, -ямъ* въ предл. пад. ед. числа муж.-средн. рода; все это имѣло мѣсто въ обзорѣ фонетическихъ особенностей. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе на особое образованіе сравнительной степени въ рязанскомъ нарѣчій, чѣмъ это послѣднее очень

¹⁾ Срв. у Шейна. Матеріалы для изученія быта и языка... и проч. „На желтымъ пяску“. N 143, стр. 149. Пѣсня Смоленской губерніи.

близко походить на нарѣчіе бѣлорусское. Надо замѣтить, что въ рязанскомъ нарѣчій есть только одного типа сравнительныя степени, т. е., если бы мы хотѣли сказать, какое окончаніе изъ существовавшихъ для сравнительной степени удержалось въ рязанскомъ нарѣчій, то должны бы были выразиться такъ: что ему въ настоящее время почти исключительно извѣстно только стрсл. окончаніе сравнительной степени мужеск. рода *нѣй*, иногда — окончаніе, бывшее для средняго рода, — *нѣ*, такъ что всѣ прилагательныя образуютъ сравнительныя степени по типу формъ: добрѣй, бѣлѣй, краснѣй и проч. Такимъ образомъ, мы находимъ: паворочей, ұжай, шыпъчѣй, рѣшшай (сравн. ст. отъ „рѣзко“, что по-рязански значить: быстро, шибко и громко, смотря по смыслу); большай, чѣшшей, лұччей, хұжей и хұжай, бліжай и бліжея: „эта сяло бліжея ѳнтава“ (с. Городецкое, Скопинск. у.); также: хұжея, лұччея (с. Корневое, Скоп. у.), жырѣй = жарче, далжѣй = долъше, далѣй = далѣе (с. Журавинка, Скоп. у.), тѣшай, патѣшай, бѣлѣй (срв. выше: большай) и проч. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, словахъ конечнаго звука *й* или *е* (*я*) не слышно; такъ, напр., паглұбѣ = поглұбже, парѣня = порѣньше, паслѣшша = послѣще (с. Мишино, Михайлов. у.). Впрочемъ, эти же слова въ другихъ мѣстахъ произносятся и съ конечнымъ звукомъ *й* или *е* (*я*). Въ Касимовскомъ уѣздѣ встрѣчаются также: попознѣ = попозднѣе, „побѣлѣ стала рошѣ“ и т. п. Въ этомъ отношеніи бѣлорусское нарѣчіе замѣчательно сходно съ рязанскимъ; здѣсь мы имѣемъ: часьцѣй, гусьцѣй, ширѣй, вышей (Шейнѣ. Матеріалы для изученія быта и языка... I. СПб. 1887. N 138, стр. 143. Минской губерніи); срв. N 142, стр. 148, Витебск. губ.; пригожай, выспай и проч. N 149, стр. 157, Могилевск. губ. и мн. др. Точно такія же окончанія употребительны нынѣ и въ ряз. нарѣчій, а форму „вышей“ мы встрѣчали уже въ древнихъ рязанскихъ грамотахъ. (Рядная Запись 1690 г. Ряз. Рязанск. Архива. N 147). Гласная въ окончаніи сравн. степени *нѣй* произносится разнообразно. Въ превосходной степени рязанское

нарѣчіе пользуется обыкновенно суффиксами: *ыишій, иишій*: бальшійшай, талстійшай, длиннійшай и проч. Наконецъ, особаго замѣчанія заслуживаютъ краткія, или существительныя формы именъ прилагательныхъ въ виду того, что нѣкоторые полагаютъ ¹⁾, что въ народѣ слышится архаическая форма на *и* вмѣсто *ы* въ именит. падежѣ множ. числа только въ трехъ прилагательныхъ: *сп-ти, ради, богати*, но надо замѣтить, что такихъ прилагательныхъ съ архаическимъ окончаніемъ въ рязанскомъ нарѣчій гораздо болѣе трехъ; мы слышали: *сыти, богати, ради, вѣлодни, виновати, мѣлоди, довѣлни* и *пѣни*, но не знаемъ, всѣ-ли намъ пришлось слышать, или есть еще нѣкоторые. Имена городовъ Рязанской губ., собственно прилагательныя краткой формы, въ народѣ не теряютъ слѣдовъ прилагательнаго склоненія съ полнымъ окончаніемъ, т. е. народъ дѣлаетъ изъ краткихъ формъ полныя, мѣстоименныя: Пронскъ — Пранской *хорать*, Рязскъ — въ Рязскомъ *хорадѣ*, хотя это далеко не всегда. Указаніе Я. К. Грота относительно произношенія „подъ Скопинѣмъ“ вм. „подъ Скопинѣмъ“ (см. Сравн. Морф. Микл. III, стр. 422, прим. 4) совершенно справедливо: въ Скопинѣ мы постоянно слышали твор. п. ед. ч. „Скопинѣмъ“, „подъ Скопинѣмъ“. Но рядомъ съ этимъ: „подъ Рязскомъ и „подъ Рязскимъ“.

Имя числительное. Въ именахъ числительныхъ, обходя фонетическія замѣны, намъ придется коснуться только древнихъ формъ: *двуми, трѣми* и *четырьми*, которыя постоянно слышатся въ рязанскомъ нарѣчій. Эти формы обязаны своимъ происхожденіемъ въ рязанскомъ нарѣчій, вѣроятно, вліянію формъ творительнаго падежа множ. числа отъ именъ съ основою на *ѣ* (ѣ): *лошадѣми, костѣми, дверѣми* и проч., такъ какъ формъ какого-бы-то ни было

¹⁾ См. Буслаева. Историч. Грамматика. § 101. Прим. 2. Также Сравнительную Морфологию Миклошича. Русскій пер. III. Стр. 422. Прим. I.

падежа на *мя*, *кромя*, конечно, именит. п. ед. числа въ согласномъ склоненіи; рязанское нарѣчіе въ живомъ употребленіи не знаетъ. Форма „двумѣ“, вѣроятно, уже очень давно подпала вліянію формъ: „треми“ и „четырьми“ и замѣнила др.-русскую форму „двѣма“, такъ какъ съ теченіемъ времени числительное „два“ приняло падежныя окончанія множ. числа; съ другой стороны, наши формы: „тремя“, „четырьмя“ сами подъ вліяніемъ формы „двумѣ“ образовали такой творительный падежъ. Такимъ образомъ, форма „двумя“ идетъ еще отъ того времени, когда было въ сознаніи двойственное число, а форма „двумѣ“, извѣстная въ живомъ народномъ говорѣ (см. Колосова. Обзоръ. Стр. 232), приноровилась уже ко множественному числу послѣ забвенія о значеніи двойственности подъ вліяніемъ формъ „треми“, „четырьми“. Во всякомъ случаѣ форма „двумѣ“, намъ думается, древнѣе, а форма „двумя“ — рациональнѣе образована, хотя и новѣе. Формы-же „тремя“, „четырьмя“ подпали вліянію формы „двумя“, но причинъ такого вліянія мы себѣ уяснить не можемъ. (Срв. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изданіе, стр. 188 и 198).

Мѣстоименіе. Въ мѣстоименіяхъ личныхъ рязанское нарѣчіе сохранило также нѣсколько древнихъ русскихъ формъ. Напр., мѣстоименіе 1-го лица — *я* имѣетъ въ род. и винит. падежахъ — *менѣ(ѣ)*, въ дат. п. — *мнѣ* (иногда — *менѣ*), твор. п. — *мною* и предл. п. — *мнѣ* (иногда: „абы менѣ“). Въ Касимовскомъ уѣздѣ слышится иногда въ винит. пад. форма — *мя*: „вадила *мя*“. Мѣстоименіе 2-го лица — *ты* въ род. и винит. пад. имѣетъ также *тебѣ(ѣ)*, въ дат. п. — всегда *тебѣ*. Въ Касимовскомъ уѣздѣ иногда — *таѣ* и *тѣ*. Въ винит. п. тамъ-же иногда — *тя*: „благодаримъ *тя*“; въ Михайловскомъ уѣздѣ часто — *те*: „вуды *те* насѣ“ = куда тебя несетъ. Творит. п. — *тобой*, предл. п. — *тебѣ*. Въ возвратномъ мѣстоименіи: род., вин. и предл. пад. — *себѣ(ѣ)*, дат. п. — всегда *сабѣ*; творит. п. — *собой*. Въ Касимовск. у. иногда винит. п. — *ся*: „за *ся*“ = за себя; также въ дат. падежѣ иногда: *сяѣ* — *сяѣ* = себѣ;

въ род. пад.: у сей—у себя. Формы: тобѣ, собѣ извѣстны русскому языку уже съ XI-го вѣка: ихъ мы находимъ въ Изборникѣ 1073 г., въ Архангельскомъ Ев. 1092 г. и въ Минеехъ 1095—97 гг. Формъ менѣ, тебѣ, себя въ рязанскомъ говорѣ мы не находимъ, и въ этомъ состоитъ, можно сказать, архаизмъ послѣднѣяго, такъ какъ эти формы обязаны своимъ происхожденіемъ именному склоненію мужескаго рода. Рязанскія же формы: менѣ, тебѣ, себѣ сходны съ древне-русскими и съ нынѣшними малорусскими, но въ нихъ, конечно, послѣднее *е* умягчительное, не малорусское, и потому мы выше при этихъ формахъ вездѣ въ скобкахъ ставили букву *ъ*.¹⁾ Во всякомъ случаѣ нынѣшнія формы великорусскихъ нарѣчій съ конечнымъ *е* въ родит. падежѣ, какого-бы качества это *е* ни было, возводятся къ древне-русскимъ формамъ на *е*. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 140, 169—170). Нѣкоторые изъ формъ рязанскаго нарѣчія извѣстны свр. нарѣчію, напр., формы род. падежа: мине, тебе, сей; формы дат. пад.: тобѣ (тобѣ), собѣ; формы вин. пад.: тя, те, ся и др. (Колосовъ. Обзоръ. Стр. 234)¹⁾. Говоря о личныхъ и возвратномъ мѣстоименіи, считаемъ умѣстнымъ здѣсь-же сказать о томъ, что въ рязанскомъ нарѣчій отличительной чертой между прочими служить употребленіе при глаголахъ возвратнаго мѣстоименія *си* вмѣсто *ся*. Трудно сказать, фонетическое-ли это явленіе въ рязанскомъ говорѣ, или нѣтъ, но фактъ тотъ, что это мѣстоименіе *си* извѣстно еще въ старосл. и др.-русск. языкахъ при извѣстныхъ глаголахъ, конструкція которыхъ требовала дательнаго падежа, а отсюда это явленіе распространилось и на другіе глаголы; съ другой стороны, въ нынѣшнемъ рязанскомъ

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что возвратное мѣстоименіе дат. падежа *си* въ словѣ „свойси“ совершенно не чувствуется, какъ замѣтилъ Р. Θ. Брандтъ въ Сравни. Морфол. Миклошича, вып. III, стр. 436, прим. 1, и этому служить новымъ доказательствомъ употребляемое въ рязанскомъ нарѣчій „свойси“ вмѣсто „свой-си“.

нарѣчій извѣстны и глагольныя формы съ мѣстоименіемъ *ся*, хотя онѣ гораздо рѣже употребляются, и подмѣтить условія ихъ употребленія намъ рѣшительно не удалось; такъ какъ, вѣроятно, таковыхъ условій и не существуетъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже примѣровъ. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ скорѣе признать это явленіе въ рязанскомъ нарѣчій не фонетическимъ, а другимъ. Напримѣръ: *завалѣлси*, *распѣлси*, *жавилси*, *захрахаталси* = *засмѣлся* (грохотать = по-рязански „смѣлться“), *засмѣлси* = *засмѣлся* (с. Журавинка, Скоп. у.), *напилси*, *забралси*, *пакатѣлси*, *павалѣлси*, *запарси*, *вымаисси*, *нажарисси*, *взялси*, *падралѣлси* и проч. Но: *адъвиһаітсѣ* = отодвигается, *напилася*, *ни биспакоѣтисѣ* и проч.

Что касается мѣстоименія 3-го лица, то въ немъ почти всѣ измѣненія фонетическаго происхожденія, кромѣ нѣкоторыхъ формъ мѣстоименія женск. рода „она“; напр., въ род. п. ед. числа мы слышимъ: *яѣ* обыкновенно, но съ предлогами почти всегда *ѣй*: *у ей*, *бязъ ей*, *для ей* и пр. Иногда слышимъ и древнюю форму—*еѣ*, откуда и винит. пад.—*еѣ* вмѣсто *еѣ*, *яѣ*, тоже извѣстныхъ. Напр., „на *неѣ*“ (с. Мишино, Михайлов. у.). „Пра *неѣ* *наварѣтъ*“ (с. Вослябово, Скоп. у.). Эти формы составляютъ правило въ свр. нарѣчій, напр., въ Тверской губерніи. Замѣтимъ также, что въ народномъ языкѣ при измѣненіи мѣстоименія 3-го лица очень рѣдко приставляется звукъ *н*, который мы привыкли приставлять послѣ предлоговъ въ личномъ мѣстоименіи. Мѣстоименія: *весь*, *кой*, *сей*, *оба* во множ. числѣ въ род. падежѣ имѣютъ формы, какъ мѣстоименіе *тотъ*: *тѣхъ*, *всѣхъ*, *ѣхъ*, *сѣхъ*, *абѣхъ*, а послѣднее и въ дат. падежѣ—*абѣмъ*: „съ *ѣхъ* *порѣ*“, „въ *абѣхъ* *печѣяхъ*“, „я *абѣмъ* *дала*“, „да *ѣхъ* *порѣ*“, „да *сѣхъ* *порѣ*“ и т. п. Мѣстоименія: *весь*, *одинъ*, *самъ*, *тотъ* въ вин. п. ед. ч. женск. рода имѣютъ: *всеѣ*, *аднаѣ*, *самаѣ*, *таѣ*, какъ личное—*еѣ*. (См. Соболевскаго. Лекціи. 2-е изд., стр. 65). Мѣстоименіе *весь* въ женскомъ родѣ въ творит. пад. ед. числа и въ предл. падежѣ, а также въ дат. и родит. пад.

имѣть чаще *ѣ*, чѣмъ *е*: всѣй: „всѣй душой“; подобное встрѣчается и въ прилагательныхъ мѣстоименіяхъ: мой, твой, свой и объясняется вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ это ударяемое *е* стоитъ передъ твердымъ согласнымъ: моѣмъ, всѣмъ и проч. Указательное мѣстоименіе „этотъ“ обыкновенно замѣняется разнообразными мѣстоименіями: ѣтотъ, ѣстотъ и ѣнтотъ, но нельзя сказать, что бы въ рязанскомъ нарѣчій выборъ изъ этихъ мѣстоименій зависѣлъ отъ согласнаго звука въ управляющемъ ими предлогѣ: „въ ѣнтамъ“ и „съ ѣнтимъ“, а также „въ ѣфтамъ“. Въ предложномъ падежѣ иногда употребляется флексія творительнаго отъ этого мѣстоименія, напр., „въ ѣтимъ“ вм. „въ ѣтомъ“. Въ притяжательныхъ мѣстоименіяхъ: мой, твой, свой въ род. и дат. п. ед. числа муж. и ср. р. обыкновенно употребляются стяженные формы: маво, тваво, сваво; маму, твамю, свамю, какъ и въ другихъ влкр. нарѣчіяхъ.

Спряженіе. Глаголь. Спряженіе глаголовъ въ настоящемъ времени въ рязанскомъ нарѣчій во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательно: съ одной стороны, рязанское нарѣчіе въ этомъ отношеніи роднится съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, такъ какъ имѣетъ для 3-го лица ед. и множ. числа личное окончаніе только *тъ* (блр. *цѣ* согласно особенностямъ фонетики послѣдняго), съ другой стороны, — оно роднится съ свр. и млр. нарѣчіями, такъ какъ отбрасываетъ личное окончаніе *тъ* въ 3-мъ лицѣ ед. числа. Общее наблюденіе надъ глаголами въ рязанскомъ нарѣчій показало намъ слѣдующее: глаголы или отбрасываютъ личное окончаніе *тъ* въ 3-мъ лицѣ единств. числа (всегда въ вольныхъ селахъ и деревняхъ), или не отбрасываютъ (въ городахъ и прочихъ мѣстностяхъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ: напр., будя=будеть). Если *тъ* отбрасывается, то глаголь всегда переходитъ изъ 2-го спряженія въ 1-ое, т. е. измѣняетъ тематическое *и* на *е*; это *е* можетъ имѣть на себѣ удареніе въ глаголахъ 1-го спряженія, съ тематическимъ *е*, которое въ такомъ случаѣ въ живомъ языкѣ переходитъ въ *ѣ*, но въ вольныхъ селахъ

и деревняхъ Рязанской губерніи остается звукомъ *е*, и тогда окончаніе *тъ* обыкновенно не откидывается, хотя бываютъ случаи откидыванія *тъ*, и глаголь оканчивается тогда на *ѣ* или *е*, но это вообще довольно рѣдко. Если тематическое *е* не имѣетъ на себѣ ударенія, то будетъ-ли оно принадлежать глаголу 1-го спряженія, или будетъ происшедшимъ изъ тематическаго *и* во 2-мъ спряженіи, оно во всякомъ случаѣ по законамъ рязанской фонетики переходитъ въ *я*. Глаголы 2-го спряженія съ ударяемымъ тематическимъ *и* не отбрасываютъ никогда окончанія *тъ*. Въ 3-мъ лицѣ множ. ч. *тъ* почти всегда остается ¹⁾. Такимъ образомъ, формулируя наше наблюденіе въ болѣе краткой формѣ, слѣдовало-бы сказать такъ: глаголы съ ударяемымъ тематическимъ *е* или *и* обыкновенно не отбрасываютъ личнаго окончанія *тъ* въ 3 л. ед. числа; ударяемое тематическое *е* не переходитъ въ вольныхъ селахъ и деревняхъ въ *ѣ*, а остается *е*. Глаголы съ неударяемымъ тематическимъ *е* или *и* при отбрасываніи личнаго оконча-

¹⁾ Вѣроятно, впрочемъ, такіа формы 3-го л. множ. числа безъ *тъ* извѣстны кое-гдѣ въ Рязанской губерніи: въ числѣ формъ глагола, записанныхъ въ Михайловскомъ уѣздѣ, значится одна—*ни вялѣ* вм. *ни вялѣтъ*=не велятъ (с. Мишино), но сами мы нигдѣ ни разу такихъ формъ не слыхали. Такія формы тѣмъ болѣе сомнительны, что изъ всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ нами, мы могли найти только одну такую форму, хотя устно намъ сообщали нѣкоторые лица, что будто-бы кое-гдѣ говорятъ—*идѣ* вм. *идѣтъ*=ѣдѣтъ. Сравни подобныя формы въ курскомъ нарѣчьи:

На дярѣвяхъ лѣстики *шумѣ*;

Раврѣвай лѣстики

Призablѣкнувши *висѣ*;

На мѣлкихъ, на кѣстикахъ

Дрѣбны птѣшечки *сидѣ*,

У слухъ рѣчи *гаварѣ*. и проч. Халанскій. Образцы народного говора южной части Курской и сѣверной — Харьковской губерніи. N 17. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. 1882 г. Срв. въ сѣв.-влкр. нарѣчьи у Гильфердинга: Онежскія былинны. Стр. 682. „Оны заходя“ и друг.

нія *тъ* объединяются въ одномъ 1-мъ спряженіи, т. е. принимаютъ форму глагола съ тематическимъ *е*, которое въ такомъ случаѣ, по законамъ рязанскаго аянья, переходитъ въ звукъ *я*. Такимъ образомъ, мы имѣемъ: глаголы съ ударяемымъ тематическимъ *е* и *и* вообще въ городахъ и помѣщичьихъ селахъ: вязѣтъ, насѣтъ, встаѣтъ, живѣтъ, даѣтъ, барѣтъ; кричѣтъ, блжѣтъ, шумѣтъ, хрямѣтъ, сидѣтъ, вялѣтъ и проч. Въ вольныхъ селахъ и деревняхъ: вязѣтъ, насѣтъ, встаѣтъ, живѣтъ, даѣтъ, барѣтъ, тачѣтъ, бѣтца, мреть, запрѣтъ; глаголы съ тематическимъ ударяемымъ *и* и здѣсь такъ и остаются. Формы: живѣ, идѣ, барѣ, придѣ, растѣ, вязѣ, сатѣ (сотвѣтъ), паспѣ (=поспѣваетъ), а также формы: атдаѣ, живѣ вообще встрѣчаются довольно рѣдко по сравненію съ приведенными выше. (Касимовскій уѣздъ, Тумскій край; Спасъ-Кляпикі; Михайловскій уѣздъ, Ижеславль, Никольское, Мишино; Спасскій уѣздъ, Юшта, Терехово и иногда въ Скопинскомъ уѣздѣ, Сѣвирня, Пушки, Топіла). Глаголы съ неударяемымъ тематическимъ *е* или *и* принимаютъ однообразный видъ съ темой 1-го спряженія на *е=я*: ѣдя, ходя, дѣя, будя, вѣря, хвѣтя, вѣдя, придя, вѣвзя, вѣядя, вѣзя, рубя, хватя, дѣмая, вырастя, вырастѣя, бывѣя, вѣдая, зная, лѣзя, кусѣя, указывая, натѣживѣя, схватѣя, выхоря, растѣя, скажа, хочѣя, носѣя, абвѣсьня, влѣзя, задвѣня, заиhrѣя, надѣрѣня, вскоча, стоѣя, стѣня, можа, слѣдѣя, уча, истѣя, хутѣя, ишша (=ищеть), позатѣхня, присѣя, наливая, кося, работѣя, посмѣтрѣя, плантѣя (=размѣрѣетъ, дѣлаетъ планъ) и др. Формы безъ *тъ* въ 3-мъ л. ед. ч. извѣстны также въ свр. нарѣчій. См. напр. Гильфердинга. Былины. Стр. 682: ѣде; стр. 1069: летѣе и мн. др. Въ Ряз. также: лѣтѣя, холодѣя, умирая, дохня, изрѣжа, обрѣжа, напѣша, вѣнѣчѣя, помогѣя, заболѣя, напѣня и друг. Всѣ такія формы — принадлежность вольныхъ селъ и деревень Рязанской губерніи; въ городахъ и селахъ другого рода скажутъ всѣ эти глаголы съ окончаніемъ *тъ*: ѣдетъ, ходитъ, вѣритъ, вѣвзѣтъ, вѣядетъ, вѣзитъ, рубитъ, хватѣетъ, дѣмѣетъ, вырастетъ, вырастѣетъ, бывѣетъ, знаетъ, лѣзѣтъ,

хочеть, скажыть, можыть, задвйнетъ, истопить, йшпыть, косьть и т. п. ¹⁾ Если въ глаголѣ въ 3-мъ лицѣ ед. числа стоитъ *е*, а не *ѣ* (ударяемое), то оно сохраняется и во 2-мъ лицѣ ед. ч., и въ 1-мъ л. множ. ч., и во 2-мъ л. множ. числа по аналогіи съ 3-мъ лицомъ ед. числа (конечно, только въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ вообще такія формы извѣстны). Если же въ глаголѣ въ 3-мъ лицѣ ед. ч. стоитъ ударяемое *ѣ*, то оно также сохраняется въ прочихъ вышеозначенныхъ лицахъ, куда оно перешло изъ формъ, имѣвшихъ въ личномъ окончаніи твердую согласную, напр., изъ 1-го лица множ. числа. Если къ глаголу присоединяется мѣстоименіе *ся* (*си*), то окончаніе *тъ* передъ нимъ въ большинствѣ случаевъ твердѣетъ, обращаясь въ *тѣ* (*тѣ*), которое чаще всего вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ звукомъ *с* (*ся*, *си*) переходитъ въ звукъ *ц*. Но въ вольныхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ вообще болѣе выдержана и архаична фонетика и морфология, нерѣдко слышишь это мягкое *т* (*тѣ*) въ 3-мъ лицѣ ед. числа передъ *ся* (*си*): *смяжѣтѣся*. Во 2-мъ лицѣ ед. числа окончаніе *шь*, конечно, вездѣ произносится твердо, но передъ *ся* (*си*) обращается въ мягкое *с* (*сь*): *амыбѣсься* = *ошибѣсься*, *зайкнѣсься* = *зайкнѣшься* и т. п. Глаголы

¹⁾ Слѣдимъ оговориться, что, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ Рязанской губерніи найдутся эти формы, или, можетъ быть, нѣкоторыя изъ формъ, отнесенныхъ нами къ вольнымъ селамъ и деревнямъ, окажутся извѣстными и въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ. Все это легко можетъ быть, такъ какъ не въ каждомъ уголкѣ Рязанской губерніи мы были, и не изъ cadaго уголка доносились до насъ звуки живой рѣчи, но въ общемъ едвали наше наблюденіе грѣшить противъ истины, такъ какъ мы его провѣряли лично на очепъ многихъ селахъ и деревняхъ Скопинскаго уѣзда, и во всемъ своемъ трудѣ старались быть, насколько можно, точными. Быть можетъ, болѣе продолжительное пребываніе въ Рязанской губерніи, чѣмъ два года, и совершенное погруженіе въ изслѣдованіе рязанскаго говора, не нарушаемое никакими другими занятіями, во многихъ отношеніяхъ пополнило бы и улучшило нашъ настоящій трудъ.

2-го спряженія, съ тематическимъ безударнымъ *и*, въ 3-мъ лицѣ множ. числа всегда и вездѣ переходятъ въ 1-е спряженіе съ окончаніемъ *уть, ютъ*: поставють, бла҃гасгють = благовѣстятъ, воробжуть = ворожатъ и проч. Относительно образованія формъ настоящаго времени, слѣдуетъ еще замѣтить, что многіе глаголы образуютъ настоящее время отъ основы неопредѣленнаго наклоненія. Напр., спрятаю — въ значеніи будущаго времени; прѣтаю, прѣтаешь; вставаешь, даваешь, даваѣтъ, даваѣмъ, стонаѣшь, стонаѣтъ; продаваю, продавають, вставають, мѣлаваѣтъ, оставаютьца = остаются (с. Журавинка, Скоп. у.) и проч. Такія формы извѣстны также свр. нарѣчію, особенно въ Архангельской губерніи (Даль. О нарѣчіяхъ. LII). Съ другой стороны, извѣстны формы прошедшаго времени, образованныя въ нѣкоторыхъ глаголахъ отъ основы наст. времени, напр., завбилъ вм. завылъ и т. п. Извѣстно также (преимущественно въ деревняхъ и селахъ Касим. уѣзда) образованіе глаголовъ въ 1-мъ лицѣ наст. времени по аналогіи съ прочими лицами того же времени, напр., безъ смягченія губного звука: спю, готовю, люблю, купю (последніе два съ переносомъ ударенія); а также слѣдующіе глаголы представляютъ формы наст. времени, образованныя по аналогіи: пяку, пякѣшь (пякѣшь), пякѣтъ (пякѣтъ), пякѣмъ (сс. Корневое, Вослябово Скоп. у.), пякѣмъ (с. Яблоново, д. Щелево Скоп. у.), пякѣтя (пякѣтя), пякутъ. Или: стиригѣтъ, памагѣтъ, тьягѣтъ, бягѣтъ; магѣтъ, магѣмъ (Кас. у.), хожу (съ переносомъ ударенія), хожутъ (Кас. у.); можу (Скоп. у.), мѣжуютъ, хочу, хочютъ, стрѣжуютъ (=стригуть) — Скоп. у.; форма „куплѣютъ“, извѣстная въ Касим. уѣздѣ въ значеніи „покупаютъ“, вѣроятно, обязана своимъ образованіемъ желанію не смѣшивать двухъ глаголовъ:купаютъ и покупаютъ. Замѣтимъ также слѣдующія образованія глаголовъ: отъ глагола „мѣсѣтъ“ — 1-е лицо будетъ „мѣшю“, а дальше обыкновенно идетъ такъ: „мѣсѣшь“ и проч. Глаголъ „смѣгать“ имѣетъ въ 1-мъ лицѣ ед. числа „смѣжю“, 2-е л. — смѣжешь“ и т. д. Какъ видно изъ представленныхъ примѣровъ, нѣкоторые глаголы въ настоя-

щемъ времени въ нѣкоторыхъ лицахъ обязаны вліянію формъ 1-го лица ед. числа; таковы, напр., *тягѣть*, *бятѣть*, *стирягѣть* и мн. др. Другіе глаголы въ нѣкоторыхъ формахъ обязаны вліянію формъ 2-го лица ед. ч., а также 3-го лица ед. ч., 1-го и 2-го множ. числа, какъ, напр., формы: *можу*, *можуть*, *стрыжуть*, *хожуть* и проч. (конечно, есть и форма „*хѣдють*“).

Слѣдуетъ также упомянуть о рѣдкихъ стяженныхъ формахъ въ настоящемъ времени глаголовъ. Приводимы ниже формы взяты изъ Касимовскаго уѣзда, при чемъ надо замѣтить, что этотъ уѣздъ ближе всего лежитъ къ Владимирской губерніи, а извѣстно, что владимирскій говоръ при прикосновеніи съ рязанскимъ постепенно переходитъ въ рязанскій (Меленковский уѣздъ Влад. губ. и Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи говорятъ почти порязански. Даль. О нарѣчіяхъ. LV, LVII), потому весьма вѣроятно, что и въ соответственныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи чистота рязанскаго говора сильно страдаетъ. Намъ извѣстны, напр., такіа формы изъ Касимов. уѣзда: *обмѣрашъ* = *обмѣраешь*, *обмѣришь*; *скупца* = *скупчается*; *слѣдова* = *слѣдуетъ* (слѣдовая, слѣдую. См. выше), *работутъ* = *работаютъ*, *требутъ* = *требуютъ*. Другихъ формъ стяженныхъ, и въ особенности въ 1-мъ лицѣ ед. числа, намъ неизвѣстно¹⁾. Наконецъ, въ томъ же Касимовскомъ уѣздѣ, въ Тумскомъ краю, а также и въ Зарайскомъ уѣздѣ, извѣстны новообразованія для 3-го лица множ. числа наст. вр. и для неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ съ мѣстоименіемъ *ся* (*си*). Новообразованіе это состоитъ въ присоединеніи вторичнаго личнаго окончанія *тъ* къ формѣ глагола, оканчивающейся мѣстоименіемъ *ся*: *акунутцуть* = *окунутся*, *абсѣютцуть* = *обсѣются*, *кѣтютцуть* = *кѣтятся*; а также въ неопредѣленномъ наклоненіи, напр., *смѣятцять* = *смѣяться* и проч. Намъ кажется, что эти новообразованія объясняются естественнымъ желаніемъ окончить

¹⁾ См. нашу статью: „Русскій глаголъ сравнительно съ церковнославянскимъ“. Р. Ф. В. 1892 г. N 1.

глагольную форму обычнымъ окончаніемъ *тъ* (*тѣ*). Чтобы покончить съ формами настоящаго времени, упомянемъ еще о глаголѣ „ѣздію“, „ѣздишь“, „ѣздитъ“ (какъ въ Москвѣ), который не извѣстенъ въ формѣ „ѣзжу“ и т. д., и о формѣ „вытыкнешъ“ (Касимов. уѣздъ, Тумскій край) въ смыслѣ „вытѣнешъ“, отъ гл. „вытѣать“.

Теперь переходимъ къ другимъ глагольнымъ формамъ. Въ повелительномъ наклоненіи, кромѣ общеизвѣстныхъ формъ: *пай-ка* = *поди-ка*, *глянъ-ка* и т. п., остановила наше вниманіе форма: *посмайсь* = *посмѣйся* (с. Яблоново, Скоп. у.), образованная по аналогіи съ формами повелительнаго наклоненія съ ударяемымъ окончаніемъ *и* послѣ согласныхъ звуковъ. Далѣе, отмѣтимъ форму прош. времени многократнаго вида „бывливали“ = *бывали* (с. Кельцы, Скоп. у.) и неопр. наклоненіе отъ гл. *идти*, который всегда и со всѣми предавками произносится съ вторичнымъ окончаніемъ неопр. наклоненія *тъ*: *итить*, *притить*, *уйтить*, *патить* = *пойти* и проч.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ глаголахъ фонетическія причины измѣнили форму неопр. наклоненія до неузнаваемости. Напр., гл. *качаться* въ силу особенностей аканья произносится иногда **качѣтцы* (см. фонетику), а черезъ эту форму, которой, впрочемъ, мы не слыхали, а потому и обозначили ее звѣздочкой, образовалась касимовская „качѣчи“, такъ какъ въ Касимовск. уѣздѣ звучитъ *чи* произносить, какъ *чи*, и наоборотъ ¹⁾. Наконецъ, отмѣтимъ особенную любовь къ употребленію въ рязанскомъ нарѣчьи причастій прош. времени страд. залога съ суффиксомъ *тъ* вм. *нѣ*. Напр., *убратѣ* вм. *убранѣ* = *одѣта*; даже отъ глаголовъ многокр. вида: „наискосей *вбивѣта*“ = то, что *вбивали* и *вбили* *наискосоу*; говорилось про *вбитые* въ оконную раму гвозди (с. Журавинка, Скоп. у.).

¹⁾ Впрочемъ, кажется гораздо проще выводить эту форму непосредственно изъ формы „качѣтси“, такъ какъ въ рязанскомъ нарѣчьи мѣстоименіе *ся* почти всегда произносится *си*, а сочетаніе *тѣси* даетъ *чи* или, по-касимовски, *чи*.

Въ остальномъ рязанскій глаголь не представляетъ ничего особеннаго.

Въ синтаксическомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и родительнаго падежа „чего“ (чаво, чиво, ча́во) вмѣсто винительнаго падежа „что“. Напр., чяво дѣлать; подѣ чяво плясать; „абъ чяво“ вм. „обо что“; „въ чяво и́рять“; „крыть чяво-ни-будь хотѣть камышомъ“ и т. п. Глаголь „и́рять“, т. е. играть на чемъ-нибудь, на какомъ-нибудь инструментѣ, требуетъ послѣ себя предлога „въ“ съ винительнымъ падежомъ. Напр., и́рять въ скрипку, въ трубу, въ дѣду, въ рожокъ, въ архантъ, въ шырманку, въ гармонію и т. п. А также замѣчательна конструкція глагола „журить“; напр., „журить въ трѣбку“ вмѣсто „журить трѣбку“, что почти не употребительно. Что касается предлоговъ, то здѣсь обращаетъ на себя вниманіе употребленіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр., въ Касимовскомъ и Егорьевскомъ, предлога „на“ вмѣсто „въ“ для означенія направленія куда-нибудь или пребыванія гдѣ-либо. Напр., ѣхать, идти на Шобстью (Шобсты—деревня), быть на Шобсты, ѣхать на Касимовъ и проч. (ср. Ерахтуръ, Нармушадъ, Куземино и проч. Касимовскаго уѣзда). Также: ѣхать на Ялмонтъ (с. Ялмонтъ-Никола Егорьевскаго уѣзда) и т. н. Для означенія времени на вопросъ *когда* обыкновенно употребляется предлогъ „объ“ съ предл. падежомъ: „абъ масляной“ = на масляницу; „абъ Рожастѣ“ = на Рождество и проч. Случаи употребленія предлоговъ съ несоотвѣствующими падежами, какъ: „при гостей“, „объ дѣловъ“, мы упоминали ранѣе. По сообщеніямъ, сдѣланнымъ намъ устно, мы знаемъ, что въ селѣ Ухоловѣ Рязскаго уѣзда есть случаи употребленія дательнаго падежа множ. числа вмѣсто творительнаго — при глаголахъ, конструкція которыхъ требовала бы постановки творительн. падежа; напр., „страдаю ногамъ“, „пей съ кренделѣмъ“ и т. п. Это явленіе, насколько намъ извѣстно, встрѣчается обыкновенно въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій, и въ Рязанской губерніи мы сами нигдѣ ничего подобнаго не слыхали и ду-

маемъ, что и въ с. Ухоловѣ такое явленіе — заносное, такъ какъ это село торговое, и самое названіе крестьянъ этого села — „ухлянки“ — служить синонимомъ слова „торговки“. Это доказываетъ, что въ этомъ селѣ есть много пришлаго элемента, такъ что въ немъ можно встрѣтить самый разнообразный говоръ, и едвали теперь тамъ осталось много коренныхъ мѣстныхъ жителей, съ чѣмъ согласны и собранныя нами свѣдѣнія по этому вопросу.

ОТДѢЛЪ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКІЙ.

Въ этомъ отдѣлѣ мы помѣщаемъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ слова, которыя намъ удалось слышать и собрать въ Рязанской губерніи. Само собой разумѣется, что этотъ отдѣлъ требуетъ постоянныхъ дополненій и потому вовсе не претендуетъ на полноту. Здѣсь мы представляемъ рязанскія слова двоякаго рода: одни изъ нихъ находятся уже въ Словарѣ Даля, другія тамъ пропущены. При помѣщеніи всѣхъ словъ подрядъ мы руководствовались двоякой цѣлью: 1) мы желали сдѣлать свою работу полнѣе, представивъ, хоть небольшой, собственно-рязанскій словарчикъ; 2) дополнить словарь Даля, въ которомъ мы замѣтили слѣдующій недостатокъ по отношенію къ словамъ, употребляемымъ въ Рязанской губерніи: рязанскія слова въ Словарѣ Даля въ большинствѣ случаевъ не отмѣчены, какъ извѣстныя въ Рязанской губерніи, а при нихъ стоятъ сокращенныя названія другихъ губерній, напр., *вор.*, *тамб.*, *кур.* и проч. Такимъ образомъ, читатель не знаетъ, употребительно-ли данное слово и въ Рязанской губерніи, или, на основаніи словарныхъ помѣтокъ, онъ долженъ утверждать, что этого слова въ Рязанской губерніи не знаютъ. Этотъ недостатокъ Словаря объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что Даль изучилъ рязанское нарѣчіе поверхностнѣе другихъ, какъ это мы видѣли и въ отдѣлѣ фонетики, при перечисленіи признаковъ рязанскаго нарѣчія. Многихъ-же рязанскихъ словъ у Даля въ Словарѣ совершенно нѣтъ, и потому они рѣшительно необходимы въ нашей работѣ. При каждомъ словѣ, для наглядности, мы помѣщаемъ въ скобкахъ и его про-

изношеніе рязанское; это мы сочли интереснымъ потому, что, никогда не слыхавъ извѣстнаго слова, и не поймешь его, такъ какъ этимологія его иногда бываетъ не прозрачна. Такимъ образомъ, нѣкоторыя слова, правда немногія, приходилось потомъ, послѣ записи со словъ крестьянина или крестьянки, теоретически перекладывать на общерусскую орфографію, чтобы узнать его этимологію и значеніе, если таковое не удавалось узнать какимъ-либо другимъ способомъ. Въ прилагаемомъ перечнѣ словъ мы помѣщаемъ также и тѣ слова, которыя въ рязанскомъ произношеніи отличаются своимъ удареніемъ отъ общерусскаго, литературнаго произношенія. Гдѣ того не требуютъ обстоятельства, тамъ мы не пишемъ въ скобкахъ при словѣ его рязанскаго произношенія; это означаетъ, что произношеніе даннаго слова не отличается отъ общерусскаго произношенія.

А.

Аксютѣкъ (уменьш.)—Аксѣнья. Спас. у.
'Анбурхъ, 'Анбуръ—г. Раненбургъ.
'Арбузь—арбузь.

Б.

* Бадья—деревянное ведро. Спас. у.
* Балабѣнить—болтать. Кас. у.
* Балавнѣй—шаловливый. Скоп. у.
Балы—болтовня.

Баранчики—растеніе { Primula veris? (См. Даль. з. в.
Баранъ).
Primula officinalis (Словарь Ан-
ненкова).

Басить—лѣчить. Скоп. у.; -ся—лѣчиться.
* Баснѣйшій—говорливый. Кас. у.

* Звѣздочкой отмѣчаются тѣ слова, которыхъ нѣтъ въ Словарѣ Дала.

- Бѣтинька (-ка) — свежоръ.
 Бахилки — башмаки. Раненб. у.
 Бацка — отецъ. Кас. у.
 Берно — бревно въ срубѣ. (Барно).
 1) Бирюкъ — волкъ. Мих. у.
 Бобренъ — воловій языкъ. Скоп. у.
 * Бобышка — игрушечка. Кас. у.
 * Бодрый — нарядный. Спас. у.
 Болятки (-а) — болячки. Скоп. у.
 Болѣ (-а) — сильнѣе. Кас. у.
 2) Ботать (-а) — болтать ногами. Скоп. у.
 * Боязливый — боязливыи. Скоп. у.
 * Брить — стричь. Скоп. у. (Кажется, „стричь“ употребительно преимущественно про овецъ, про скотину; стрыгунъ, стрыгунчикъ — впервые остриженный, годовалый жеребенокъ).
 Брухатъ — бодать рогами. Скоп. у.
 3) Буравликъ — буравчикъ.
 * Бурдовый — красный, цвѣта бордо.
 Буреалы — зѣнки, глаза.
 4) Бухонный (-ай) — пухлый, рыхлый.
 Бѣда (-я) — масса, много: „бада вагоновъ“. Скоп. у.

В.

- Валожнѣй — слаще, сдобнѣе. Кас. у. (Валожный, валожни).
 Ватѹлка — плетеный, „своярѹшный“ половинокъ (дерюга, веретье).
 * Вачѹжки — овцы. Скоп. у.
 Вѣрчъ — все верченое. Скоп. у.
 Вѣсь, вѣсть — вязать (чулки). Скоп. у.

-
- 1) У Даля помѣчено Воронежской губерніей.
 2) У Даля помѣчено Тамбовской губ.
 3) У Даля помѣчено Воронежской губ.
 4) У Даля помѣта кал.

- 1) Вискй—волосы на головѣ. Скоп. у.
 Висяло—вёсело (и блр.).
 Вóзмү—возмү. Мих. Кас. Спас. у.
 Восей (вусей, усей, усейка)—намедни, недавно.
 Вóзгри—сопли. Ряз. у. (мещерскія села).
 Взгляну—взгляну. Скоп. у.
 * Выпридаты—выпады (о волосахъ). Кас. у.
 * Вытрескаты—вытаращитъ (о глазахъ). Скоп. у.
 Вытрить—вытереть. Скоп. у. (См. фонетику).
 Вьюга—вьюга, метель.
 Вётрянка—вётряная мельница. Скоп. у.
 Вязёнки—вязанныя рукавицы (вяз. матерія).
 2) Вяхоль—веревочная сѣтка для сѣна. (Вяхаль).

Г.

- * Газъ—керосинъ. Раѣнб. у.
 Гамазей, гамазинъ—магазинъ. Мих. у.
 3) Гаркаты—звать. Егорьев. у.
 Гарлупа (ряз. харлюпа)—растенье *Primula officinalis*
 (орл.) *Bunias orientalis*, *Raphanus Raphanistrum*.
 * Гасница—лампа, родъ лампы. Раѣнб. Данв. у.
 4) Гепанча—войлокъ. Мих. у.
 Глйсты—глисты.
 Глёва (-сь)—глядѣ. Мих. у.
 * Голодой—голодный годъ, время. Кас. у.

-
- 1) У Даля—Курской, Воронежской губ.
 2) У Даля почему-то только „вяхель“.
 3) Даль отмѣчаетъ только Воронежской губерніей значеніе „звать“ для этого глагола: „сгаркни его“=закричи, позови. Въ такомъ же значеніи извѣстенъ этотъ глаголъ и въ Ряз. губерніи.
 4) Даль отмѣчаетъ это значеніе въ Тамбовск. губерніи (в. в. епанча).

- 1) Голанка — шуба изъ овчинъ, обложенныхъ краснымъ французскимъ ситцемъ. Мих. у. (Галанка).
- 2) Голомя — не очень давно. Ряз. Ряз. у. (мещерскія села).
- Горбъ — спина; на харбу, на хорбъ и проч.
- 3) Горнѹшка — печурка.
- * Горня — горница. Кас. у.
- Градскій (грацкай) — городской.
- 4) Гребовать — брезговать.
- Гривна — три копейки. (Мѣдная монета). У Даля — „гривенная“, неточно.
- Грохотать — смѣяться. Скоп. Мих. у.
- * Грябѣтка — одежда съ длинными рукавами у крестьянъ. Скоп. у.; грябѣти — особо длинные рукава на крестьянской одеждѣ, концы этихъ рукавовъ.
- Гускй — пушкй, перышкй въ волосахъ для украшенія. Скоп. у.
- Густый (хустай) — густой.
- 5) Гутарить — говорить.

Д.

- Дацка — дочка. Кас. у.
- * Дворица — дворъ. Кас. у.
- Дидѣкъ — дядя. Спас. у.
- Добрѣ (дабрѣ) — очень; иногда: „очень дабрѣ“.
- * Довлѣ — слѣдуетъ, стоить. Ряз. у.
- Дойла — дойла. Кас. у.
- Довѣла, докѣдва, докѣла — до какихъ поръ, пока.

1) У Даля помѣчено — пермскимъ и костромскимъ словомъ.

2) У Даля — восточное и южное.

3) У Даля помѣчено — вост.: восточное нарѣчье.

4) У Даля — калужское, тамбовское, орловское и псковское.

5) У Даля — воронежское, тамбовское слово.

* Домсти́ла—отомстила. Кас. у.

1) Дро́бный—мелкій. Спас. у.

Духови́тый—душистый, пахучій. Скоп. у.

* Духони́сто (разодѣта)—пышно. Спас. у.

Дару́шка—см. вату́лка. (У Даля см. слово „дерюжка“).

Е.

* Енчи́ль -а, —я думалъ, думала. Мих. у.

Ж.

Жадо́бный—желанный. Кас. у.

* Жа́мка — мятный, малевый пряникъ. Скоп. у. (См. фонетику, стр. 46).

* Жамо́дный—привередливый, разборчивый. Скоп. у.

* Жа́ндарка (жындарка)—чугунная, желѣзная труба у печи въ избѣ.

2) Жѣ́тничекъ—мышь. Мих. у.

3) Жмы́къ—выжимки.

Жу́стрить — жевать скоро, съ аппетитомъ, чамкать. Скоп. у.

* Жу́ть—жгутъ, плетъ. Скоп. у.

* Жы́лять—жалить. Скоп. у.

З.

4) За́дникъ—лавка за печкой.

Заку́тать (печью)—закрывать трубу. Скоп. у.

Зана́вѣска—женскій рабочий фартухъ. Скоп. Данк. у.

Запо́нь—фартухъ съ рукавами. Скоп. у.

* За́прастить—запретить. Скоп. у.

* За́пѣтки толочь—пятки бить. Кас. у.

1) У Даля—орловское, курское, малороссійское.

2) У Даля—жѣточникъ.

3) У Даля—жмы́хи, жмы́ха (тул.).

4) У Даля—пековское.

- * Застопить (сто́пка—заноза)—занозить. Скоп. у.
 Захлоснутый—загрязненный (подолъ). Скоп. у.
 Званья (ни—нѣтъ)—ничего, ни капельки. Скоп. у.
 („помѣну нѣтъ“—Даль).
- 1) Звѣра—ушаты. Кас. у.
 Зелено (зилянó)—зѣлено. Скоп. у.
 Знатный—извѣстный, знакомый. „Мѣста мнѣ знатная“. Скоп. у.
- 2) Знато—знамо, извѣстно.
- * Зникъ (те станься)—ругань такого рода. Кас. у.
 Зучный (зучнай), отзучать—звучный, отзываться.
 Скоп. у.
- 3) Зыбка—люлька. Раненб. у.
 Зыкъ—звукъ. Скоп. у.

И.

- 4) Играть—пѣть (пѣсни). См. это слово.
- * Избѣйнина—избѣина. Кас. у.
- * Изверстьѣ—отверстіе. Кас. у.
- * Изумала—поймала. Кас. у.
 Истерять—истратить, растратить (деньги). Скоп. у.

К.

- 5) Кабыть—если бы. Скоп. Раненб. и др. у.
 Кады, кады—когда.
- 6) Каѣ—куда, гдѣ. (Вольныя села).
- * Каѣща—пока. (Вольныя села).

1) У Даля—московское, рузское.
 2) У Даля—воронежское.
 3) У Даля—сѣверное и восточное слово.
 4) У Даля помѣчено: Кур. и друг.
 5) У Даля помѣта: Влад. Тмб. Вор. Арх.
 6) У Даля — „малорус. кесъ?“ См. это слово здѣсь и у Даля. в. в.

- * Казанъ—желѣзное ведро. Спас. у.
 Казатинка, казатинъ—родъ поддѣвки у крестьяноѣ.
- 1) Калѣнный—твердый, жесткій. Напр., о бумагѣ. Скоп. у.
- * Кандѣинъ (-ѣнка)—комедіантъ (-ѣнтка). Скоп. у.
 Карпѣтки—носки (млр. польск.). Раненб. у.
- 2) Картохъ, картофъ—картофель. Скоп. у.
- 3) Касаточка (-ка)—ласточка. Скоп. у.
 Катѣлка—баранка. Скоп. у. (и вообще „обручъ“. См. у Даля „котѣлка“—тул. с. в. котѣль. Въ Ряз. губ. такъ не говорятъ.)
- * Катѣши—скотье кало. (Гр. Л. Толстой, описывая деревни Тульской губерніи, почему-то пишетъ „катыши“).
- * Каша—кощей. Скоп. у.
- 4) Квелѣть (квялѣть)—дразнить, тревожить. Скоп. у.
 Кѣсь, кѣсть—какъ-бы. Кас. у.
- * Кислѣка—очески съ овчины послѣ ея дубки. Скоп. у.
 Китѣйка (-ка)—матерія (нанка). Скоп. у.
 Клядѣба—клятва. Кас. у. (Даль—клятѣба с. в. клясть).
 Козырѣй—сани извѣстнаго рода, расписанныя. Скопинск. у.
- 5) Коловертъ—коловоротъ. Скоп. у.
- * Коляска—малѣнькое колесо. Скоп. у.
 Конопи—коноплѣ. Скоп. у.
 Кониѣ—лавка подъ образами. Данѣ. у.
- 6) Корѣць, корчикъ—ковшъ, ковшикъ (блр. также). Скопинск. у. Это слово есть уже въ Домостроѣ (глав. -нѣ- по списку Общ. Ист. и Древ.).

- 1) У Даля—калѣнный—сар. „упрямый“, „упорный“.
- 2) У Даля—„картоха“—тул. мск.
- 3) У Даля помѣчено только—тмб. с. в. касатка.
- 4) У Даля „квелѣть“—ярс. ниж. влгд. тмб. орл. твр.
- 5) У Даля—„коловертъ“ съ удареніемъ на первомъ слогѣ и безъ обозначенія мѣста употребленія.
- 6) У Даля помѣта: умал. тмб. Никакихъ другихъ указаній на мѣсто употребленія этого слова въ влр. нарѣчій нѣтъ.

Коротайка (-ки) — курточка, короткая поддѣвка. Скопинск. у.

Коротай — короткое пальто съ карманами и безрукавая кофта.

1) Корсетка — короткая женская поддѣвка.

2) Корябать — царапать ногтями. Срв. „чирябать“. Скопинск. у.

* Котельщикъ — глубокое мѣсто въ Окѣ. Кас. у.

Коснийъ — платокъ на спинѣ подѣ косой. Скопин. у.
(Даль в. в. коса). Косоплетка.

3) Котухъ — хлѣвъ. Скоп. у.

Коты — родъ башмаковъ, туфель съ тупыми носками и „оборками“, т. е. тесемками или завязками.

Кбчетъ — пѣтухъ.

* Кочетбѣль — стебелекъ.

* Краить — кроить. Скоп. у.

4) Красовитый — красивый. Скоп. у.

* Крачить (о воронѣ) — каркаетъ. Скоп. у. (У Даля в. в. брѣтать: „воронъ кричатъ“ безъ помѣты).

5) Крѣсины (крѣсьбины) — ср. млр. — крестины. Мих. у.

* Кричатъ — плакать (по покойникѣ и вообще — плакать). См. слово „шумѣть“. Скоп. у., Мих. у. и др.

* Крыльца — клѣросы въ церквѣ. („На крыльцахъ поють“). Скоп. у.

* Крымка — родъ шапки. Данк. у. (баранья шапка).

* Кстить — крестить. Скоп. у.

Кубы — если бы. Скоп. у.

Кубыть — какъ-бы, если бы. Скоп. Данк. у.

Кубыть — какъ будто. Скоп. Ряз. Равб. и д. у.

6) Кумакъ — кумачъ. Скоп. у.

1) У Даля — „на югъ“ и въ Москов. губ.

2) У Даля в. в. коря. „чирябать“ — съ помѣтою — тмб.

3) У Даля — тмб. влд. ярс. юж.

4) Слово, известное и свр. нарѣчію: см. Рыбникова. Былины. II, N 52, ст. 18 и III, N 3, ст. 39.

5) У Даля крѣсины — твр., крѣсьбины — нвг. влд.

6) У Даля — нвг. кал.

- 1) Курлычить (о лягушкѣ)—квакаетъ. Скоп. у.
Курпакъ—овчина, смушка. (У Даля помѣчено только—вор.).
- 2) Курюшка—недогорѣвшее полѣно, головня. Скоп. у.
- 3) Курчина—доска противъ краснаго угла, градека въ избѣ.
- * Кусачій—кусающійся (о собакахъ, о мухѣ и пр.), ѣдкій. Скоп. у.
- * Куцовато—несладко. Кас. у.
- * Кытюшки—почки на деревѣ, на березѣ. Скоп. у. Эти „кытюшки“, по народному повѣрью, имѣютъ целебное свойство при ушибахъ, лихорадкѣ и пр. Ихъ настаиваютъ на винѣ.

Л.

- Латунъ (латунь)—бочка. Скоп. у.
Ладиться—торговаться. Скоп. у., уговариваться.
Латокъ—корыто. Данк. у.
- 4) Либѣ-щѣ, либѣ-шта—либо. Кас. у., что-либо.
 - * Липчивый (липчавый)—прилипчивый (о болѣзни, напр.). Скоп. у.
- Личманистый—полный (о лицѣ). Спас. у.
- 5) Лишай—лишай.
 - 6) Лопотать—ленетать. Скоп. Мих. у.
 - 7) Лохонь—старое платье. Скоп. у. (лахань).
- Любовинка—мясо безъ жиру и жилъ. Скоп. у.
-
- 17) 1) У Даля в. в. курлыкать нѣтъ этого значенія.
2) У Даля съ удареніемъ на первомъ слогѣ и безъ помѣты.
3) У Даля—курчина—кал.—брусъ въ избѣ, балка, переводина. Въ этомъ словѣ въ ряз. нарѣчьи удареніе на первомъ слогѣ и, кромѣ того, мягкое *н*, какъ въ словахъ: коршунъ, кушнъ (кувшинъ), или мягкое *р*: кряпѣва.
4) У Даля—юж. нвг. котр.
5) У Даля только съ удареніемъ на второмъ слогѣ.
6) У Даля съ помѣтой—нвг. твр. вор.
7) У Даля „лохонь“—влд.—лохмотье, ветошь. Замѣ-

26

М.

- * Маевскій (-ай)—майскій. Скоп. у.
- * Маменька (-кя)—свекровь.
Мамушка—мать.
Мастюшка—чашка для каши.
Махотка—маленькій горшокъ, кувшинъ для молока.
- ¹⁾ Мижавой (=межевой)—землемѣръ. Скоп. у.
- * Мокряда—мокрота. Скоп. у.
- * Моршѣнки—лѣнницы. Мих. у., негодяи. (ш—щ?).
Мостъ—крыльцо.
Моча—сырость, мокрота. Скоп. у.
Моченецъ—родъ коноплянной пакли, идущей на веревки и намоченной въ водѣ.
Мочени—завязки у башмаковъ. Мих. у.
Мочливый (-ай) — сырой, мокрый. Напр., „мачливая мѣста“. Скоп. у.
Мыкать—чесать кудель, ленъ.
Мытъ—поносъ. Скоп. у.
Мярэстится—мерещится. 3 л. ед. ч. Скоп. у.

Н.

- ²⁾ Намыка—кудель.
Нѣбо—небо (coelum). Скоп. у.
Нѣколи—некогда. (Вольныя села).
- * Неугѣжій (-ай)—негодный. Спас. Кас. у.
- * Нѣшта—развѣ.

О.

- Обмишѣлился—оплошалъ. Кас. у.
Обѣры, обѣрки, обѣры — завязки на лаптяхъ, котлахъ, на упряжи („ремѣнные обѣры“—Кас. у.).

тимъ кстати, что въ ряз. нарѣчїи во многихъ словахъ ср. р. на ѣе переносится удареніе на конецъ. Напр., адданьѣ (отдѣніе праздника), палавеньѣ (преполовеніе) и др.

¹⁾ У Дали безъ обозначенія мѣстности.

²⁾ У Дали съ помѣтою—вор.

Обротъ — узда. Мих. у. („надауздокъ“ вм. „недоуздокъ“ по-рязански). Это слово встрѣчается въ Домостроѣ, гл. ѿе по сп. Общ. Ист. и Др.

1) Обрядъ, -а—нарядъ.

* Ока — всякая вода (?) — С. Спасъ-Кляпикъ Рязан. у.

Округъ (акрухъ) — окол. Скоп. у.

Опухъ — опухоль. Скоп. у.

Орѣхъ (аряхъ) — орѣхи. Скоп. у. Это удареніе сохраняется и при склоненіи слова въ прочихъ падежахъ. (У Даля только съ удареніемъ на слогъ „рѣ“).

2) Осе^ннью — осенью — тв. п. Скоп. у.

* Ось — стебель у ржи. Скоп. у.

* Осыпъ — сыпъ. Скоп. у.

* Отѣкъ — отецъ. Спас. Мих. у. (О звукѣ е (я) въ словѣ „отецъ“ см. Брандта. Лекціи по фонетикѣ р. яз., стр. 11).

Откѣла, откуля (М. Олѣшня, Ряз. у.) — откуда.

Отсѣля (атцѣля) — отсюда.

Оттѣля — оттуда.

П.

* Пансівая краска — извѣстный родъ краски для конопли.

3) Пекишь — горшокъ. (Спас.-Кляпикъ. Мещерскія села Рязан. у.).

Пелена (пилянъ) — часть крыши. Скоп. у.

4) Перевязка — лента на лбу. Скоп. у.

1) У Даля съ помѣтою — сѣв. и кур.

2) Кромѣ слова „осенью“, также „ночью“ въ Скоп. у. съ переносомъ ударенія. У Даля ничего нѣтъ насчетъ ударенія въ этомъ словѣ. Намъ приходилось слышать произношеніе не только „асе^ннью“, но и „ася^ннью“ съ яснымъ звукомъ я и довольно часто въ Скоп. у.

3) У Даля „пекишь“ съ помѣтой — тмб. пен.

4) У Даля помѣта — сѣв.

Перерубъ (пиарубъ) — мѣсто на полу, гдѣ одна доска имѣетъ поперечный конецъ, и гдѣ начинается другая доска, обрѣзъ.

¹⁾ Пѣрушко — лѣтная юбка изъ витайки. Мих. у.

* Пѣтнадцатый — пятнадцатый. С. Вослабово, Скоп. у.

* Петрѣй (Патрѣй) — Петръ. Въ свр. нар. такъ-же.

Пѣхтеръ — толкачъ.

Платушка (платушка) — корзина. Пронск. у.

* Плуга (плуга, двѣ плуги, плугай — тв. п.) — плугъ. Скоп. у.

²⁾ Поговорка — нарѣчіе, говоръ, выговоръ.

* Погѣльчъ — покличъ. Пов. н. (Сп.-Кл. Рязан. у.).

* Поглядю — познакомлю. 1 л. ед. ч. Кас. у.

³⁾ Подъѣмъ — приданое женихово. Мих. у.

* Пожилень (?) — свѣтильня, фитиль. Скопин. Мих. у. Ряз. у.

Позѣмса — метель снизу. Скоп. у.

Пойду — пойду. 1 л. ед. ч.

Поклалъ — положилъ.

* Поладить — сосватать. Мих. у.

* Половень — маленькая рига. Спас. у.

Положу — 1 ед. — положу.

Полость — войлокъ. Мих. у.

* Помога („на помагу звать“) — помощь, подмога. Скопинск. у.

Поньба (-ка), понѣва — особая тканая клѣтчатая юбка у крестьянокъ.

Порядокъ — рядъ. „Деревня въ два порядка“. Скоп. у.

Посвыше, поныже — повыше, пониже. Данк. у.

Пѣставецъ — шкафчикъ. Раненб. у.

* Постовѣе масло („паставѣе масла“) — осеннее масло. Скоп. у.

¹⁾ У Даля „перушко“ съ вопросит. знакомъ и помѣтой „мск.-кпм.“ — шубка.

²⁾ У Даля съ помѣтой — вост.

³⁾ У Даля помѣта — сиб.

- * Потурѣю—потурю (погоню)—рыбу. 1 л. ед. ч. Кас. у.
- * Поцухать—понѣжить (чухать?). Рязан. у.
- * Праскутобъ—Прасковья. Спас. у.
- * Прожыкать—растратить (деньги). Скоп. у.
- Пронѣкъ—Пронсѣ городъ. Скоп. и др. у.
- Пропить (о дѣвѣ)—выдать замужъ. Скоп. у.
- Простый (-ай)—простой. Скоп. у.
- 1) Просукъ—поросенокъ. Скоп. у.
- Протувартъ—тротуаръ. Скоп. у.
- 2) Пурга—метель. (С. Спасъ-Кляпики Ряз. у.).
- 3) Пурыйнъ—зола отъ торфа изъ печей. Скоп. у.
- 4) Пушкй—см. гускй—перья въ волосахъ за ухомъ для украшенія у крестьянобъ нѣкоторыхъ сель. Скоп. у.
- * Пѣтъ—пѣтъ въ церкви, чиб. церковное, духовное.

Р.

- 5) Разгаситься (-h)—раскапризничать.
- * Раздѣлывать—выдѣлывать, выкидывать (штуки) и вообще—отдѣлать и сдѣлать чиб. ловко или удивительно.
- * Разсванулось—разсвѣло.
- * Резинки—женскіе полусапожки на резинахъ. Мих. у.
- Рѣли—качели. Скоп. у.
- * Родѣмый (радѣмай)—родимый.
- 6) Ростовое (масло)—раставая (масла)—весеннее. (Ростъ?).

-
- 1) У Даля помѣта—тмб.
 - 2) У Даля съ помѣтой: сѣв. вост. сиб.
 - 3) У Даля невѣрно сказано, что это означаетъ только соломённую золу.
 - 4) Даль почему-то называетъ это „мордовскими серыгами“. *с. в. пухъ.*
 - 5) У Даля помѣчено только *орл. и тул.*
 - 6) У Даля „растовое масло“ *с. в. расти.* Безъ всякой помѣты.

* Рубанка—рубанокъ, столярный инструментъ. Скоп. у.

1) Рына—рига; амбаръ, сарай для хлѣба.

2) Рыскій (въ-рыскій) — рыскью. Нар. Скоп. у. — скоро, быстро.

Рѣзка—рѣзаная солома для корма скотины.

Рѣзко—нар.—шибко, громко, скоро (смотря по смыслу: рѣзко закричалъ, бѣгаетъ, бѣдетъ, ударилъ и проч.).

С.

* Сатыма—отлогій берегъ Оки, по которому лошади тащили барки. Спас. у.

3) Свѣжина—свѣжая свинина.

Свѣтильня (святільня)—фитиль у лампы или лампы.

4) Свѣчки — такъ называется канунъ Крещенія, напр.: „подъ самыя подъ свѣчки“. Скоп. у.

Сее противоп. каѣ и таѣ — ближе, здѣсь; каѣ — гдѣ, куда; таѣ — дальше, тамъ, туда.

Серьчать (сярчать)—сердиться.

Сигать—прыгать, скакать. (Даль: сигать — орл. тмб. кал.).

Сидѣлки—сидѣнье, лавка, скамейка.

* Сикущка—спрынцовка, насосъ. (Скоп. у.).

Сильчь—то есть (сирѣчь?). Даль: въ народѣ „силечь“ в. в. сиречь.

Синель—сирень.

5) Сирьбаринникъ—шиповникъ (растение). Такъ произносятся это названіе въ разанскомъ нарѣчьи. Въ

1) У Даля—„рига“, слово же „рыга“ помѣчено только *остлд.*

2) У Даля „рыскомъ дошла“ в. в. рысѣть. Безъ помѣты.

3) У Даля—пен. тмб. тул.

4) У Даля—кстр. пен.—только.

5) У Даля в. в. сербалина съ помѣтой *вор.* Рязанскаго произношенія не указано.

Ботаническомъ Словарѣ Анненкова находятся слѣдующія названія: Серебаринникъ, Сереборинникъ, Серберинникъ (твер.), Сербаринникъ (кал.), Сирбаринникъ (кал. Потанинъ)—*Rosa canina*.

* Скажу—скажѹ. Подобная замѣна удареній слышится часто въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ с. Мирославшинѣ Скоп. уѣзда и иныхъ, гдѣ, кроме приведеннаго слова, слышимъ, напр., сѡжѹ, спрѡшу вм. сѡжѹ, спрѡшѹ и проч. Въ этомъ отношеніи есть сходство съ блр. нар. (См. Р. Ф. В. 1892. N 1. Статья Карскаго. Стр. 54).

1) Скарѡдѣть—боронѣть. Мих. у.

Смѣртнай—смертный. Скоп. у. (У Даля *ѣ* не указано).

* Смотрѣнѣи—смотрины. Скоп. у.

* Смѣлѣсь (засмѣлѣсь, засмѣлси) — смѣлѣлись и проч. Скоп. у.

2) Снашѣнница—сноха. Мих. у.

* Совастѡжилъ (?)—сдѣлать. Мих. у. (с. Мишино).

* Спасѣнка—деревянная чашка (для ваши). Скоп. у.

Спирѣгѣть (лошадь)—запрягать.

Старовѣть—вспоминать въ разговорѣ. бывшее, старину; разсуждать по-стариковски и жить по-старому. Такое слово есть и въ блр. нарѣчій съ тѣмъ же значеніемъ (Носовичъ. *в. в.*). См. Буслаева. Историч. Очерки. I. 1861 г. Эпич. поэзія. Стр. 60).

Старнѡвка (старновѣть — неопр. н.) — обмолоченная рожь, солома въ снопахъ.

Старѣцы, * старѣчѣихи—старіки и старухи *нигдѣ*, но не всякіе старіки и старѹхи. Скоп. у: Такое же значеніе имѣетъ это слово и въ блр. нарѣчій. (См. Носовича. Словарь блр. нар. *в. в.* и старѣчѣиха). У Даля только помѣчено: юж. зап. пск. (старцы). Надо отличать отъ словъ: „старіки“ и „старуха“.

1) У Даля съ другимъ удареніемъ: скородѣть—раз. тул. смл. вор.

2) У Даля помѣчено—тмб. кстр.

Стѣжка — тропинка, дорожка. (Буслаевъ. Истор. Оч. I. 1861. Стр. 160).

Стирать (билье) — непременно съ мыломъ въ противоположность слову „мыть“ = полоскать: „ужъ выстирала, пошла мыть“.

* Стопка ¹⁾ — заноза; застопить — занозить. Скоп. у.

* Стрекозиться — беспокоиться (о скотѣ). „Скотъ стриказитца, кады рошѣ святѣтъ“.

* Судопаръ — трава, которой моютъ посуду.

Судникъ — лавка у печи въ избѣ. (У Даля „судница“; судникъ — юж., суднѣкъ — запад.).

Суконный — шерстяной. Сукно — шерсть. „Чулки суконные“.

Сурна — морда (см. мырда). Спас. у.

Сурѣница — раст. *Barbarea vulgaris*.

Сусѣтный (не) — невообразимый, ужасный. Скоп. у.

Сшибси — ошибся. Скоп. у.

2) Сыпу́ха (-га) — вьюга, метель. Буслаевъ (Истор. Оч. I. 1861. Областн. видоизмѣненія рус. народности. Стр. 178) пишетъ „сипуга“ и сближаетъ съ гл. „сипѣть“. Скорѣе — сыпать, что доказываетъ собой рязанское *ы* въ этомъ словѣ.

3) Сѣва́лка (сѣва́лка) — корзина, изъ которой сѣютъ зерна. Скоп. у.

— Сябе́ръ, мн. ч. сябры, -овъ — товарищъ, пайщикъ, равноправный съ другимъ хозяиномъ: „Авось насъ здѣсь много сябровъ-та“.

Сягну́ть, сяга́ть — шагать. Скоп. у.

¹⁾ Даль затруднился этимъ словомъ. См. *з. в. стопá*. Мск. тул. тмб.

²⁾ „Сыпу́ха“ надо отличать отъ „сыпу́ха“ (-га) и значить: печная сажа, въ особенности въ курной избѣ и отъ торфа. У Даля въ Словарѣ *з. в.* сыпать замѣчено довольно вѣрно произношеніе этого слова въ ряз. кал. тул.: *с' спухá*.

³⁾ У Даля „сѣва́льникъ“ — ряз. *з. в. сѣмя*.

* Сячетца—3 л. ед. ч.—сочѣтся (напр. вода, жидкость вообще). „Вода сячетца, хоша ее и вытирають“).

Т.

1) Таѣ=дальше, тамъ, туда.

2) Таусень = „Авсень“ въ пѣсняхъ (см. въ „Приложениі“ пѣсни).

* То (та) прибавляется всегда къ мѣстоименію „онъ“, „она“ для передачи смысла „пустъ“, „пұскай“: онъ-та (јонъ-та), ана-та значитъ „пустъ его“, „пұскай ее“. Это изреченіе употребляется и самостоятелно, и во фразѣхъ, напр.: „ня трѡшь, ані-та тамъ“ или: „ня трѡшь, ані-та“, иногда просто: „ані-та“ и т. п.

3) Точить = сыпать, разбрасывать, крошить: „наточила крошекъ“, „расточила карты по-полу“, „мышь наточилъ хлѣба“.

* Трѣско- трѣско. Скоп. у. Трѣскій=тряскій.

* Трѡрва, трѡрванай=трауръ, траурный. Скоп. у. Вѣроятно, изъ *трѡварь.

4) Трусиъ=кроликъ.

5) Трынка—1 копейка (сямѣта = 2 копейки, грѣвна= 3 копейки—монета).

6) Турать=заботиться, беспокоиться чѣмъ.

7) Турбацить=тормозить. Спасъ-Кляпикъ. Ряз. у. (Мещерское село).

* Тусмѣть=тускнѣть; тусмѣнный=тусклый.

1) У Даля см. в. в. того.

2) У Даля съ удареніемъ на слогъ „се-“ Таусень, безъ помѣты.

3) У Даля помѣта—юж. и тмб.

4) У Даля помѣта—юж. зап. в. в. трусить.

5) У Даля в. в. „три“ безъ помѣты.

6) У Даля помѣта: тмб. прм. влгд. арх.

7) У Даля в. в. турбовать; турбачить съ помѣтой: пск.

твр.

Тѣ^ляшомъ (нар.)—нагишомъ; „тѣ^ляшами убягли па-
сли пажару“.

1) Тѣснатѣся—тѣсниться.

2) Тяжина—полотно (пестредь).

* Тѣней—который хорошо тянется, прядется. Скоп. у.

У.

3) Убѣйна — всякое мясо, которое ѣдятъ послѣ убоя
скотины.

4) Улѣгий (улѣнай) — хромой, не могущій ходить, лежа-
щій, больной.

Унывный (-ай)—заунывный, печальный.

5) Усейка—недавно.

Утирка—полотенце, тряпка для вытиранья.

* Утымаль, утыметъ — отнималь, отниметъ. (Фонетиче-
ское явленіе).

6) Учупизниъ—уполовниъ (Сп. Кл. Ряз. у.).

Х.

* Харпаль—дранный и короткій кафтанъ, драпье.

7) Хворь—болѣзнь.

* Хитро́й—хитрый.

8) Холодянка, холодничья—лягушка. Скоп. у.

* Холостой—остриженный коротко, подъ-гребенку.

9) Холуй—опилки, отруби, высѣвки низшаго сорта.

10) Хряптуъ — мѣшокъ для овса, который навязываютъ
лошадямъ на морду или въ оглоблямъ.

* Хрящей—хрящи.

1) У Даля съ помѣтой—сиб.—в. в. тѣснить.

2) У Даля в. в. „Тяжь“ съ помѣтой—юж. зап.

3) У Даля в. в. убивать, безъ обозначенія мѣста.

4) У Даля в. в. уложить, съ помѣтой только—тмб.

5) У Даля в. в. „усей“ помѣта: кал. тмб.

6) У Даля см. в. в. „учупизнуть“.

7) У Даля помѣта: юж. зап. ярс.

8) У Даля в. в. „холодь“ помѣта—сиб. ол.

9) У Даля в. в. халуй—помѣта: твр. только.

10) У Даля см. „хреб(п)тутъ“ безъ помѣты.

16

Ц.

- * Цуприкъ — названіе цокальщика (мещеряга?).
 1) Цыновать — очищать лыки отъ коры, скоблить.

Ч.

- Чакмѣнь — зипунъ, пальто безъ кармановъ. (У Даля — чекмѣнь — вост.).
 2) Чакѡвка — палка, которою бросаютъ и выбиваютъ городки (игра).
 Чапельникъ (цѣпельникъ) — сковородникъ. Скопин. и друг. у.
 * Чѣпки — корточки. „Присядь на чѣпки“. Скоп. у.
 * Чахѡль — хохла (напр., изъ волосъ на головѣ). Скопинск. у.
 3) Чечѣтѣа — болтушка, таранта.
 4) Чеверѣчки — черевички (млр.), обувь, башмаки.
 * Читать — считать.
 Чичерь — суморозъ. (Сп.-Кляп. Ряз. у.).
 Чудѣнь — смѣшонъ.
 Чудной — смѣшной, странный. Скоп. у.
 5) Чупизникъ, чупизнуть и чупризнуть — уполовникъ, отобрать, почерпнуть воды уполовникомъ. Егорьевск., Зарайск. Касим. у. (Нерѣдко: юполовникъ).

Ш.

- Шабаршитъ — шумѣть, тарантить, привередничать.
 * Шабашникъ — растеніе. Вѣроятно = Собашникъ. Ві.

- 1) У Даля помѣта: вор. тмб. и дрг.
 2) У Даля только „чаковаться“ в. ч. чѣкать. Безъ помѣты.
 3) У Даля безъ помѣты.
 4) У Даля помѣта: кстр. вят
 5) Даль в. ч. чупкать.

dens tripartita. Lappa major. Panicum, Crus Galli. (Укр. Кал.).—Въ Словарѣ Анненкова.

- 1) Шалавай (шалава́ вм. шала́вая ж. р.) - глупый, сумасбродный, шальной. Скоп. у.

Шашки — бабки (игра).

- 2) Шамшить — шаркать (ногами).

- 3) Швырёвые (дрова) — колотыя, готовые.

- * Шлёмать — шлепать по грязи. Скоп. у.

- * Шошнадцатый — шестнадцатый. (Сёмнадцатый, пётнадцатый — Скоп. у. Вольныя села).

Шуба — женская юбка изъ китайки съ подкладкой.

- * Шульбно (?) — обманно. Мих. Кас. у.

- 4) Шумѣть — *звать*, кричать. (См. это слово).

- * Шуршѣна — шерхебель (плотнич. инструментъ).

- 5) Шүтикъ — чортъ, дьяволъ.

- 6) Шүшка, шушпанъ, шушүнъ — разные названія въ разныхъ вольныхъ селахъ одной и той-же женской верхней одежды въ родѣ халата.

Шшыкочить (=щекочетъ) — о сорóкѣ — кричить, кра-
чать.

Щ.

Щавель — щавѣль $\left. \begin{array}{l} \text{— людінай} \\ \text{— канінай} \\ \text{— воробінай} \end{array} \right\} \text{Скоп. у. (У Даля)}$

только съ удареніемъ на слогъ -ве-).

- 1) У Даля в. в. „шалъ“ помѣчено: прм. и юж.

- 2) У Даля в. в. шамать, безъ всякой помѣты.

- 3) У Даля в. в. „швыркать“ безъ всякой помѣты.

- 4) У Даля в. в. „шумъ“ помѣта тмб. дон.

- 5) Далъ в. в. „шутить“ помѣта: вор.

- 6) Перваго слова изъ этихъ трехъ у Даля нѣтъ, а въ объясненіи двухъ послѣднихъ встрѣчается неточность.

Ю.

* Юдѣй—калъба, уродъ. (Имя прилагательн. „женщина юдѣя“). Скоп. у.

¹⁾ Южѣть (южить 3 л. ед.)—плакать, кукситься.

Я.

Ягѡльничъ (-h-) — небольшой горшокъ для щей.

²⁾ Ядрѣнай — крупный, большой (о картофели, о деньгахъ, о бѣльѣ и проч.).

* Якѡпій (якѡпъ)—декоктъ (медиц.). Скоп. у.

‘Яловый—порожній, пустой. (Яловая телка, корова).

Яровѣть, яриться—випѣть (о водѣ).

³⁾ ‘Ярка—самка барана. (Яхнѡкъ—барашекъ).

⁴⁾ ‘Ярь—хлѣбъ весенняго посѣва.

Изъ разсмотрѣннаго матеріала для изученія рязанскаго народнаго говора съ фонетической, морфологической и лексической стороны мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Исходя изъ того положенія, доказаннаго лѣтописью и историческими изслѣдованіями, что Рязанскій край почти совсѣмъ не заключалъ въ себѣ славянской стихіи приблизительно до XII-го вѣка, мы признаемъ нынѣшній рязанскій народный говоръ образовавшимся постепенно путемъ колонизаціи Рязанскаго края выходцами изъ сѣверныхъ и западныхъ губерній и, быть можетъ, сосѣднихъ южныхъ.

¹⁾ У Даля помѣта—вор. нвг.

²⁾ У Даля с. в. „ядро“ помѣта—ерл. кур. тмб.

³⁾ У Даля с. в. „ярый“ помѣта—зап. пск.

⁴⁾ У Даля с. в. „ярый“ помѣта—пск. нвг.

2) Рязанскій народный говоръ можно возвести по письменнымъ памятникамъ и нѣкоторымъ соображеніямъ фонетическаго характера не ранѣе, какъ къ концу XIV-го столѣтія. Слѣдовательно, рязанскій народный говоръ въ нынѣшнемъ его видѣ принадлежитъ довольно позднему времени.

3) Рязанскій народный говоръ состоитъ изъ элементовъ различной давности; изъ элементовъ пришедшихъ, не туземныхъ, но чисто-русскихъ. Древнѣйшіе элементы русскаго языка сохранились въ нынѣшнемъ рязанскомъ говорѣ, главнымъ образомъ, въ особомъ видѣ акаанья послѣ шипящихъ и въ области морфологіи: въ личныхъ мѣстоименіяхъ и въ спряженіи глаголовъ настоящаго времени.

4) Рязанскій народный говоръ въ своихъ основныхъ чертахъ есть типъ древняго русскаго языка средней полосы Россіи, каковымъ онъ долженъ былъ быть до литературной обработки, каковымъ было и московское народное нарѣчіе до образованія литературнаго языка и безъ всякаго книжнаго вліянія.

Послѣднее положеніе требуетъ слѣдующихъ поясненій: нѣкоторые уѣзды Московской губерніи до сихъ поръ акаютъ по-рязански (пяски, мястами) и спрягаютъ глаголь въ 3 лицѣ съ окончаніемъ *-тъ*; московскій говоръ въ XIV вѣкѣ приближался къ бѣлорусскому нарѣчію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. (Соболевскій. Лекціи. 2-е изд. 172). На основаніи письменныхъ памятниковъ средне-русскаго языка можно утверждать, что и въ отношеніи акаанья (по крайней мѣрѣ, послѣ шипящихъ) московскій говоръ входилъ въ громадную область средне-русскаго акающего нарѣчія. Рязанское акаанье, а равно бѣлорусское, есть видъ древнѣйшаго акаанья, и во всякомъ случаѣ оно по происхожденію ранѣе умѣренного московскаго акаанья, образовавшагося не безъ вліянія литературной, книжной рѣчи. Всѣ случаи перехода звука *е* неударяемаго въ *а* (т. е. полное акаанье) имѣли переходную ступень въ звукѣ *о*, который появился прежде всего послѣ шипящихъ, когда послѣдніе стали отвердѣвать. При первыхъ призна-

кахъ аканья (XIV в.) это о послѣ шипящихъ само собой звучало, какъ а; затѣмъ это а появилось уже послѣ всякаго другого мягкаго согласнаго при посредствѣ также звука о съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ. Примѣры: „сложенъ“ — „сложена“ послѣ отвердѣнія шипящихъ превратились въ: „сложонъ“ — „сложона“, а при аканьи въ: „сложанъ“ — „сложана“. (Или въ муж. родѣ „сложонъ“, если удареніе было на „жо“). Другіе примѣры: желтѣть, жолтѣть (жолтъ), жалтѣть; обсаженъ, обсажонъ, обсажанъ, обсажана; женá, жонá (жонъ), жанá; четýре, чотýре, чатýре. Подъ вліяніемъ такихъ и подобныхъ произношеній: несенъ — несена, нес'онъ — нес'она, нес'ана; селó — с'олó (с'олѣ) — с'алó. Звукъ ѣ нѣсколько позднѣе подвергся отвердѣнію. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что полному аканью предшествовало отвердѣніе шипящихъ и расширение звука е первоначально независимо отъ ударенія, но въ зависимости отъ слѣдующаго слога, хотя нерѣдко (см. выше) расширившееся е въ о подпадало подъ удареніе. Полное же аканье должно было появиться за этими явленіями и указываетъ на новый факторъ — вліяніе ударенія.

5) Рязанскій народный говоръ ближе стоитъ къ бѣлорусскому нарѣчію въ древнемъ его видѣ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ къ сѣверно-великорусскому. Это указываетъ на источники образованія рязанскаго народнаго говора.

6) Если принять во вниманіе, что „древній смоленско-полоцкій говоръ (XIII—XV в.) былъ промежуточнымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ кривичей съ одной стороны и дреговичей съ другой“ (Соболевскій. Смол.-полоцкій говоръ. Отд. оттискъ изъ Р. Ф. В. Стр. 15), если ближайшее рассмотрѣніе нынѣшняго рязанскаго народнаго говора въ свою очередь обнаруживаетъ общія черты съ древнимъ бѣлорусскимъ говоромъ и сѣв.-вост. говоромъ, то онъ долженъ быть признанъ также промежуточнымъ звеномъ между западнымъ и сѣвернымъ русскимъ говоромъ только въ другой половинѣ, въ восточной, средней полосѣ русскаго языка.

7) Принимая во вниманіе, что рязанское нарѣчіе не приняло въ себя *позднѣйшихъ специальныхъ* чертъ бѣлорусскаго нарѣчія, мы будемъ имѣть въ нынѣшнемъ рязанскомъ народномъ говорѣ образецъ древняго (XIV—XV в.) обще-среднерусскаго народнаго языка. Срв. орловское, курское, воронежское, отчасти тамбовское и харьковское нарѣчія.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Пѣсни, записанныя въ Рязанской губерніи.

N 1.

Обрядовыя пѣсни подъ Новый Годъ.

Кликанье Авсянъ (Таусена) подъ Новый Годъ въ Рязанской губерніи происходитъ такъ: ребята, собравшись около избы, просятъ позволенія „Авсянъ прокликать“ и говорятъ: „Хазяинъ съ хазяюшкой, дазвольта-ль Афсянтѣ прокликать“? Имъ отвѣчаютъ: „Кличьтя“!

Они начинаютъ:

Филипафъ дворъ сирадѣ Ма-	Красна солнышка
сѣвы стайтъ,	Што хазяюшка явѣ
Бай, Афсень! (2).	Бай, Афсень! (2).
Онъ тынямъ аптывѣнъ	Часты звѣздачьи
Бай, Афсень! (2).	Малы дѣтушки!
На фсякай на тынинки	Бай, Афсень! (2).
Па жамчужинки.	—Падѣйта намъ кишкѣ-ношку
Бай, Афсень! (2).	Въ верхнюю аюшку,
Какъ святѣль-та мѣсяцъ	Мы такъ не дастанамъ
Хазяинъ вы-дамѣ;	Лапату патставимъ!
Бай, Афсень! (2).	Бай, Афсень! (2).

Род. падежъ отъ слова „Авсень“ говорятъ и „Афсянѣ“ и „Афсянтѣ“. Записано отъ крестьянки д. Щелева, Скопинскаго уѣзда.

№ 2.

Другой варьянтъ, записанный въ с. Свистовкѣ Скоп.
уѣзда:

Мы хадили, мы һуляли	Па жамчужники.
Па святымъ вичарамъ,	Ба́й, Афсень! (2).
Мы искали-та искали	Василій হাসпадинъ — што
Што Васильява двара.	святѣль мѣсяць.
Ба́й, Афсень! (2).	Ба́й, Афсень! (2).
Мы нашли яво сиряди Ма-	хасударыня яво барыня
сквы.	Што красная солнушка!
Ба́й, Афсень! (2).	Ба́й, Афсень! (2).
Какъ Васильяфъ та дворъ	Малы дѣтушки яво
Сиряди Масквы стаить,	Часты звѣздущи.
Ба́й, Афсень! (2).	Ба́й, Афсень! (2).
Онъ весь тынямъ аптынѣнъ,	Ба́й, Афсень — калада,
Какъ на фсякай на тынйнеи	Дай краюшку пираһа!
(Тутъ всѣ пристануть, одна буда һаварить:)	
Бутьта дабры, дайтъ стаганъ вады,	
Бутьта ради, дайтъ стаганъ браһи,	
Кишей, жалутки, кишкй, нощки	
Фъ пачѣ сидать, на насъ һлядѣть,	
Фъ кашель хатѣть.	

Падайтъ кишку-ношку	Мы рукой ни дастанимъ,
Въ верхнюю акошку,	Лопату патставимъ.
(„Кишки чинѣть крупой и дають јимъ“, замѣтила пѣвшая баба).	

№ 3.

Клибанье Таусеня въ с. Миряслафшынѣ (Милослав-
щинѣ) Скопинскаго уѣзда. Срв. Шейнъ. Р. н. п. № 3,
стр. 368. № 5, стр. 371. (Обрядны).

Таусень, Таусень, я хажу-	Какъ Панфѣрафъ дворъ
ли, пахажу-ли	На прикрасы стаить:
Па святымъ вичарамъ;	Сиряди яво двара
Ја ишпу-ли, пайшиу-ли	Да три теряма стаить.
Ушь Панфѣрафъ дворъ!	Таусень!

Первый терямъ — свѣтлѣ Жывутъ люди бабѣтѣи,
мѣсяцъ — храбуть деньни лапатами,
Самъ Панфѣръ гаспадинъ; Намъ па дѣняшки дають,
Фтарой терямъ — красна Па капѣячки сулять.
сонца — Таусень!
Ушъ хазяюшка яво; Падѣйта ношку
Третій терямъ — часты звѣз- Въ заднюю акошку;
ды — Ношку ни дадита,
Мелки дѣтушки яво. Дочерю касѣя радита.
Таусень! А если кишку пададита,
Какъ за рѣчкѣй, за рѣкѣй, Сына харошава радита.

№ 4.

Кликанье Таусеня въ селѣ Зыковѣ Раненбургскаго уѣзда:

Таусень, Таусень, мы хадили па святымъ вичарамъ,
Мы искали, паискали ушъ Панфилафъ дворъ.
Какъ Панфилафъ дворъ — онъ весь тынямъ аптынѣнь,
На кажнай па тынинки па жуковинки.

Таусень!

Свѣтлѣ мѣсяцъ — ушъ какъ Хвѣдаръ насударъ,
Красна сонца насударыня яво!
Ясны звѣзды — ушъ какъ дѣтушки яво!

Таусень!

Сравни у Сахарова. Сказ. рус. народа. СПб. 1841.
Т. I. Обрядныя пѣсни. NN 3, 4, 6.

(Эти двѣ пѣсни записаны моимъ ученикомъ по моимъ указаніямъ).

№ 5.

Въ Гусевскомъ погостѣ Касимовск. уѣзда такъ, между прочимъ, „кличуть“:

Таусень, падай каньѣй,

Таусень, радѣйшь сынка!

Подъ Новый Годъ дѣйствительно пекутъ тѣсто въ формѣ конька. (Сообщено А. И. Смирновымъ).

Бытoвыя пѣсни „Свадьбишныя“.

№ 6.

(Срв. у Сахарова. іб. Свад. п. № 145).

Жыниху съ нявѣстай абѣмъ ихрають, кадъ ани къ
вянѣцу идуть:

Русы кудри за столъ пашли,
Русу косу за сабой павяли:
Русы кудри, што Иванавы,
А руса каса — Настасьина.

(Если жанихъ ни ддаётъ деняхъ за пѣсню, то ихрають:)

Слышышь-ли, Иванъ-сударь,
Што ихрицы наварять:

Знать, ани дару хатять. („Даръ“ — род. п. ед. ч.)

„Иль у васъ деняхъ нѣтъ?

Вы займѣтя у таварышней,

У Настасьи Павлавнай“.

— Друхъ ты мой, Настасьюшка,

Ажупи маю болаву,

Изъ накладу вывади,

Ись пазора валикава.

Записано отъ крестьянки д. Щелева Скоп. уѣзда.

№ 7.

Кадъ жанихъ съ нявѣстай прѣйдуть атъ вянѣца, имъ
ихрають:

Дѣ былъ селязень,

Дѣ была утѣна?

Дѣ былъ Иванъ,

Дѣ была Настасья?

Бохъ ихъ снѣсъ

Въ адно озяро,

Адну воду пить,

Адно ѣства клявать,

Бохъ васъ свель

За адинъ столъ,

За адну скатертью,

Адно ѣства јість,

Адну рѣчь наварить.

N 8.

(Срв. у Сахарова. Свод. п. Вар. N 25; *ibid.* N 12, стр. 189).

Паяжѣнамъ ихрають. (Дружѣу и полѹдружѣю.)
Дружынѣя харошынѣяй, Чулки шолкавы.
Дружынѣя прибожынѣяй, Каты съ йскриками,
Каѣъ на друшки кафтаъ Фѣъ павыскакали,
Бархатнай, Въ рукахъ-та трость,
Каѣъ на друшки кушакъ Трость сярѣбряная.
Каламѣнкавай, Онъ и на хару идѣть
Каѣъ на друшки каты Апираѣтца.
Каты бархатны,

Записаны въ д. Щелевѣ, Скопинскаго уѣзда.

N 9.

Свадѣбашная.

(Срв. у Сахарова. *ib.* Свод. п. N 24 и 168).

Сиратѣ ихрають, кадъ косу расплятають.

Ты ряка-ли, мая рѣчанѣя,
Ты ряка-ли, мая быстрая,
Ушѣ и што жа ты, рѣчанѣя,
Патихо бязышѣ, палягоханѣя,
Ушѣ и што жа ты, Марьюшка,
Ушѣ и што жа ты, Ивановна,
Пріюныѣ сидишѣ, призадумамшыѣ,
Што павѣшамшы халовушку,
Што на праваю старонушку.

— Ушѣ вы, люди, май люди, люди добрай,

Вы сасѣды приближонай,

Ка чаму жа мнѣ высѣлай бытъ:

У менѣ-ли нѣту матушки (батьки).

Убрать, снарядить естъ каму,

А блаславить менѣ некаму.

Ты радимай мой, братацѣ,

Ты, Василій Ивановичь,
Ни жылѣй свайхъ рѣзвыхъ нохъ,
Ни жылѣй сваго добра каня,
Паяжжай ты къ Бажѣй церкви,
Къ Бажѣй церкви, къ суду Божьему,
Ухватись ты за кручѣнь канатъ
И ударь ты въ большой колакаль,
Разбуди маю матушеу.
Расступись сыра зямля,
Раскались храбава даска,
Раскройся ясны очи,
Разлажытятся бѣлы ручки.
Васстань, матушка мая,
Убери ты миня, снаряди,
Бласлави миня хѣрьбою
Къ суду Божьему.

(С. Яблоново. Скоп. у.).

N.10.

На марѣ нахолушка купаласа,
На сухомъ на бѣряшѣ апсусаласа.
Мима ѣхалъ наспадинъ Иванъ,
Онъ махнулъ шапковѣй плѣткой:
—Палятѣ, нахолушка, палятѣ къ маей Варварушкѣ,
Разбуди, нахолушка, —свѣтъ маю Варварушкѣ,
Штѣбъ ана убираласи и къ вянцѣу златѣму
Прихатавляласи. (С. Свистовка. Скоп. у.).

N 11.

На рябѣ, на рѣчаньки,
На калинавамъ мѣстику
Красная дѣвушка дары мыла
И шытѣя калатѣла.
Па друхуя старонушку
Паринѣ каня пайлѣ,

Бялёнька ей зшаваріць:

—Бялёнька табѣ, свѣтъ ты, мая Мареушка,
Ручьки сабѣ пазнабіла.

Ана яму атвчаець:

—Хайць ты жылѣй, хайць ни жылѣй,
Ни твая слуѣа я вѣрная:
Я слуѣа сваю батюшку
И радной сваёй матушку.
Какъ унѣжыць мяня батюшка,
Улялѣла мене матушка:
Слатка пила я, ѣла,
Харашо я у нихъ хадила:
Атласъ зъ бархатамъ насила
Сы аламы лентыи,
Зъ дараіныи пражументыи.

(Этую пѣсню іграють, кадъ праважають дѣвушку зъ
вянѣцу и убірають јејѣ). Срв. у Сахарова. Свод. п. N 81.

С. Свистовка. Скоп. у.

N 12.

Если дѣвушка — сирота, то она *кричитъ* (см. сло-
варь), когда ее одѣвають:

Кармиляць ты мой, батюшка,
Кармилица мая, матушка,
Любезнай май братцы,
Вы сходите ка Божьей церкви,
Вы ударьця зъ большой колакаль,
Разбудить маво кармильця—батюшка
На ета время—минутачью,
Штѣбъ онѣ пришлоъ, мене благославиль
И зъ чужы люди мене правадиль,
Ка чужому атцу съ матерью.

Срв. у Сахарова. Свод. п. N 168 и N 183.

С. Яблоново. Скоп. у.

№ 13.

Кады всходить жанихъ пакупать нявѣсту:

Милыѣи маи братцы,
Любезнай маи сѣстрицы,
Схадитя ва зяленую рошшу
И срубитя вы мнѣ бѣлую бярэзу,
Штѣбъ маимъ разлучникамъ
Ни взайтитъ, ни възѣхати,
И маи русаи воласы
Яму ни трохати. Тамъ-же.

№ 14.

Зимляничья ѣнатка,	Ай, батюшка увидалъ,
Атчаво жа ты красна	Сударь радной усматриль.
Ва сямомъ бару расла,	Онъ Марьюшки знавариль:
Прати солнушка свѣла,	— Ай, Марьюшка, падыми,
Спротивъ жара стаяла?	Михайлавна збираѣи.
Марьюшка хараша,	— Ай, батюшка, нидасухъ,
Михайлавна приѣжа,	Сударь радной ня время:
Фѣ каво жѣ ана хараша,	Я па сѣнюшкамъ хажу
Фѣ каво жѣ ана приѣжа?	Жамчухъ на руку нижу,
Вы батюшку хараша,	Жамчухъ на руку нижу,
Вы матушку приѣжа.	Вы канпаньцу спяшу,
Чирязъ нашъ шырокаѣ дворъ	Вы такую, вы канпанью
Праляталъ яснаѣ саколь,	Жынихѣфъ выбирать.
Ранилъ залато пярѣ—	Ушѣ я выбрала жынишка,
Шыздѣсятъ рублей дано—	Што Стяпана-сакала.
Кѣ Марьюшки падѣ акно.	Стяпанѣ-сударь, друхъ ты мой,
Нихто пара ни видалъ,	Пандравилси разумъ твой,
Нихто ни усматриль:	Весь абычѣй дарахой.
Батюшка увидалъ,	Тамъ-же.

№ 15.

На харѣ рябина стала,
Бўянѣ вѣтирѣ рябину шатаецъ,

Силанъ дождикъ рябинушѣу мочить,
Краснымъ сонцамъ рябинушѣу сушить.
Стяпанъ-сударь въ Маскву атьязжаеть
Иванавичъ атьязжаеть,
Марьюшка яво праважаеть,
Ана яво праважаеть,
Сама слёзна плачить:
— Ня плачь, ня плачь, Марьюшка,
Я самъ скоро буду,
Тебе ни забуду,
Куплю табѣ, свѣтъ-Марьюшка,
Салопъ съ сибалами,
Шляпу съ парами,
Перстинъ са славами. Тамъ-же.

N 16.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 191, стр. 233.

Пазать саду
Пазать зиланова,
Ходить холунъ съ халубушкой.
У холуба залатая халава,
У халупки шея ряжаная.
Ходить Стяпанъ съ Марьюшкой,
халубой на ёмъ сартукъ,
На Марьюшки юпка розавая.
Прихадилъ два таварышша яво,
Пазавидавали яму:
Кабы ета мая жана была,
Я жеје ба вясной вы баласачьныхъ вазиль,
А зимой ба ва тачёныхъ казырѣхъ,
На ямшыцкихъ лышадяхъ. Тамъ-же

Срв. Сахарова. N 101, 34. N 39.

Кружавыи и плясавыи.

№ 17.

Масляничная плясовая („абъ маслянай ибрають“).

Ай у хорянки, ю хорянки,
Ю хорянки, ю навой, (2)
Тамъ ляжать доски, (2)
Ляжать доски тонки, трёски. (2)
Я на тѣмъ даскамъ (3) буляла,
На ту доску я ступила: (2)
Ай та даска (3) абламилась;
За ту доску (3) журить-бранить,
Журить-бранить, пабить хатить.
Твая журьба (3) чисавая,
Мая бульба викавая... (2)

(Дальше крестьянка забыла. С. Яблоново. Скоп. у.)

№ 18.

Плясовая.

Ни сизой голуць па харамъ ляталь,
Чи жало въздыхаль,
Чи жалѣй таво дѣвка плакала
Па сваёмъ друшкѣ, па Иванушкѣ.
У Иванушкѣ на халовушкѣ,
На халовушкѣ вѣлись кудрюшкѣ.
Далёко я шла праважать друшка,
Далѣй Питира, далѣй хорада,
Далѣй матушкѣ каминѣй Масквы.
Сирядѣ Масквы расставалися,
Съ стараны люди дивавалися:
Ушѣ и чѣй такой расставаетца,
Либа мушѣ жѣ жаноѣ, либа братѣ съ сястрой,
Либа прежній друхѣ съ палюбовницѣй,
Съ краснай дѣвицѣй, съ рукадѣльницѣй.

Тамъ-жѣ.

N 19.

Плясовая.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 86, стр. 133 (хороводная);
N 33, стр. 176 (плясовая).

Ты хмялина, ты хмялина,	Палюбилъ, палюбилъ,
Ты хмялинушка мая,	Катѣ новаѣ купилъ.
Никада миня хмялина	А Ягоръ на задоръ—
Ни разымливала.	Два съ палтинаю— на столъ,
Какъ и нѣня авчирѣ	бриванъ восьмъ на столъ бро-
Хмялинушка разняла,	силъ
Разняла миня хмялина—	На нѣмецкѣи чулки.
Палюбилъ пшѣналь-дитина,	Тамъ-же.

N 20.

Ни падъ яблынькуй такой,	Пра жаниству пра сваю,
Падъ кудрявай зелянѣй,	Какъ жанила мыладца,
Сидитъ моладецъ такой,	Цужа дальня старана—
Ни жанатай, мужаватай,	—Макарыска ярманка.
Держытъ हुсли патъ палой,	У Макара на базари
Патъ праваю стараной.	Салуцыласа бяда,
Вы зыграйтя हुсли-мысли,	Ой бяда, бяда, бяда,
Я вамъ пѣсянку спаю	Да ня малинькия.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 48, стр. 192 (плясовая).

N 21.

Я такой былъ раскрасав-	И таво мнѣ ни хватала
цыкъ,	Шыздсятъ рублей въ аб-
Самъ на хабрицкахъ жы-	рокъ.
валъ,	Я съ хазяинамъ расцѣлси,
Разнай ситяцъ набивалъ,	Ницаво мнѣ ни пришлось,
Получалъ деняхъ ня мала,	Исъ бантуры вонъ пашоль,
Сотъ на восьмъ рублей въ	Кулакомъ слезы утеръ.
годъ,	Какъ, утершы горки слезы,

Атправлялся въ дальнай	Я прїѣхалъ я дамой,
путь.	Весь аборванной, худой,
Всю дороженьку прѣхалъ,	Словна жуликъ плащаной.
Абъ расцѣти таскавалъ,	Паживи ка ты въ даревни,
Куды денюшки дявалъ,	Пахлабай ка сѣрыхъ щей,
Куды хривна, куды рушь,	Панаси худыхъ лаптей.
Куды два съ палтинаю;	

(Касим. у. Тумскій край).

N 22.

У Калущейхъ у варотъ	— Ты скажи, скажи, На-
Дѣфьей водють караходъ.	дежда,
Анна дѣвица запѣла,	Скажи вѣрная <i>любой</i> (лю-
Въ терямъ боласъ падала,	бовъ),
Маладца въ таску бола.	Атъ цаво серьца страдая,
Маладечъ на конь садилси,	Атъ цаво пылая <i>крой</i> (кровь).
Тижалѣхныньки вздыхалъ,	Знать, приходя пара-время,
Праву руцку къ серьцу жалъ,	Серьца цуствуя <i>любой</i> .
Самъ Надеждуй называлъ.	<i>ibidem</i> .

N 23.

Ни ва поли, полюшки	— Встань, встань, молодець,
Елыцка стаить,	Армея идѣ.
Какъ падъ этуй ёлицкуй	А дѣ жа ты была, завалиласи,
Гусариекъ ляжыть.	На диравамъ масту правали-
Гусариекъ ляжыть,	ласи,
Конь яво стаить.	А и хто ты несъ
Конь капытуй землю бѣе,	На диравай мостъ?
Вады ни дастаё.	— Я на рынацки была,
— Табѣ, табѣ, кониекъ мой,	Я харѣлыцку пила,
Вады ни дастать,	Я рассады накупила,
А мнѣ добраму молодцу	Иваротъ свой засадила,
Атъ зямли ня встать.	Капуста мая, расцапанистая!

Тамъ-же.

№ 24.

Я сидѣла падъ аюшыцкамъ,
Пряла бѣлиньей лянокъ.
Я въ аюшыца глядѣла,
бдѣ найдеть-ли милай мой—
Жаль растаццы мнѣ съ табой.
Всѣ даяцонки въ караводи,
А милашки маей нѣтъ.
Всѣ звѣздычки на нѣби,
Палуношной анной нѣтъ.
Атъ ушла цатвѣртай домъ,
Жолтуй краскуй навядѣнъ,
Три даяцонки сидя въ ёмъ:
Анна Саша, друба Маша,
Третья Полицка-душа,
Знать, даяцонка хараша.
Вотъ павадились рябаты
Къ етимъ дѣвацкамъ хадить,
Разны янати насыть.

Тамъ-же.

№ 25.

Гуси маи сѣраји	Въ цыварицкахъ я хажу:
Всю ноцку ярвокали (аю-	Анна нара новая,
кали),	Друбая казловая,
Спать мнѣ ни давали.	А третья царвовая.
На крылецки стоила,	— Дѣвка чернабровая,
Бровами морчала:	Пра тия, дѣвка, слава,
— Суда, хлопцыкъ, до миня,	Съ ёймъ ты всю ноцку спа-
Цорны брови у миня.	ла.
— Цортъ тея дари съ ними,	— Спала я съ салдатыкамъ,
Ты дамно манишь јими.	Спала я съ малодинькимъ,
Коббы я ни манила,	Патъ кустомъ раиктавымъ,
Я ба боса хадила,	Съ казакомъ Микитаю.
А то пыльницца люблю,	

Тамъ-же.

№ 26.

Ни вяля Машы на рѣцынькю хадить,
Ни пригазываютъ малодыка любить..
Халастой паринь, любитель дыраһой,
Онъ ни цуствуить любоби никакой.
Какава любой на свѣти харюца,
Стаить Машынькя заплакана,
У красавицы затерты рѣкава.
Плеть на Машынькю, пабѣдушка пришла:
Вечаръ Машынькю пабили за друшка.

Тамъ-же.

№ 27.

Ни ва садики саловушыкѣ паѣтъ
Маяму серьцѣ зазнобу придаѣтъ:
Надарвалася сярдечинькя плакамшы,
На яво ли русы кудри хлѣдямшы..
Паходыцка яво цастинькяя,
Принаворы-слава ласкавыѣ.
—А що-жъ милинькяй ни зайдѣшъ ка мнѣ,
Милъ ва гори ни навѣдаишъ мина?
—Пастой, милка, пара-время избярусь,
Тѣмнай ноцынькя дажжусь:
Придя день, са старонъ люди хлѣдя,
Са вецара атецъ съ матерью ня спя.
Цуть заснула малодушка на цасоѣъ,
Ей прибредилася, бытто дружокъ милинькяй
пришолъ,
Ка тисовай каравати падашолъ.
Онъ лажытса на тисову каравать,
Задалъ душкѣ цылавать и милавать,
Кы ративаму сярдцеу прижымать.
Зарѣдалася ритиво серьца ва мнѣ;
Прабужалася красна дѣвица ва снѣ,
Прабужамшы я на бѣлай свѣтъ хлѣжу,

То-та правда, возли милава ляжу,
 Всяки приницки, арѣшки на сталахъ,
 Забрѣмѣли цѣйны цѣпки са стала,
 Зилино вино ѣ бутылкахъ ѣ галавахъ,
 Запумѣли самавары ва сѣняхъ.
 Ни па юлицы мятелича мятѣ,
 Ва мятелицы канпаньца идѣ,
 Ва канпаньцы друкъ милинькай.

Тамъ-же.

№ 28.

Плясовая.

Я сы хоря, сы бяды
 Пракутилъ я фплоть да самай сиряды,
 Я накроюсъ худинькимъ мяшкомъ,
 Прабачу я вдоль па улицы пашкомъ.
 (С. Яблоново. Скоп. у.).

№ 29.

Я стаала вичаринай у варотъ,
 Вдоль па улицы пяхота идѣтъ.
 Падбѣгаѣтъ афицериѣ маладой,
 Онъ сказалъ: „напой, красавица, вадой“.
 Онъ, напимшы вады, вѣрѣва ручькю жалъ,
 Прикланялси, очень страшна далавалъ.
 Афицериѣ вдоль улицы прабѣжалъ.
 Долѣа, долѣа я сматрила за нимъ вслѣдъ,
 Ва ачахъ памутилси бѣлай свѣтъ.
 Вдрухъ прѣхалъ на фатеру јинаралъ,
 Больна жаласна, какъ ранянай, станалъ.
 Семъ лѣтъ ва вдавухъ я пражыла,
 Читырѣхъ дѣчкѣѣ замухъ аддала. Ibidem.

№ 30.

Плясовая.

Харошъ мальчикъ вурядил-	Русы кудри накладныји,
си,	Принапудрянѣји.
Јво власки халубѣји,	Дѣя таво онъ ихъ напѣтрилъ,

Штѣбы фсягъ яво любилъ.	Барышни бархату, атласу,
Адну дѣвицу люблю,	Залатуя бахмару,
Наглядѣтца ни маю,	Кравать нову абабю,
Наглядѣтца, насматритца	Тисавуя снаряжу.
На яё ли красату,	Сяду на кравать,
Што на русаю касу.	Буду плакать-нарявать,
Куды здумаю, паѣду,	Ни придѣть ли милой апѣть.
Съ сабой милава вазьму,	Съ караватачки слязала,
Въ Питяръ хорать пасту-	Чивярички надавала,
плю,	Чивярички нивялички,
Па киятрамъ павяду,	Новы, бархатныи.
Ва настиннай рятъ зайду.	За варота выхадила,
Ва настиннамъ ва ряду	Друшка за ручькю брала,
Фсѣ лавачьки абайду,	Ва високъ тярѣмъ вяла,
Фсѣ тавары пирсмагрю,	Стала друшка потчивати.
Барышни бархату куплю,	Ibidem.

№ 31.

Плясовая.

Са бяла лица далой
 Бѣд мой равнивай мушъ дамой, (2)
 Онъ вязѣ (2) падаракъ дарахой,
 Шылжавуя плетъ, вальховой кнутничекъ,
 Хоча, хоча миня моладу пучить,
 Я ня знаю, я ня вѣдаю, за што,
 У сасѣда долна вечирамъ была,
 Халастому стаканъ рому налила,
 А жанатаму зяленаго вина.
 Халастой мой стаканъ рому ни принялъ,
 Онъ май ручьки ка сярдечькю прижималъ,
 Онъ миня душой Катюшай называлъ.
 — Ты раздушынѣя, Катюшынѣя, мая,
 Мнѣ пандравилась паходачька твая,
 Паходачька твая частинѣя,
 Папаворачька мякинѣя.

Стучить, хрямить мой милянйый у варотъ,
 — Пади, выди ты, сударушка мая,
 Пади, выди, пабалакаимъ съ табой.
 Словна милай шутацьёю шшутиль:
 Папярёкъ миня дывчонку ухватиль,
 Панесь, панесь на тисову каравать.
 — Пастой, милай, я пастелю пастялю,
 На пастелю аржаную саламъ,
 Въ изналовьца дубовой чурбачекъ,
 Адняльца — танбоскай дерначёкъ.

(С. Булычево. Скоп. у. Каждая строчка играется по два раза).

N 32.

Малотеа мая (2), малодинь-	Далёбо милай жывётъ,
кая,	Ай ну, ай ну-ну...
халофка твая (2), пабѣднинь-	Далёка, далёко,
кая,	На той старанѣ,
Не съ кимъ мнѣ малотки	Ай ну, ай ну-ну...
Ночью начинать,	На той старанѣ,
Ай ну, ай ну-ну,	Ня блиска ка мнѣ,
Ночью начинать!	Ай ну, ай ну-ну...
Ночью начинать,	Ня блиска ка мнѣ,
Праспать, праяжать!	Блиска къ Масквѣ,
Ай ну, ай ну-ну,	Ай ну, ай ну-ну...
Праспать, праяжать!	Ходя мой милай
Лажысь спатъ адна,	Той стараной,
Безъ мила друшка,	Ай ну, ай ну-ну...
Ай ну, ай ну-ну,	Машыть мой милый
Безъ мила друшка!	Правую рукой,
Безъ мила друшка,	Ай ну, ай ну-ну...
Пастелька хрушка,	Рукой правой, шляпай чор-
Ай ну, ай ну-ну...	най,
Безъ мила друшка	Ай ну, ай ну-ну...
Барётъ хрусть-таска,	Пирайди сударушка
Ай ну, ай ну-ну...	На мою старонушку,
хрусть-таска барётъ	Ай ну, ай ну-ну...

На маей старонушки Салавьи вяселіѣ,
Фсѣ гульбы-забавушки, Ай ну, ай ну-ну...
Ай ну, ай ну-ну... Салавьи вяселіѣ.
Сады зеленіѣ, (С. Булычево. Скоп. уѣзда).

№ 33.

Масляничная (плясовая).

Ушѣ ты коваль-кавалѣчикъ,
Пайди, коваль, ва лясочикъ,
Сруби тонинькаѣ дубочякъ,
Здѣлай Дуни халадочикъ,
Халадокъ, халадокъ, халадочикъ.
Штопъ я, Дуня, ни харѣла,
Жывотъ, серьца ни балѣла,
Ни балѣла, Дуня, ни балѣла.
Кума хъ кумѣ прихадила,
Рубашоначье прасила,
Прихадила кума, прихадила,
Прасила кума, прасила.
—Ты дай, ты, Душа, рубашку,
Рубашку, рубашку,
Хоть худуя, да льянуя,
Альянуя, кума, альянуя
Съ красными съ паляками,
Съ паляками, кума, съ паляками,
Сы долгими рукавами,
Съ рукавами, кума, съ рукавами.
—Сама, кума, пряди, ни лянися,
Ни лянися, кума, ни лянися,
Вдолъ лавачье ни тянися,
Ни тянися, кума, ни тянися.
—Ушѣ я прыла, ни лятала,
Ни лятала, кума, ни лятала;
Сваму друшку на рубашку,
На рубашку, кума, на рубашку.
С. Яблоново. Скоп. уѣзда.

N 34.

На мнѣ шуба чужая,
Рубашонка худая,
 Ай, худая, худая!
Пайду дамой, пирьмяню,
 Ай пирьмяню, пирьмяню.
Ишпю хужай надѣну,
 Ай надѣну, надѣну.
Пришла дамой, ни дають,
Падзатыльничья дають,
 Ай дають, ай дають.
Падзатыльнигъ зъ блѣскими,
А я малада съ слѣзкими,
 Ай съ слѣзкими, слѣзкими.

Тамъ-же.

N 35.

Салавейка, салавейка,	Прицапи яво на шею,
Салавейка маладая	Валачи яво за сабою.
Вонъ изъ саду вылетала, (2)	—Валачила, валачила,
Дѣфкамъ волкѣну давала.	Спина, шея забалѣла,
Дѣфки по саду жуляли	Паясница разламила.
Сваю долю праблинали:	—Ушъ ты, баба, ты, бабѣнка,
Ушъ доля, мая доля,	Шымудѣва халавѣнка,
Расправлятая доля.	Струпяная макушка
Хто жанатава любить,	Пасинѣла, какъ лягушка,
Халастова нинавидить;	Пасинѣла, паблядыѣла,
Баба дѣфкамъ наварила:	Яё немаць адалѣла.
—Ни любита маво мужа.	
—Чортъ съ табой, съ му-	Тамъ-же.
жамъ,	

N 36.

Какъ у нашихъ у варотъ
Стаятъ дѣвакъ кураходъ,
 Ляли, брава, кураходъ.

Стадлѣ дѣвакъ кураходѣ,
Малодушевѣ табунокѣ,
 Ляли, брава, табунокѣ.
Меня дѣвки кликали,
Меня малодушки манули,
 Ляли, брава, манули.
Меня свѣкаръ ни пустилѣ,
 Ляли, брава, ни пустилѣ.
Хатя пустилѣ, приһразилѣ,
 Ляли, брава, приһразилѣ.
нулай, снаха, да пары,
Вплоть да бѣлай да зари,
 Ляли, брава, да зари.
Бялѣ зорька занялась,
А я дамой сабралась,
 Ляли, брава, сабралась.
Патхажу я ка двару,
 Ляли, брава, ка двару.
Ходить свѣкаръ па двару,
 Ляли, брава, па двару.
Расчасамшы бараду,
Завязамшы халаву,
 Ляли, брава, халаву.

Тамъ-же.

Срв. у Сахарова. Сказ. р. народа. I. Хороводн. п.
N 22, стр. 34; N 53, стр. 44; N 54, стр. 45. Варианты.
Ibid. N 2, стр. 56, а также на стр. 69 два варианта.
У Шейна. Р. н. п. N 89, стр. 136. (Хороводныя).

N 37.

Круговая.

Ушѣ ты, сатѣ, ты мой сатѣ,
Ты на што рана святѣшѣ, асыпайсѣ?
Ской далеча, милой, сабирайсѣ?
Ты са всѣй сваѣй сямбѣй распрашпайсѣ,
А са мной съ мыладой всѣ руһайсѣ.

Ни рунай, ни бранись, скажи милачьки „прашнай“.
Тутъ лятѣла пава чирясь синя моря,
Уранила пава съ крыла пѣрушка;
Мнѣ ня жалка пѣра, жалка крылушка.
Записали мыладца въ службу царскаю,
Службу царскаю, насударяву.
Служылъ хотъ, служылъ два,
Служылъ фсѣ три хада,
На послѣдній та хотъ
Сталъ письма писать.

Д. Звѣрево, Данковского уѣзда.

N 38.

Ты, сударушка, ты мая размилая,
Идѣ жа ты была, пристаала, прыспала?
Прышлядѣла на чужыхъ мужьѣхъ?
Какъ чужыи мужья пьютъ, हुляють,
А маеи яхатки дома нѣту.
Онѣ на ярмачькымъ, пы тархамъ разъяжжя,
Сваво варана каня прадавая,
Д' ушѣ нихто у яво ни тархуя.
Тархавалъ, любавалъ сынѣ настинай.
Енѣ дешыва давалъ — палтараста рублѣхъ,
Мнѣ ня сходна взять палтараста,
А сходна взять двѣсти.

Д. Звѣрево. Данков. у.

N 39.

Питырбурска была дарошка,
Маскоска была широка,
Да нихто-та на етай дарошки
Ни не былъ тольбя, ни हुляль.
Тольбя шоль, прашоль пишахотнай полѣхъ сал-
дать.
Ни дашетны да сѣла, дярвени

Станавились салдаты въ рятъ,
Падъ бѣлай бярезай лажылись салдаты спать.
Стали атдыхать равнѣхунья равна три часа..
Адинъ мальчиѣ раскрасафчикъ
Фсю Расею испрашолъ,
Атца съ матерью ни нашолъ,
Нашолъ новай кабачекъ,
Прапѣлъ шапѣу, кушачекъ. Ibidem.

N 40.

Вы хорати салучилася беда:
Тамъ убили маладога казака,
Прихранили при широкай далинѣ,
Тамъ лятѣли саколики стараной,
Сѣли-пали ю вдовушѣ на дварѣ,
Крылушками широка размяли,
Наласами ю вдовушѣ будилѣ,
Станъ, праснись, ювдовушка, вдава,
—Ты паслушай, пра што люди наварѣ,
Люди бають и рунають и бранѣ,
Чужы мужы сы рубашкыми идуть,
Сваимъ жонамъ па падарачькамъ нясуть,
Маво пана вы калясачькыхъ вязуть,
Маи дѣти—сиротачки. Ibidem.

N 41.

У холюбя, у сизаго зылатая балава,
У холюбя пызалоченая,
У Антона мылада жана, свѣтъ Катарина-душа,
Катарина Сяргѣвна,
Катарина—пустая балава,
Пустая фсѣ приказывала.
Ни равно ли, Катарина, саколъ налятить,
За сакаломъ и Антонъ-сударь наблжыть,
—Ты н'юмѣишъ фсѣ рѣчи наварить.

Я умѣю рѣчи наварить. При дарошки, при большой
Я раскину бѣль шатѣрь,
Къ етому на шатру я каня привяжу,
Чаркацкая сядѣльца въ изголовья пылажу,
Я искала, ни нѣскала, русы кудри распчясала,
Ачнулси, прабудилси, нѣтъ ни каня, ни шатра,
Ни чаркацкаго сядла. Абманула ты мене,
Ты заставила пашкомъ хадить, настинцы насить.

Ibidem.

N 42.

Кружавая.

Вѣрнай нашъ калодясъ,	— Уѣхалъ нашъ хазяинъ,
глубокай нашъ калодясъ,	Уѣхалъ нашъ баяринъ
А што-шъ фъ тебѣ вады	Фъ Питяръ хорать пахулять,
нѣтъ?	Приѣдить нашъ хазяинъ
— Конь воду выпиваль,	Апетъ исъ Питара изъ хорада,
хрясь капытцай выливалъ,	Привязѣтъ ли нашъ хазяинъ,
— Фсѣ кони на дварѣ,	Привязѣтъ ли нашъ баяринъ
Хазяина дома нѣтъ.	Питябургская умницу...
Уѣхалъ нашъ хазяинъ,	— Стой, мая золатца,
Уѣхалъ нашъ баяринъ,	Цалуй меня молатца!
Въ Маскву въ хорать па-	И т. д. до слѣд. словъ:
хулять.	Фъ Катонъ хорать пахулять
Приѣдить нашъ хазяинъ	
Апетъ изъ Масквы изъ хо-	Привязѣтъ ли нашъ баяринъ
рада,	Катонская умницу...
Привязѣтъ ли нашъ хазяинъ,	Маскоская умница,
Привязѣтъ ли нашъ бай-	Стали мнѣ пастелюшку,
ринъ	А, Питябургская умница,
Маскоскую умницу;	Клади въ изголовьяца,
Маскоскую умницу	А, Катонская умница,
Вывяду на улицу, (3)	Разбери пастелюшку.
Пасажу на стульцу.	С. Яблон. Скоп. у.

Срв. Шейнъ. Р. н. п. N 106, стр. 155 (хороводная).
N 107, стр. 156. Здѣсь у Шейна описанъ и хороводный
обрядъ во время этой пѣсни.

N 43.

Кружавая, но падъ няё плясать можна.	
Я на стульцы сажу,	Пади замушъ за мене,
Ушъ я колушеи тяшу,	За удава малатца.
Ай, люшынъки, ай, люи!	У мене ли малатца
Ушъ я колушеи тяшу,	Кравать нова тисавъ,
Я Чаротъ харажу,	Пяринушка пухавъ,
Хрѣнь-капусту сажу,	Адьяльца тяплъ.
Ай, люшынъки, ай, люи!	—Ставай, милая мая,
Хрѣнь-капусту сажу!	На дварѣ бяла зоря,
Сажу бѣлинькою,	На улицы бѣлай свѣтъ,
Фсѣ качанистаю,	Пасматри за мной вслѣтъ.
У каво нѣту капусты,	— Куды-шъ милинькый па-
Прихадити вы Чаротъ,	шолъ,
Ай, люшынъки, ай, люи!	Куды-шъ радась палатѣль?
Прихадити вы Чаротъ!	Пашолъ милай далиной
Прихадити въ чаротъ	Ка Дунышы вдавинѣй.
Хрѣнь-капусту палоть,	Дуныша вдавина
Качаники ни ламать,	Чѣмъ жа луччей меня,
Красныхъ дѣвакъ выбирать.	Чѣмъ жа луччей, чѣмъ жа
Выбралъ дѣфку, выбралъ	крашай,
красну,	Фсѣ наблѣжае живѣтъ,
Спратъ себе станавилъ,	Чашшей въ гости завѣтъ,
За себе замушъ манизъ:	Луччей пѣтчивастъ.
—Пади, дѣфка, пади красна,	

С. Яблоново. Скопинск. у.

Срв. у Шейна. Р. н. п., стр. 404—405. Обрядныя.
IX. N I. Тульск. губ.

N 44.

Кружавая.

Хажу я жулю	Хажу, выбираю
Да вдоль кураходу	Бахатаго теста.
Па фсяму народу...	Ушъ я выбралъ бахатаго
Зайнка бѣлая.	теста:
Хажу я жулю,	Вотъ онъ мой тестигъ,

Вотъ онъ мой баһатай,
Зайнка бѣлая.

Хажу я һуляю
Да вдоль кураһоду
Па фсяму народу...
Зайнка бѣлая.

Хажу, выбираю
Баһатуя тѣшшу.
Вотъ ана мая тѣшша,
Вотъ ана баһата.

Зайнка бѣлая,
Хажу я һуляю и т. д.
Хажу, выбираю
Баһатаһо шурина.
Вотъ онъ мой шуринъ,
Вотъ онъ мой баһатай.

Зайнка бѣлая.
Хажу я һуляю и т. д.
Хажу, выбираю
Баһатуя сваячиню.
Вотъ ына мая сваячиня
Вотъ ына мая баһатай.

Зайнка бѣлая.
Хажу я һуляю и т. д.
Хажу, выбираю
Харошуя нявѣсту.
Вотъ ына нявѣста,
Вотъ мая хороша.

Зайнка бѣлая.

Хажу я һуляю и т. д.
Хажу, выбираю...
А вотъ ыни май ручьки,
Вотъ ыни май бѣлыѣ.
Пакажы-ка свай ножыньки,
Пакажы-ка свай бѣлыѣ,
Пакажы-ка свай кудрюшки,
Пакажы-ка свай русыѣ.
Вотъ ани мои ношеи
Вотъ ани мои ручьки.
Зайнка бѣлая.

Вотъ онъ мой зятигъ,
Вотъ онъ мой баһатай,
Зайнка бѣлая.
Пакажы-ка, зятюшка,
Пакажы-ка, батюшка,
Зайнка бѣлая.

Пакажы-ка, батюшка,
Свай русы бѣдрюшки,
Зайнка бѣлая.
Вотъ ани май кудри,
Вотъ ани май русы,
Зайнка бѣлая.

Прашу, люди добры, на
свадьбу,
Хлѣба-соли хвата.
Зайнка бѣлая.

Вольное село „Гремячья“ Скопинск. уѣзда. Слово „зайнка“ произносится съ твердымъ н, какъ написано. Срв. у Сахарова. Сказ. р. н. Хороводныя пѣсни. N 10, стр. 29. У Шейна. Р. н. п. N 111, стр. 160 (хороводныя).

N 45.

Плясавая.

Хажу, хажу и па трафьки,	— Начуй, начуй, мой ми-
Хажу, ни нахажусь,	линьяй,
Нляжу, нляжу на милаю,	Са мной адну ночьку.
Нляжу, ни наНляжусь.	— Радь-бы, радь-бы начавать:
Каю вѣрына люблю	Коню корму нѣту, (2)
Таю ни нахажу,	А мнѣ каравати, (2)
Люблю, люблю Катярину,	Не съ ѣмъ начавати.
Купечискую дочьку.	Чуя, ноя мая серьца,
Душа мая, Катярина,	Любя онъ инуя,
На дворъ, на дворъ выха-	Толька дума, фся раздумья,
дила,	Да чѣмъ ана луччей.
Каня вывадила.	Лицомъ ана ни бялѣя, (2)
Выважомшы сваю коня,	Брови ни чарьнѣя,
Сядломъ асядлала, (2)	Вышыной ана ня вышай,
Друшка праважала, (2)	Талшыной ня тóлшей.
Начавать уймала,	Тамъ-же.

N 46.

Крунавая. (Ихраетца паслѣ Святой).

Я у матушки малѣханекъ радилси
 А у батюшки нлупѣханекъ жанилси,
 Взялъ я сабѣ жану ниНадайкю,
 Павяла меня жана хѣ тестю въ гости.
 Пришлось намъ итить мима зялёнай рошшы,
 Привязала жана мужа на бѣлай бярёзи,
 А сама пашла шельма на нуляня.
 Яму камарики фсѣ ношки паткусали,
 А саловьюшки haloфку пралявали.
 Пришла шельма жана зъ нуляня,
 Стала спрашывать яво:
 Будешъ-ли, ниНадай, вармить меня хлѣбамъ,
 Будешъ-ли, ниНадай, меня пайтъ квасамъ?

насударыня-жана, буду кармить калачами,
 Паить буду чаямъ.
 Атважы толька мени ать бѣлай бирёзи:
 Мнѣ камарики фсѣ ношки п'аткусали,
 Саловьюшки haloфку фсю праклявали.
 Атвазала жана мужа, ухватила яво за руку,
 Павяла яво хъ тестю въ гости.
 Сталъ тесть у зятя спрашивать:
 Атчаво ты, зятюшка-батьюшка, вмѣстѣ зъ жаной ни
 пришолъ?
 — Мнѣ, папаша, некагда была!

Д. Щелево. Скоп. у.

№ 47.

Скамаро́шная.

Чу, чу, чу!	Паповы рябаты
Я гарошыгъ малачу	харохъ малатили,
На чужомъ тачкю.	Цапы пирламали,
Ка мнѣ бурачька пришла,	За авинъ пабрасали.
Я яё цапомъ,	Авинъ заһарѣлси,
Изъ няё пярo	Папу́ то сказали.
Падъ Иванава сяло.	Попъ исъ базѣнки ¹⁾
Иванушка пишыть,	Вытраскаль һлазѣнки,
На дѣвицу дышыть.	Пападаь исъ печей
— Дявица, дявица,	Выламала плечки,
Схади за вадицай.	Дьяканъ съ лафьки
— Я волка баюся.	Вышыть пятки,
Волкъ на работи,	Дьячокъ съ паталка
Сава на балоти,	Убилъ тьяка.
Лунь падъ балотамъ.	Тамъ-же.

Срв. у Шейна. Р. н. п. № 68, стр. 42. (Дѣтскія).

¹⁾ Даль. Словарь в. в. казна.

Прежде чѣмъ помѣстить собранныя нами „протяжныя“ (халасавѣи) пѣсни, замѣтимъ, что и напечатанныя нами до сихъ поръ, представляя богатый и дорогой матеріалъ для изслѣдователя русскихъ нарѣчій, не лишены интереса и въ бытовомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Рядомъ съ этими пѣснями мы имѣемъ запасъ замѣтокъ относительно различныхъ обрядовъ и бытовыхъ сторонъ вообще рязанскаго крестьянства, такъ напр., кое-какія замѣтки о рязанскомъ народномъ лѣчебникѣ и медицинскихъ травахъ. Но это, конечно, не составляетъ предмета нашей настоящей работы. Теперь мы замѣтимъ, что нѣкоторыми изъ вышеприведенныхъ пѣсенъ вносится небольшая поправка въ нашу морфологію относительно формъ 3-го лица множ. ч. наст. вр. безъ окончанія *тъ*: надо признать, что въ рязанскомъ нарѣчій такія формы *были* и, сохраняясь рѣже въ живомъ говорѣ, до сихъ поръ живутъ въ пѣсняхъ. См., напримѣръ, NN 27, 40 и др., гдѣ встрѣчаются формы: *хлядя, спя, вяля, хаваря, бравя* и т. п., а въ N 31 мы видимъ и форму 3-го лица ед. числа „*вязѣ*“. Въ пѣсняхъ мы отчетливо слышали эти произношенія. Вообще, всѣ пѣсни мы старались передавать фонетической транскрипціей, и отступленія довольно рѣдки, развѣ въ томъ случаѣ, гдѣ произношеніе всякаго великоросса совпадаетъ и съ произношеніемъ рязанца. Ниже мы приводимъ „протяжныя“ пѣсни, которыя обыкновенно играютъ при работахъ.

N 48.

Протяжная (халасавая).

(Изъ Москвы пришла).

Круномъ, круномъ асиратѣла
Бисъ тебе, халупчикъ мой,
Съ тобой вся щастья улятѣла,
Ни-варотитца назать.
Приди, мой милай, паскарѣй

Кы бѣдной дѣвицы, ка мнѣ,
 Ня йдѣть мой нинагляднай,
 Знать, забылъ онъ пра мене.
 Ва снѣ, какъ сокаль, зайвилси,
 На серьца йскаръ заранилъ,
 Блякнулъ, какъ мѣланья, самъ скрылси,
 На вѣкъ спакойсвія лишилъ,
 Сказалъ: „хуляй, мая милая,
 И ни влюбляйси ни фѣ каво:
 Фѣ тваихъ лятахъ любить апасна,
 Заявнишъ, какъ трава,
 Заявнишъ, ни разсвѣнишъ,
 Разсвѣсть ня можышъ никагда.
 Кагда розанъ разсвѣтаеть,
 Фсякъ стараетца сарвать,
 Кагда розанъ засыхаеть,
 Фсякъ стараетца стаптатъ.
 Кагда дѣвица щаслива,
 Фсякъ стараетца любить,
 Кагда дѣвица бяцасна,
 Фсякъ стараетца забыть. г. Скопинъ.

№ 49.

Знать жа намъ на травушки ня хажывати,
 На сваю харошу ня взглядывати,
 Знать, мая хароша вы хорницы сидить,
 Скрось стянны акошчыкы на молатца йладить,
 Съ удалымъ ана малотчикамъ рѣчи наварить.
 —Штошъ ты, милинькый, ня ходишъ на улицу са мной,
 Штошъ ты ни становисси возля мене маладой?
 У мене ли у маладой свѣкаръ-батюшка блахой,
 Онъ блахой, блахой, старъ, ня ласкавай такой:
 Ни пушшаеть маладу хулять вечарамъ адну.
 Ушъ и я ли малада вараватаа была,
 Прялачкью взяла, фѣ пасидѣлачки пашла,
 Прялачкью падъ лавачкью, а сама хулять пашла.

Прагуляла малада да траіхъ я питухофъ;
Первыѣ питухи запѣли, я ня думала дамой,
И друііѣ запѣли, я на разумъ ни взяла,
Третіѣ запѣли; бяла зоря занялася,
А я дамой сабраласъ. Патхажу я ка двару,
Ходить свѣкаръ па двару, рапчысамшы барадѹ.

С. Яблоново. Скоп. у.

№ 50.

Дуня, Дуня, танкапрыха,
Взяла Дуня сабѣ работу,
На три надѣли двѣ вудели,
Вяла Дуня нитку въ гусинюю лытку,
Вотъ таѣ Дуня, Дуня танкапрыха!
Начала наша Дуня холстики снавatz,
Въ апароди ткать,
Въ апароди ткать, каломъ притыкать.
Бхали баяря, „Бохъ помачъ“ сказали,
„Бохъ помачъ табѣ, Дуня, рагожычкѹ ткать“.
„Ета ни рагожа, баринъ, ета халстина прибожа!“
Стала Дуня холстики бялить,
Халсты намачила, рѣчкѹ апсушыла.
Стала Дуня холстики стялить,
Халсты пастялила, беряхъ абламила.
Сабираетца Дуня рубашычкѣ крѣить,
Тапориѣ на столиѣ, малаткомъ ударить,
Навѣртачѣямъ наварынѣть, канатамъ прадѣрнѣть.
Стала наша Дуня рубашкѹ надывать,
Троя дяржали, двоѣ надывали,
Три хода насила, смѣны ни прасила,
Въ баню ни хадила.

С. Яблоново. Скоп. у.

Послѣ каждого стиха повторяется припѣвъ: „Вотъ таѣ Дуня, Дуня тонкопрыха“. Срв. Шейнъ. Р. н. п. № 1, стр. 237. (Бесѣдныя пѣсни).

N 51.

Вясёлая бясёдушка, ідѣ батюшка пѣць,
 Онъ пѣць, ня пѣць, за мной младай плѣць,
 А я млада, маладешынька, замѣшкалась за уткімі,
 За пташкімі, за һўсямі, за лебядымі ¹⁾,
 Какъ журюшка край берашка пахажываець,
 Шалкавую травушку пашыцпливаець,
 Ключавою вадицай захлѣбываець.
 Взгляну я на фсѣ чатыры стóранки,
 Даревня мала, малёшынька:
 Чатыры двара. Вы етихъ ва дворицахъ
 Чатыры кумы; кумитяся, любитяся,
 Любити мене, ушъ, вы, кумушкі,
 Вы, халубушкі, падрушкі маі. Тамъ-же.

N 52.

Фѣ суботу, день нянаснай, А мы съ табой, друхъ сяръ-
 Няльзя фѣ полі рабатать, дешнай, пажывѣмъ.
 Няльзя фѣ полюшкі намъ. Ушъ я вѣчоръ сваго мілѡва
 рабатать, Убирала харашо,
 Чарно пашыньку пахатъ. Убирала, снаряжала,
 Пайдѣмъ съ табой, міліа- Праважала даляко.
 чіеъ, Я да тѣхъ поръ, я далеча,
 Ва зилёнай сатъ һулять. На праеклятай на Капкасъ.
 Въ зиланомъ ва садочкі Са праеклятава съ Капказу
 Салавыи-пташкі пають, На високай на курханъ,
 Харашо пташкі васыпають, Са високава съ курхану
 Лишъ крылушчымі шыва- На зилёнай на лужокъ.
 лять. Сталь мілай распрашшатца,
 Ни пра насъ ли съ табой, Палили слёзы изъ һласъ,
 мой міліаначіеъ, Сталь мілай палаватца,
 Здыіі люди наварять. Закипѣла крофъ ва мнѣ.
 Пушшай судють, пушшай ря- Тамъ-же.
 дють,

¹⁾ Варьянтъ касимовскій: „За һўсямі, за курами, за мелкаю пташкаю, за журушкой“ . . .

N 53.

Старана, мая старонка,	Ешли ты мене палюбишъ,
Низнакома здѣшная,	Вазьми замушъ за себе;
Па тебѣ, май старонка,	Ешли ты мене ня любишъ,
Нѣту матари-атца,	Вазьми въ руки пасталѣтъ,
Нѣту матари-атца, ни атца,	Прастрыли ты һрутъ маю;
Нѣту милаѣа друшка.	А таѣо, милай, давольна,
Я вѣчоръ слязой заснула,	Штѣ прикончили жысь маю.
Друшка видѣла ва снѣ:	Схарагитя маю тѣла
Я милому наварила,	Прамешъ трѣхъ балышыхъ
Любезнаму сваяму.	дарохъ,
Я ачнулася, ужаснулася,	Прамешъ питарскай, маско-
Забиѣла крофъ ва мнѣ.	скай,
Я милому наварила,	Драславскай старанѣ.
Любезнаму сваяму:	С. Гремячка. Скоп. у.

N 54.

Закаталася красна солнушка
 За тѣмныѣ лѣса.
 Въ лѣсу пташки пріюмолкли,
 Феѣ садились па мястамъ,
 Па такимъ жа па мясточьямъ,
 Па рабитавымъ кустамъ.
 Какъ падъ ёлкай, падъ вятѣлкай
 Стаить хижынка нава,
 Въ етай хижынке живѣтъ
 хорьѣа вѣава.
 Тута шлі, прашли три яроля ¹⁾,
 Патхаділі ані падъ акно.
 —Ты, любезная наша хазяюшка,

¹⁾ „Адинъ яроль сѣлъ на лапку, друхой — на скомью, а друхой сиради хаты есталъ“, прибавила игравшая пѣсню крестьянка.

Ты пусти насъ начинатьъ.

—Вы, любезнаѣ маѣ яроѣли,

Прашу миласти фѣ хату взайтить.

Три дни, два дни хату ни тапила,

Ничаво ни варила.

—Любезная хазяюшка,

Намъ ня нужна тваво ничаво,

Намъ была жалательна

Приадахнуть у тебе.

Кады вы жалаете, прашу миласти, фѣ хату
взайтить.

С. Яблоново. Скоп. у.

N 55.

„Зазноба, зазнобушка, зазноба мая,

Зазнабила серъца тваѣ и маѣ за одинава,

Любила я малотчика сямнатцати лѣтъ,

Милѣй фѣ свѣти нѣтъ“... Дальше крестьянка за-
была. Тамъ-же.

N 56.

Што за горя, за бѣда!

Мушъ равнивай, ни пушшаеъ нигуда,

Хаша пустаъ, самъ въ акошачьки ѣлядять;

Мима садику дорожыньки ляжыть,

Па дорожыньки каласачьки бяжыть,

Ва каласки душа-Сашыньки сидить.

Какъ у Сашыньки заплаканы ѣлаза,

У красавицы затѣрты рукава.

—Съ чаво, Сашынька, худа стала, блядна,

Знать, ты, Сашынька, хварала бизъ мяня?

Таскавать, я таскавала па тебе,

—Я хварать-та, ни хварала бизъ тебе,

Я па хорницамъ пахажывала,

Въ акошачьки паѣлядывала.

Жана мужа праманула, правяла,

Пасля мужа пирь-бясѣду сабрала,
При бясѣди стала плакать, харывать,
За нящаснай стали люди примичать,
Атцу, матэри тихонька наварять,
Атець съ матэрью рунають и бранять:
„Нинадзяка, нинадзяка, дочь наша,
Ва каво-штъ ты раджана,
Ва какова-штъ вѣ нинадзя влюбляна“.
Нящасная взяла вѣдры, пашла за вадой,
Пачырпнула полныѣ, паставила падъ хару,
Сама скрылась падъ валну. Тамъ-же.

N 57.

Полна милая крушытца
Тайнымъ серцамъ аба мнѣ!
Ни пара-ль намъ съ табой атерытца,
Скажу, милая мая, табѣ.
Время важная праходить,
Пратыкають нашы важныѣ часы,
Пратакутъ нашы добрыѣ дянѣчки,
Придутъ хорькѣѣ часы,
Придутъ хорькѣѣ часочки,
Разавѣтца у Машы кася,
Разавѣтца, расплятѣтца,
Словна фѣ полі шылкава трава.
Фѣ полі травушка-трава засохнуть
Фѣ самай лѣтняй жаркай день.
Красаты вѣ лицѣ Машы ня станить,
Тѣла нѣжнасть Машы ападѣть.
Испрашолъ я харада, губерни,
Луччей Машы ни нашолъ.
Есть палуччей, многа крашей,
Милѣй фѣ свѣти, радась, нѣтъ.
Бизъ бялилъ лицо твая бѣлая,
Бизъ румянъ шпочки алы.
Черны брови, глаза павядѣны,

Вы горянку Машу назавёмъ,
Хъ каравати Машу падъвядёмъ. Тамъ-же.

№ 58.

День, дянёчикъ,
Прахади, день, паскарѣя,
Наступай, ночька, тямнѣя.
Мнѣ па нонишній день скука,
Са милымъ друшкомъ разлука,
Разлучаетъ насъ няволя,
Чужадалыня старона,
Питябургская дарошка.
Какъ па етай па дарошени
Многа ходють, многа ѣздють,
Многа писямъ пирсылають.
Маи письмы ни даходють,
Слухи вѣрны ни даносють.
На што-шъ матушка на горя парадилла,
Зарадила, малалѣтнава жанила,
Жана-шеляма ни влюбилла,
Съ караватушки спихнула,
Ручьёю съ ношкой извихнула.
Стала матушка тужыть.
— Ни тужы ты, мать радная,
Зажывётъ ношка бальная,
Будямъ банюшку тапить,
Будямъ пшюлачикъ варить,
Будямъ нобынью личить.
„Ибраецца на работи“.

С. Яблоново. Скоп. у.

ДОПОЛНЕНИЯ и ПОПРАВКИ.

Всякому понятно, что охватить заразъ въ одномъ изслѣдованіи все живое нарѣчіе цѣликомъ и не упустить въ немъ ни одной черты едва ли возможно, въ особенности, если предметъ изслѣдованія — новый, и занимаешься имъ сравнительно не продолжительное время. Мы старались въ своемъ трудѣ замѣчать все, что намъ встрѣчалось, и не боялись того, что мы скажемъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, такъ какъ работа, подобная нашей, важна сама по себѣ, какъ матеріалъ для дальнѣйшей разработки русскаго языка, а полнота и обиліе сырого матеріала въ этомъ случаѣ вредить не можетъ. Такимъ взглядомъ на дѣло отчасти оправдываются недостатки нашей работы съ технической стороны, нѣкоторыя повторенія и другіе пробѣлы. Чѣмъ больше живешь среди народа и его нарѣчія, тѣмъ больше слышишь и изучаешь данное нарѣчіе, а потому, пока печатался нашъ трудъ, у насъ накопилось нѣсколько новыхъ свѣдѣній и наблюденій, важнѣйшія изъ которыхъ мы и помѣщаемъ ниже, какъ дополненія. Такъ, напр., къ примѣрамъ перехода ударяемаго я въ е слѣдуетъ прибавить еще слово: пакаженія=покаяніе. С. Журавинка, Скоп. уѣзда. Къ случаямъ перехода е въ ѣ подъ удареніемъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующіе: ячмѣнной, рямѣнной, бравѣнчатой—*ibid.* Также: пѣкла=жара, пѣкло, чѣки—мн. ч. отъ чѣка. Семнатцатой=семнадцатый. С. Петрушино, д. Вельмія, Скоп. у. (вольная). Наоборотъ, къ случаямъ произношенія ѣ какъ е принадлежитъ слово: лѣгастъ=лѣгость. С. Свистовка, Скоп. у.; ачунѣтца=очнѣтся, расшыбѣтца—Журавинка.

Произношенія: мяньшой, сарьга, нальзя, сарьчатъ и друг. под. при сравненіи съ примѣрами: коринь, кашпыль,

каминь, хóчить, плы́шть и проч. позволяютъ, кажется, сдѣлать слѣдующую поправку къ выводу относительно перехода безударнаго *е* въ *я*: этого перехода не бываетъ въ слогѣ съ мягкимъ конечнымъ согласнымъ, если этотъ слогъ стоитъ *послѣ* ударяемаго, впереди же ударяемаго слога *е* при данномъ положеніи расширяется въ *я*.

Произношенія: *мужучѣтъ* и *уты́мать* — 3 л. ед. ч. свидѣлствуютъ переходъ безударныхъ *и* (*и*) и *а* (*о*) въ *у* — Журавинга.

Въ области гласныхъ замѣтимъ еще интересныя случаи сокращенія гласныхъ такого рода: *ня*†*станитца* = не останется, *ня*†*бманя* = не обманетъ; выпаденіе гласнаго въ предлогахъ: *патшóль* вм. *подошѣлъ*, *расшóлси* вм. *разошелся*, *апшóль* вм. *обошелъ* и т. п. Вставку же гласнаго звука *а* мы находимъ еще въ словахъ: *мáладенець* = младенець. *Сáмалá* — *смола*, гдѣ вставленное *а* звучитъ почти какъ *а* чистое. Срв. *кáравать*.

Въ области согласныхъ отмѣтимъ выпаденіе *е* между двумя гласными въ словѣ: *херу́ймъ* вм. *херувимъ*; мягкое *р* въ словахъ: *кряпíва*, *наря́*, *нутрё́* и произношеніе сочетанія *чт* какъ *шт* въ словѣ: *паштí* = *почти*. Ibid.

Приведемъ еще нѣсколько интересныхъ примѣровъ для ученія о родѣ именъ: „нутрё́ *фсю* вынимали *фъ* *пйчѣ́*“; „нашу *шшелеву́*“ вм. „наше *Щéлево́*“ (деревня, вин. п. ед. ч.); „то на *ту* *пйаю* *пáложышъ* *рабѣнка*, то на *друнѣ́я*“; „прóса *бальшáя* *такáя*, *вясѣлая*“. — Ibid.

Слово „вещь“ перешло въ „вешша“: „хорошую *вѣшшу*“, не измѣнивъ своего рода. Далѣе: „стада *убяглá*“. Ibid.

Примѣры члена: у *Тани-ты*, *на́нами-ты*, на *каняшци-ты*, *нони-ты*, къ *на́намъ-та*, *нону-ту*, *избу-ту* и т. п.

Примѣры род. пад. ед. ч. муж. р. на *у* вм. *а*: *на́шава* *убѣду*, да *мѣсяцу*, да *нóраду*. См. пѣсню N 56 ¹⁾.

Примѣры предл. пад. ед. ч. муж. р. на *у* вм. *ъ*: на

¹⁾ „Мима садику“.

еамышѹ, на дажжѹ, „ана пѹшшей *анз тарканѹ* ишшѹ
еричѣть“. Ibid.

Примѣры предл. пад. ед. ч. на ѣ вм. и: „на сямѣ
вазахъ“, „фѣ Твѣрѣ“—д. Вельмѣ. Скоп. у.

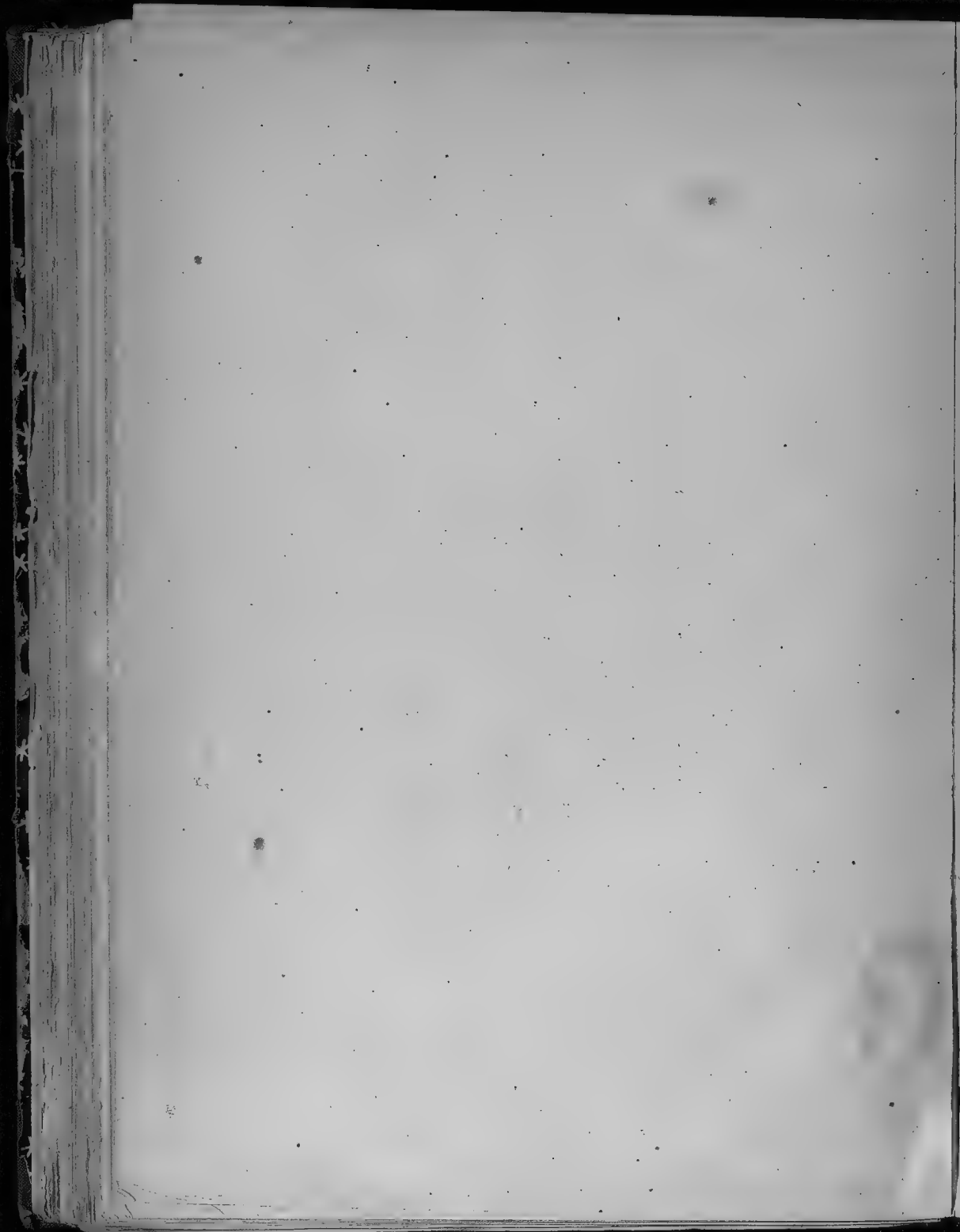
Примѣры род. п. ед. ч. ж. р. на ѣ (и) вм. и: „для
пасѹди“. Ibid.

Примѣры имен. п. мн. ч. муж. р. на а вм. и (и):
далѣа=долгі, тарѣа=торгі и т. п.

Наконецъ, въ дополненіе о глаголахъ скажемъ, что
въ д. Вельмѣ (вольная) Скоп. у. мы слышали формы: ни
вялі=не велятъ, вязѣ=везеть, и приведенныя нами пѣ-
сни подтверждаютъ существованіе такихъ формъ, хотя во-
обще онѣ въ говорѣ рѣдки, и развѣ сохранились только
въ захолустныхъ мѣстахъ.

Къ Лексическому отдѣлу прибавимъ слова: калѣжки—
туфли для покойниковъ, кѣломазъ—родъ дегтя, смолы (ср.
Далѣ s. v. „коло“), креснята = крестники, кулѣтѣпый—
безпалый, кутѣрѣаться—кувыркаться (у Далѣ только—тмб.),
кытѣшки—овцы молодые (у Далѣ s. v. „кѣтя“), навзначѣ
=навзничъ, покраѣъ = украшеніе, у сѣкаря=у осокоря,
у *всякаго* дерева, „пиркавыривай лодку“—многокр. в.
отъ гл. „переквырнуть“; чанѣ—помѣщеніе для воды въ
котухѣ для скотины; чѣньки—вязѣнки, шерстяныя туфли;
Чхѣтъ, чхнѣтъ—чихать, чихнуть; шамшѣтъ—шаркать но-
гами; шалава (не „шалавая“) —глупая, одурѣлая; чучевѣ-
ка—чечевица.

На стр. 37 вкралась опечатка: слѣдуетъ читать: „Звуѣъ
и вмѣсто и и наоборотъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1—vii
Особенности современнаго говора Рязанской губ.	1—8
Фонетика	9—101
Гласные звуки	9—50
Аканье	9—19
Вліяніе аканья на произношеніе вообще	19—25
Вліяніе аканья на морфологию рязанскаго нарѣчія	25—20
Случаи отстутпленія отъ аканья въ ряз. нарѣчіи	29—31
Замѣны звука а	31—33
Звукъ и (и=п, я=п, и=ъ, ѣ=и, и=у, и=е и на- оборотъ)	33—41
Звукъ у вмѣсто другихъ звуковъ и его замѣны	41—43
Звукъ ѣ вмѣсто другихъ звуковъ и его замѣны	43—44
Вставка гласнаго звука въ серединѣ слова, отпаде- ніе и присоединеніе гласнаго звука въ нача- лѣ слова	44—49
Упрощенія гласныхъ сочетаній	46—47
Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ	49—50
Согласные звуки	50—101
Задне-небные (гортанные)	50—61
Замѣны звука к и его ассимиляція	59—61
Губные звуки	61—72
Случай непосредственнаго смягченія губныхъ	63
Отпаденіе, приставка и вставка звука е	63—65
Замѣны звука е	65—69
Замѣны звука б	69
Замѣны звука ж	69—70
Замѣны звука ф	70—72
Зубные звуки	72—74
Вставка звука т, его замѣны, звукъ д	72—73
Звукъ ц и с	73—74
Носовые звуки ж и н	74—76
Плавные звуки р и л	76—77
Передне-небные (шипящія) звуки	77—86
Переходъ звонкихъ въ глухіе звуки	86—89
Вставка и перестановка согласныхъ звуковъ	89—90

Выпаденіе согласныхъ звуковъ	90—91
Твердость и мягкость согласныхъ звуковъ	91—96
Частные признаки рязанскаго нарѣчія	96—99
Точки соприкосновенія ряз. говора съ другими русскими говорами.	99—101
Морфологія	102—127
Членъ	102—103
Родъ	103—104
Склоненіе. Имя существительное	104—114
Имена прилагательныя	114—116
Имя числительное.	116—177
Мѣстоименіе.	117—120
Спряженіе. Глаголь	120—126
Синтактическія особенности	127—128
Отдѣлъ лексикологическій	129—150
Выводы	150—154
Приложеніе. Пѣсни	154—189
Дополненія и поправки.	189—191

